

ISSN 2219-1976

2015 / 1 (17)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

LATIN AMERICAN POLITICAL TRANSFORMATIONS

2015 / 1 (17)

ISSN 2219-1976

ISSN 2219-1976

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**

Научный журнал

2015 / 1 (17)

ISSN 2219-1976

Политические изменения в Латинской Америке

Научный журнал

№ 1 (17), 2015

Основан в 2006 году

Учредители:

Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета

Редакционная коллегия

проф., д. п. н. А.А. Слинько (ВГУ, председатель Редакционной Коллегии)

к.г.н. И.В. Комов (ВГУ)

доц., д-р ист. н. М. В. Кирчанов (отв. ред., ВГУ)

доц., к.и.н. А. В. Погорельский (ВГАСУ)

к.и.н. И. В. Форет (ВГУ)

Editorial Board

Dr. Igor V. Komov (Voronezh State University)

Ass.Prof., Dr.Sc. in History Maksym W. Kyrchanoff (editor)

Dr. Irina V. Phoret (Voronezh State University)

Ass.Prof., Dr. Alexander V. Pogorelsky (Voronezh State Academy for Architecture and Building)

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж

Московский пр-т 88

Воронежский государственный университет

корпус № 8, ауд. 22

Все оригинальные статьи, написанные на русском языке, поступающие в Редакцию, проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия

http://www.ir.vsu.ru/resources/library/latin_politics.html

ISSN 2219-1976

Содержание

Статьи и исследования

<i>А. А. Слинко</i> , Постнеолиберальный тренд в аргентинской внутренней и внешней политике	5
<i>Китти Сандерс</i> , Аргентина и Уругвай: несколько замечаний о военных режимах	8
<i>М.В. Кирчанов</i> , От кризиса империи к преодолению зависимости: бразильский опыт социальных и экономических преобразований в постсоветском российском контексте	11
<i>Tamara Khabibova</i> , Latin America countries socio-economic development forecast until 2020	23
<i>Г. Коларов</i> , Дилма Руссефф и национальная консолидация бразильцев: проблемы, противоречия и перспективы	27

Тема номера I:

Многоликие правые:

правая политическая традиция в Латинской Америке (проблемы истории и современности)

<i>М.В. Кирчанов</i> , От антикоммунизма к католицизму, от аграрного вопроса к экологическим вызовам: координаты и доминанты идеологического развития современного бразильского монархизма	34
<i>Китти Сандерс</i> , Три волны латиноамериканской правой политики XX – XXI веков. Первое поколение: консервативный антикоммунизм	40
<i>М.В. Кирчанов</i> , Современный бразильский монархизм: некоторые проблемы и направления актуальных идеологических трансформаций	44

Латинская Америка и мир,

Латинская Америка в мире

<i>Китти Сандерс</i> , Гондурас, еврейская диаспора и Израиль: продолжительное партнёрство	52
<i>Тамара Хабибова</i> , Перспективные области российско-мексиканского сотрудничества	56
<i>А.В. Погорельский</i> , Россия и Аргентина в меняющемся мире: стратегическое партнерство	62
<i>Т. Хабибова</i> , Куба – США: будущее двухсторонних отношений	70
<i>Георгий Коларов</i> , Коста-риканский президент Луис Гильермо Солис и индекс счастья в стране без армии	82

Тема номера II:

Буржуазные революции и революционный процесс в Латинской Америке:

бразильский исторический и политический опыт

<i>М.В. Кирчанов</i> , «Буржуазные революции»: историографический проект Запада и Советского Союза для мира и Латинской Америки	92
<i>М.В. Кирчанов</i> , Класс, нация, раса: многообразие революционного опыта в бразильской интеллектуальной традиции XX века	100
<i>М.В. Кирчанов</i> , Буржуазная революция в Бразилии: проблемы классических социальных и экономических интерпретаций	112

Критика

<i>М.В. Кирчанов</i> , Бразиловедение в кривых зеркалах московской латиноамериканистики	120
---	-----

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Слинько

Постнеолиберальный тренд в аргентинской внутренней и внешней политике

Автор анализирует проблемы политического развития современной Аргентины. Показана роль либеральных и постнеолиберальных тенденций. Автор полагает, что современный политический режим в Аргентине может быть определен как умеренный левоцентристский политический режим.
Ключевые слова: Аргентина, политические процессы, политический режим

The author analyzes problems of political development of modern Argentina. The roles of liberal and post-neoliberal trends are also touched upon. The author believes that the current political regime in Argentina can be defined as a moderate center-left political regime.
Keyword: Argentina, political processes, political regime

Первое десятилетие XXI века характеризовалось тектоническими сдвигами во внутренней и внешней политике аргентинского государства. Аргентина – одна из стран классического агрессивного неолиберализма в 90-ые годы (политика президента К. С. Менема) превратилась в страну, придерживающуюся стратегии условно получившей название «левый поворот».

Однако следует отметить, что «левый поворот» в Аргентине, связанный с именем Н. Киршнера, ни в коем случае нельзя ставить в один ряд с феноменом «левого поворота» в Венсуэле, Эквадоре и Боливии. Речь идет скорее о «киршнеристском мифе». «Миф К» представлял Нестора Киршнера пророком, который внедрил «левый поворот в национальную политику» [1. р. 93].

При этом надо иметь в виду, что данная стратегия аргентинской элиты абсолютно исключала стратегию глубинных преобразований, при этом заслужив симпатии «важнейшего сектора электората, который определяется как прогрессистский» [1, р. 104].

При этом следует отметить, что особую роль в «левом повороте» сыграли внутренние конфликты в перонистской партии, поскольку соперник Нестора Киршнера Э. Дуальде придерживался ярко выраженных и артикулированных правых позиций, Н. Киршнер занял противоположную позицию. При этом возник «перонистский азарт» - явление, характерное для хустисиализма – стремление действовать по принципу «все или ничего».

В связи с этим в Аргентине в 2009 году была проведена реформа избирательной системы, в соответствии с которой главную роль в предвыборном процессе стали играть первичные внутрипартийные выборы.

В целом, программу постнеолиберального тренда в Аргентине можно сформулировать следующим образом: во-первых, это усиление роли государства во всех сферах жизни в противовес неолиберальной тенденции минимализации этатизма; во-вторых, это восстановление роли партийной системы, которая практически находилась в руинах после радикальных неолиберальных экспериментов девяностых; наконец, в-третьих - это усиление роли и значения общественных организаций и движений.

Между тем реально киршнеризм возрождает традиционную перонистскую властную пирамиду, или «жесткую вертикаль». Особое значение в аргентинском постнеолиберализме имеет конструирование образа врага аргентинского народа. В число врагов аргентинского народа включались вооруженные силы и военные вообще, а так же МВФ и ТНК. Подобная конструкция программы киршнеризма привела к повороту левых сил в сторону нового перонизма.

В этой связи интересна новая внешняя политика современной Аргентины. Аргентина солидаризировалась с политикой «левого поворота» в Латинской Америке, сохраняя противоположную «левому повороту» структуру внутренней политики. С другой стороны, давление США на Аргентину в конечном счете вызвало активное сближение Аргентины, во-первых, с Китаем, во-вторых, с Россией.

В целом можно делать вывод, что в Аргентине сложился не радикальный и популистский вариант «левого поворота», но прагматический и институционалистский.

В условиях современного глобального кризиса, а также в ходе нынешнего вытеснения Китаем США с ряда крупных рынков в Азии, Африке и Латинской Америке, Аргентина занимает очевидно антиамериканскую позицию. С точки зрения внутренней политики позиции аргентинского режима продолжают укрепляться, несмотря на рост оппозиции. Парадокс состоит в том, что аргентинская оппозиция остается расколотой и аморфной силой.

Кризис неолиберальной традиции продолжается в исторических центрах неолиберализма – в США, в Великобритании и в некоторых странах Европы. Кризисные тенденции перебрасываются в Латинскую Америку, и электорат Аргентины отказывается голосовать за возрождение неолиберализма.

В этом смысле особое значение имеют выборы в Испании, которые продемонстрировали поражение главной силы ибероамериканского неолиберализма – Народной партии Испании. К власти в большинстве муниципалитетов Испании пришли альтернативные левые и ультралевые силы, близкие по духу, к примеру, уругвайскому президенту Х. Мухике – символу «цивилизованной ультралевой».

В целом необходимо подчеркнуть, что аргентинский режим был и остается самым умеренным среди левоцентристских режимов Латинской Америки. А этот политический тренд вполне может привести к победе на выборах правящую партию.

В этом смысле в Аргентине освоен опыт других левых режимов Латинской Америки, в которых именно быстрота преобразований и чрезмерный радикализм вызвали последующие социальные и экономические трудности. Более того, следует предположить, что в Аргентине может формироваться режим «иногo политического измерения», которое находится как за пределами традиционного *Paх Americana*, так и традиционного левого дискурса.

Однако главной особенностью идеологии современного режима в Аргентине является представление о постнеолиберализме как о нескончаемом континууме, с иллюзией нескончаемого прогресса. Аргентинский народ пока воспринимает «миф К» как альтернативный проект, несмотря на достаточно долгое пребывание у власти современной перонистской элиты.

Библиографический список

1. Rasgos y perspectivas de la nueva izquierda en America del Sur: Partidos politicos y movimientos sociales / comp. Arturo Fernandez. – Rosario: Homo Sapiens Editiones, 2013.

Китти Сандерс

Аргентина и Уругвай: несколько замечаний о военных режимах

Военные режимы – неотъемлемый элемент политической истории латиноамериканских стран в XX веке. Военные режимы в Южной Америке характеризуются особенностями фашистских режимов и недемократических правоавторитарных режимов.

Ключевые слова: история, Латинская Америка, военные режимы, Аргентина, Уругвай

The Military regimes are among integral elements of the political history of Latin America in the twentieth century. The military regimes in South America are characterized by features of fascist regimes and undemocratic right authoritarian regimes.

Keywords: history, Latin America, military regimes, Argentina, Uruguay

Забавное фото^{**}, сделанное с разных ракурсов и в разное время, но на одном мероприятии. Президент Аргентины Исабель Перон на встрече с главами профсоюзов и министрами по делам рабочих. На фото в первом ряду — Рикардо Отеро, секретарь по занятости, Касильдо Эreras, профсоюзный генсекретарь, Исабель Перон, Лоренсо Мигель, министр по социальным вопросам, а также Лопес Рега, министр социального обеспечения, создатель антикоммунистической парамилитари-организации Triple A и любитель эзотерического гитлеризма, «фашизма духа» и прочей фашистской мистики.

Это официальное широко доступное фото, оно лежит на многих ресурсах.

Людей вроде Лопеса Рега, кстати, в латиноамериканской политике было много, они проводили проффашистскую линию и стремились (за деньги или по убеждению) реанимировать мертвые европейские идеи. Но, поскольку условия в Латине отличались от немецких и итальянских, им приходилось фантазировать в мистическом духе. Так получился эзотерический гитлеризм Мигеля Серрано в Чили, оккультная орденица «правых перонистов» в Аргентине, перуанский национал-фашизм с индихенистскими корнями (и по сей день популярный), боливийский гарсиамесизм (в строительстве которого напрямую участвовали европейские неофашисты, вроде Стефано Делле Кьяйе, и нацисты — например, Клаус Барбье и Иоахим Фибелькорн). Отношение к подобным

^{*}Сандерс К. Аргентина и Уругвай: несколько замечаний о военных режимах / К. Сандерс [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kittysanders.com/RU/1283> Публикуется с разрешения Автора.

^{**} Фотография опубликована на четвертой странице обложки настоящего издания.

деятелям в странах Латины было различным — в Чили их очень быстро маргинализировали. Мигель Серрано не стал особо популярным. Сторонника «фашистского пути» в составе Правительственной хунты, главу ВВС Густаво Ли, очень быстро лишили реальной власти, а затем и вовсе отстранили от политической деятельности, несмотря на его энергичные протесты. Густаво Ли был большим поклонником национал-корпоративизма и сильной государственной роли в экономике; особенно ему нравилась египетская модель, построенная Анваром Садатом. Густаво Ли также был дружен с Хосни Мубараком, занимавшим в то время пост главы египетских ВВС. Уже в 1974-1976 начался процесс его отстранения от принятия реальных решений (его место начал занимать Фернандо Маттеи). В результате Чили не стала «болеть фашизмом», обойдясь «прививкой». Боливия, Перу и Аргентина, напротив, постоянно заигрывали с нежизнеспособными фашистскими и социал-националистическими концепциями, в результате чего до сих пор не могут наладить не то что полноценную политическую, экономическую и правовую жизнь, но даже и обеспечить банальные вещи, вроде бесперебойной подачи электричества и обуздания инфляции.

А вот фото, сделанное на том же мероприятии, но раскопанное мной в аргентинских архивных публикациях.

Первой моей мыслью была — «неужели insult?»; второй — воспоминание про то, что Исабель была натура экзальтированная, мистическая, легко впадавшая в транс. Кажется, фотограф смог «подловить» именно такой момент. Экзальтированностью Исабель с успехом пользовался Лопес Рега, всю манипулировавший слабохарактерной истеричной президентом с целью взять реальную власть в стране и устроить там смесь из полицейской диктатуры и корпоративного фашизма. Это очень не понравилось армии Аргентины, которая, хоть и была развращена и разложена многолетним бардаком и перонистской идеологией, но все же сохраняла (в офицерских кругах) хоть какое-то подобие правоконсервативного ядра. Армия свергла Исабель, начала сильно ориентироваться на чилийский опыт (в Аргентине был даже свой аналог «чикаго бойз» — Мартинес де Ос и его команда финансистов, причем де Ос был другом семейства Рокфеллеров). Поначалу правительство почти вывело страну из затяжного экономического коллапса, из-за которого Буэнос-Айрес еще в 60-е начали называть «столицей инфляции», и привлекло инвестиции, но потом пустило позитивные реформы под нож, пойдя на поводу у перонистских кадров, сторонников фашистской (а не либеральной) модели, профсоюзов (которые начали стенать, что их устаревшие заводы закрываются), традиционалистов-

патриотов, «грингофобов» и прочих. Позднее военные воткнули себе в сердце еще один нож, ввязавшись в войну за Фолкленды, были жестоко биты и свергнуты, после чего в Аргентине все вернулось на круги своя.

И напоследок еще одна фотография, нехорошего качества, правда — Исабель Перон и Хуан Мария Бордаберри, уругвайский диктатор, положивший начало уругвайской военной хунте — одному из самых незадачливых военных режимов на материке, тоже пошедшему по еврофашистскому пути.

Хунта в ходе правления испортила все, что можно было испортить и, пытаясь, устроить «неолиберализм» и сократить роль государства в экономике (на фоне последнего гражданского президента Хорхе Пачеко Ареко, который пытался победить инфляцию контролем над ценами и фиксированными зарплатами). В результате усилий Бордаберри по «освобождению экономики» она вообще перешла на социалистическую полураспределительную основу, а при военных, сместивших Бордаберри, роль государства в банковской сфере выросла чуть не в полтора раза — до 58-60%, а в базовой инфраструктуре, которую мундиры боялись отдавать частникам, до 70-80%. Как у них это получилось — ума не приложу, хотели сделать буквально наоборот. Когда хунту убрали, гражданские президенты, используя риторику вояк о «правом режиме» и «неолиберализме», быстро провели окончательное олевачивание Уругвая уже под социалистическими лозунгами, доведя роль государства в банковско-финансовой сфере до 80%. Инфраструктуру же национализировали почти полностью.

В уругвайской хунте был один приличный человек, Альберто Демичели, старый толковый юрист, который отменил полураспределительную систему и отказался подписывать пакет совершенно уродливых антиконституционных законов, направленных против оппозиционных партий и гражданских свобод. Демичелли полгода воевал с военными, настаивавшими на brutальном полицейском режиме, а затем его сместили и поставили на его место Апарасио Мендеса, который еще в свою бытность преподавателем в университете вызывал жалобы студентов — вместо предмета он рассказывал, сколь велик был Муссолини и как величественны были замыслы Гитлера по преобразованию мира в духе национал-социализма. Мендес с радостью подписал пакет законов, и Уругвай потерял все шансы на реализацию «национального капиталистического чуда» чилийского образца.

М.В. Курчанов

**От кризиса империи к преодолению зависимости:
бразильский опыт социальных и экономических преобразований
в постсоветском российском контексте**

The author analyzes problems of comparative developments in Russia and Brazil in the context of political and socio-economic transformations and modernizations. The author believes that the difficulties in implementing of the modernization policy were results of the imperial political culture and archaic political institutions and economic relations influence. The economy of monoculture played the negative role in processes of political and economic modernization. Particular attention is played to the factors of authoritarianism in political and economic modernizations. The author also analyzes regional differences and local dimensions of political and economic modernizations. The possible political and economic lessons, perspectives of Brazilian experience transplantation in modernization of Russian context are also analyzed by the author in the text.

Keywords: Brazil, Russia, modernization, economy, dependence, economy of monoculture, regionalism

Автор анализирует проблемы сравнительного развития России и Бразилии в контексте политических и социально-экономических трансформаций и модернизаций. Автор полагает, что сложности в реализации политики модернизации стали следствием влияния имперской политической культуры и архаичных политических институтов и экономических отношений. Экономика монокультуры играла негативную роль в процессах политической и экономической модернизации. Особое внимание уделено фактору авторитаризма в политической и экономической модернизации. Автор также анализирует региональные противоречия и локальные измерения политических и экономических модернизаций. Возможные политические и экономические уроки, перспективы применения бразильского модернизационного опыта в российском контексте также анализируются автором в данной статье.

Ключевые слова: Бразилия, Россия, модернизация, экономика, зависимость, экономика монокультуры, регионализм

К постановке проблемы. В конце 1880-х годов Бразильская Империя переживала состояние глубокого экономического и политического кризиса, что привело к революции и установлению республики. Республика унаследовала от Империи значительное число проблем в сфере экономики, политики и социальных отношений. Ситуация стагнации, которая установилась в экономической и политической жизни страны к концу 1920-х годов ставила перед бразильскими элитами задачи, связанные с проведением структурных реформ. Политические режимы, которые существовали в Бразилии, начиная с 1930 года, в рамках различных моделей проводили политику, направленную на модернизацию систему экономических отношений и институтов и реформы в политической

сфере. В результате проведения подобной политики, которая не носила постоянного характера, но сопровождалась разного рода авторитарными политическими откатами и неолиберальными экономическими экспериментами, Бразилия к началу 21 века вошла в число наиболее динамично растущих экономик мира и развивающихся рынков.

Подобные успехи "южноамериканского гиганта", который в регионе имеет репутацию "тропической России" придают особую актуальность изучению бразильского опыта в перспективе российской политики и экономики. На современном этапе следует выделять три направления возможного применения бразильского опыта в России, а именно:

1) экономические трансформации, призванные ликвидировать или ослабить зависимость от "экономики монокультуры";

2) политические трансформации, которые привели к институционализации системы, основанной на плюрализме и мирной смене власти в рамках демократической модели с использованием реально действующих, а не формальных электоральных процедур;

3) региональные трансформации, связанные с попытками сокращения провалов и диспропорций в уровнях социально-экономического развития отдельных регионов.

Кроме этого чрезвычайно перспективным является изучение и бразильского опыта политического или гражданского нациестроительства, утверждения принципов политической нации. Именно эти, упомянутые выше проблемы, а также связанные с ними вопросы социально-экономического и политического развития Бразилии и России в сравнительной перспективе, будут в центре авторского внимания в данной статье.

Постимперский синдром в России и Бразилии: сложности расставания с империей. Расставание с империей, как архаичной формой государственной организации, во всех регионах, которые переживали подобный процесс, могло протекать в различной хронологической и временной продолжительностью, но практически всегда было крайне тяжелым для политических и интеллектуальных элит стран, которые переживали подобные переходы. Бразильский опыт расставания с Империей [13 – 25] начал формироваться раньше, чем в России, это произошло в конце 1880-х годов и было связано с переходом к Республике. Политическое реформирование Бразилии сопровождалось значительными социальными и экономическими трансформациями, которые были связаны с отменой рабства [9]. Отмена рабства и установление Республики в значительной степени содействовали

национальной и гражданской консолидации в Бразилии, существенно ускорив процесс формирования бразильской политической нации [12].

Вместе с тем, подобные политические трансформации не только решили проблемы, с которыми сталкивалась Бразилия, но и сформировали качественно новые вызовы, на которые бразильские элиты оказались не в состоянии ответить, действуя в рамках формально демократической модели, которая установилась в стране в конце 1880-х годов, хотя и предусматривала и подразумевала фактическое сохранение в определенной степени архаичных институтов, что вылилось в формирование теневого сектора как в политике, так и в экономике. Россия, в отличие от Бразилии, смогла расстаться с Империей как универсальной формой политической организации [18 – 19], позднее и в российской исторической действительности этот переход, связанный с революционными событиями 1917 года, протекал в более радикальных формах гражданской войны, установления качественно новых политических институтов, которые предусматривали неимперские формы организации политического пространства.

Это привело, в частности, к развитию советской формы федерализма. Бразильский и российский варианты модернизации через вынужденный отказ от имперской модели объединяет неспособность и порой откровенное нежелание и объективная неготовность политических элит существовать в рамках демократической модели развития. Правда, Первая Республика в Бразилии обладала большим адаптивным потенциалом, прекратив свое существование только в 1930 году, после прихода к власти Жетулиу Варгаса. Российский постимперский демократический эксперимент оказался в большей степени неудачным, а формально демократические институты и политические амбиции Временного правительства, не смогли противостоять авторитарному натиску, порожденному большевистским переворотом. В подобной ситуации переход от имперских форм политической организации к различным версиям и проявлениям авторитаризма в России и Бразилии оказался фактически неизбежным.

Соблазны универсальности авторитаризма. В 20 веке СССР (как географический и частично политический наследник Российской Империи) и Бразилия (исторический наследник Бразильской Империи) на протяжении длительного времени существовали в рамках различных форм недемократии. В Бразилии недемократия развивалась в рамках дискретной модели: пришедший к власти в начале 1930-х годов Жетулиу Варгас [13; 14; 15], был в середине 1940-х отстранен военными элитами, наследники которых в середине 1960-х годов, совершив военный переворот, вновь установили недемократический режим. В 1980-е годы Бразилия в рамках

процессов политического транзита вновь начала возвращаться к демократии, а 1990 – 2010-е годы были отмечены развитием в рамках демократической модели. Советский авторитаризм подобных откатов и демократизаций на протяжении своей истории не знал, хотя и для его развития была характерна определенная динамика, связанная преимущественно с внешними и частично внутренними проявлениями недемократии. Анализируя фактор авторитаризма в Бразилии и СССР, во внимание следует принимать и то, что советская и бразильская недемократии использовали качественно различные модели экономического развития. Общим элементом в тех экономических политиках, которыми в СССР и Бразилии руководствовались форматоры недемократического дискурса, был этатизм, который предусматривал участие государства в экономике.

Правда, степень этого участия и одновременное сосуществование и функционирование с ним негосударственных акторов было крайне различным. Бразильские версии и формы авторитаризма не отрицали рынок, предпочитая корректировать его развития, используя тактики и стратегии модернизации, что предусматривало индустриализацию [22; 23; 24; 25], ликвидацию экономики монокультур, сокращение и минимизацию зависимости от внешних центров. В Бразилии подобная политика предусматривала и активное участие страны в мировой экономике, что в совокупности с политическими усилиями и решимостью элит привело к позитивным результатам и последствиям. В СССР государство не только монополизировало основные отрасли экономики, но и фактически стало основным, единственным актором и участником как внутриэкономических процессов, так и внешних экономических связей [19; 20; 21]. Подобные стратегии, которыми руководствовались советские политические элиты, привели к появлению значительных диспропорций в развитии советской экономики. На фоне чрезвычайно и гипертрофировано развитой тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса и связанных с ними отраслей, успехи и достижения других отраслей могли быть более чем скромными, что в контексте монополизации экономического участия со стороны государства, сделало процессы экономического транзита и перехода к рынку, чрезвычайно болезненными с социальной точки зрения. Болезненность подобного перехода в России была связана и со структурной спецификой той экономики, которую РФ в начале 1990-х годов унаследовала от Советского Союза. Эта болезненность актуализировалась в форме фактической институционализации в постсоветской России экономики монокультуры.

Экономика монокультуры: адаптивность и проблемы преодоления. На протяжении длительных периодов в своей истории Россия и Бразилия существовали в таких экономических условиях, которые отличались неравномерным развитием различных сегментов, характеризуясь явным преобладанием и доминированием одних отраслей над другими. Подобная ситуация в научной литературе была неоднократно описана и известна как экономика монокультуры [5; 24; 25]. В 18 столетии экономика Бразилии, которая тогда функционировала в рамках зависимой и колониальной модели развития, будучи колонией Португалии, существовала в рамках экономики монокультуры, основанной на экспорте сахара. В 19 веке на смену сахару пришел кофе, но радикальных изменений и трансформаций в формах, сферах и проявлениях зависимости не произошло. В 18 и 19 столетиях зависимость бразильской экономики как экономики монокультуры пребывала в состоянии зависимости от нескольких внешних центров. В качестве таких центров могли выступать как формальная метрополия (Португалия), так и другие западные государства, которые в своем экономическом развитии могли превосходить не только Бразилию, но и Португалию. Республика, установленная в конце 1880-х годов, получила столь негативное экономическое наследие как экономика монокультуры.

Российская экономика в исторической перспективе тоже значительным разнообразием не отличалась с тем лишь отличием от Бразилии, что роль сахара и кофе играл хлеб. Советская экономическая политика в эту зависимость от внешних факторов и в экономику монокультуры внесла только незначительные модификации, связанные с установлением зависимости от экспорта углеводов. Примечательно в той российско-бразильской ситуации то, что российские и бразильские элиты в той или иной степени от зависимости и от экономики монокультуры пытались избавиться. Бразильские элиты в этой политике ориентировались на ликвидацию зависимости от внешних центров. Советские элиты не ставили перед собой столь амбициозных задач, так как не сталкивались с вызовами зависимого развития. Если бразильские элиты применили индустриализацию [23; 24] как форму борьбы с зависимостью от экономики монокультуры, то советские элиты так же не менее широко практиковали экономическую политику, центральным элементом которой была индустриализация [23; 24; 25], но советская индустриализация выполняла качественно иные задачи, связанные с укреплением коммунистической монополии на власть.

В этом контексте представляется неизбежным то, что Бразилия оказалась в состоянии преодолеть свою зависимость от экономики

монокультуры, а Россия на протяжении 1990 – 2010-х была в состоянии придавать монокультурной модели развития только новые стимулы, фактически институционализируя зависимость от внешних центров, сделав ставку на деиндустриализацию и экспорт углеводов. Постсоветская вторичная институционализация экономики монокультуры в рамках зависимой модели развития содействовала и политическим трансформациям на уровне режима, что привело к установлению в России формально демократического, но фактически авторитарного режима, который к середине 2010-х годов в качестве двух своих системных оснований имеет политику государственно стимулируемого национализма (основанного на противостоянии с Западом и его общей демонизации) и имитации федерализма, в центре которой политика планомерного политического подавления регионов с целью их экономической эксплуатации.

Регионы и региональное в модернизационных процессах. Политическая и экономическая модернизация как в Бразилии, так и в СССР / России неизбежно перед правящими политическими элитами ставила региональные проблемы [1; 2; 3], которые в этих двух странах отличались значительной сложностью и имели несколько измерений. Россия и Бразилия на протяжении 19 и 20 столетий имели весьма непростые и сложные отношения с собственной территорией и политическим пространством – как реальным, так и воображаемым [6; 15; 16]. Бразильские элиты были поставлены перед вызовами, которые исходили из неравномерного уровня экономического и социального развития регионов [10].

Советские элиты столкнулись с в значительной степени аналогичными и сходными сложностями, но их трудности усугублялись гетерогенным составом населения с этнической и религиозной точки зрения. В этом отношении бразильский политический класс оказался в более выгодном отношении, так как перед ним стояла задача формирования нации на основе преимущественно португальскоязычного населения в то время, как расовые факторы значительной проблемы не составили [2]. В подобной ситуации в стране не было исторических условий для формирования и развития расизма [11; 12] в его классического, биологически обоснованной, форме. Это вовсе не означает, что Бразилия не столкнулась с расовыми проблемами и противоречиями. Расизм в этой крупнейшей стране Южной Америки отличался преимущественно культурными и социальными характеристиками.

Поэтому, ключ к решению расовых проблем в Бразилии был связан с проведением политической и экономической модернизации [3], которая

ликвидировала архаичные институты, прививая обществу новые правила игры, политического, социально-экономического и культурного поведения, в рамках которых фактор расы оказывался второстепенным и не играл решающей роли. Политика элит в отношении регионов в Бразилии [4] не носила последовательного характера, хотя определенная логика в стратегиях и практиках регионального развития [7], которыми руководствовался в 20 веке бразильский политический класс, все же просматривается. Кроме этого политические элиты Бразилии проявили значительную готовность к трансформации как политического, так и экономического пространства страны, что, в частности, нашло свое отражение в переносе столицы. Этот шаг политических элит в значительной степени был продиктован соображениями экономического плана, а элиты руководствовались стремлением если не ликвидировать региональные диспропорции в целом, то хотя бы в определенной степени их ослабить, создав как условия, так и стимулы для развития и возможного роста различных бразильских регионов [6].

Политическая география современной Бразилии, хотя и является искусственным конструктом, как пространственные уровни и измерения большинства других государств, она, тем не менее, может быть признана более естественной, так как не отличается столь значительными противоречиями по линии раскола «центр» «периферия», которые характерны для Российской Федерации. Политическое пространство и административное деление в современной России представляет собой искусственный конструкт, который игнорирует исторически сложившиеся принципы организации территории. Формально федеративная структура РСФСР сочетала как сугубо территориальные и административные, так и национальные принципы организации территории, но на протяжении 20 столетия московские политические элиты стремились выстраивать отношения с регионами, как бы те не назвались, исключительно и только в рамках строгой и жесткой иерархической системы.

В подобной ситуации как в РСФСР, так и в Российской Федерации федерализм не стал реально действующим институтом и, поэтому, современная РФ в большей степени представляет имитацию федерации нежели дает примеры реально действующих механизмов и принципов федерализма. Подобная негативная система окончательно институционализировалась в зрелой постсоветской постреформенной России, в которой центр, сделав ставку на рост авторитарных тенденций, используя экономику монокультуры, окончательно подчинил регионы, уничтожив политический и уничтожая культурный и языковой регионализм. Поэтому современная РФ относится к числу стран, регионы которой

характеризуются чрезвычайно различными социально-экономическими показателями, системой искусственного спонсирования одних регионов за счет других, существования ограниченного числа регионов лидеров, которые, развивая неформальные отношения с центром, пользуются значительными экономическими преференциями в то время как остальная территория Российской Федерации обречена на статус и роль периферии, даже в тех случаях, когда политическая и экономическая периферия может оказываться и в сердце европейской России, в которой московско-петербургским элитам чрезвычайно выгодно слабое с экономической и политической точек зрения региональное пространственное окружение.

Бразильские уроки для России. Попытки политического и экономического прогнозирования развития современной России относятся к числу весьма сомнительных интеллектуальных упражнений, а рекомендации и вовсе могут показаться маргинальными, так как российские элиты не сформировали нормально и эффективно действующего механизма коммуникации с экспертными и интеллектуальными сообществами. В подобной ситуации размышления относительно того, что могла бы или может современная Россия в сфере политической и экономической модернизации (по)заимствовать у Бразилии относятся к столь же сомнительным интеллектуальным упражнениям. Тем не менее, Автор позволит предположить, что использование бразильского опыта политических и социально-экономических трансформаций и преобразований может или могло бы оказаться полезным, продуктивным и результативным в сфере регионализации, индустриализации и строительства гражданской политической нации. Все эти три измерения модернизации являются тесно связанными между собой и представляют значительный интерес. Бразилия демонстрирует относительно эффективные тактики и стратегии регионального развития, которые были связаны с преодолением зависимости от монокультурной экономической модели за счет поощрения собственной промышленности, индустриализации, создания новых отраслей в рамках национальной экономики.

Подобные процессы были невозможны без территориальных и региональных трансформаций, а региональный фактор в современной российской политике все более начинает играть роль не стимула развития, а становится бременем для московских элит и промосковских политических и экономических групп влияния, которые вынуждены реализовать решения центра во вне московском политическом и экономическом пространстве, что усугубляется ростом тенденций к политическому абсентеизму, нарастанием недоверия, разочарованием в коррумпированных элитах,

атомизации фактически постсоветского общества, которое не только не смогло стать политической гражданской нацией, но и сохранило в значительной степени советские поведенческие модели, основанные слабости политического сознания, неразвитости гражданской идентичности, что, в свою очередь, сочетается с почти религиозной верой во власть, в президента и доверием государственным промосковским СМИ, которые в значительной степени монополизировали информационное пространство на территории современной Российской Федерации. В этом контексте Автор вынужден констатировать, что бразильские уроки для современной России оказались невыученными.

Заключение и перспективы исследования. В целом, попытка сравнительного изучения модернизационных процессов в 20 веке в Бразилии и России ставит гораздо больше вопросов, чем дает готовых ответов и тем более реальных рецептов и проектов проведения социальных, экономических и политических реформ и преобразований, которые составляют ядро модернизационных процессов. Анализируя процессы модернизации в Бразилии и России, следует выделять как общие характеристики, так и национальные особенности этих явлений. К числу общих характеристик следует относить крайне негативные и неблагоприятные стартовые условия, связанные с началом модернизационных трансформаций; значительную роль фактора традиционности и неформальности на ранних этапах проведения политической и экономической модернизации; хронологическое несовпадение в проведении экономических и политических преобразований; значительную роль авторитарного опыта в проведении модернизации; общую незавершенность модернизационных процессов на современном этапе; сохранение значительных региональных и социально-экономических диспропорций в уровнях развития Бразилии и России.

В качестве национальных особенностей модернизации Бразилии следует признать: пролонгированность процессов социально-экономических трансформаций; периодическое чередование использования авторитарных и либеральных моделей проведения социально-экономических и политических реформ; авторитарные политические режимы могли выступать в качестве инициаторов модернизационной политики; сохранение экономических свобод при функционировании в рамках авторитарной политической модели; сочетание принципов государственного вмешательства и рыночных механизмов; успехи в сфере ревизии монокультурной модели экономического развития в форме индустриализации и более поздней диверсификации экономики; сохранение экономических диспропорций и противоречий между

различными регионами; значительные успехи в деле национальной консолидации и формирования гражданской политической нации; отказ от внешнеполитических амбициозных проектов в пользу медленного укрепления международного влияния экономическими методами и реальными успехами и достижениями в сфере экономики.

Особенностями модернизации в российском варианте следует признать: более продолжительный период существования в рамках авторитарной модели политического и экономического развития; более глубокая степень политической унификации и регламентации в форме продолжительного существования однопартийной политической системы; доминирующая роль государства при исключении прочих акторов в проведении экономической модернизации; сохранение значительного числа региональных социально-экономических противоречий и диспропорций в экономическом развитии; усложненность экономических противоречий национальными проблемами в условиях федерализации старого и разрушенного имперского политического пространства в форме утверждения советской, а позднее и российской версии национально-территориального федерализма; доминирование монокультурных моделей экономического развития при фактической неспособности правящих политических элит провести реформы, которые гарантировали бы диверсификацию экономики и ликвидацию сырьевой зависимости; сохранение значительного числа имперских амбиций и комплексов, что содействует проведению крайне непродуманной и непоследовательной внешней политики, направленной на реализацию амбиций элит, но не на решение существующих социальных, политических и экономических проблем; общая незавершенность процессов национальной консолидации, что проявляется как в отсутствии русской гражданской политической нации, сохранении значительного числа национальных противоречий, тормозящих и ограничивающих модернизационные преобразования и трансформации.

Таким образом, процессы социально-экономических и политических модернизаций в истории Бразилии и России в 20 – начале 21 столетий указывают как на значительный адаптивный потенциал национальных экономик и политических элит, так и на радикальные противоречия и расхождения в рамках проведения модернизационных реформ, основанных на радикальной ревизии старого политического имперского наследия, так и на попытках его консервации. Подобные варианты модернизационных практик и процессов свидетельствуют, вероятно, не только о наличии значительного социального, политического и экономического потенциала Бразилии, но и о кризисе моноэкономической модели, доминирующей в России.

Библиографический список

1. Andrade M.C. O Processo de Ocupação do Espaço Regional do Nordeste / M.C. Andrade. – São Paulo, 1981.
2. Becker B.K. Geopolítica da Amazônia / B.K. Becker // Estudos Avançados. – 2005. – Vol. 19. – No 53.
3. Carneiro M.J. Ruralidade: novas identidades em construção / M.J. Carneiro // Estudos Sociedade e Agricultura. – 1998. – No 11. – P. 53 – 75.
4. Casaratto Filho N., Pires L.H. Redes de pequenas e médias empresas e desenvolvimento local / N. Casaratto Filho, L.H. Pires. – São Paulo, 1998.
5. Duarte N. A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira) / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939.
6. Ferreira A. O nordeste brasileiro, contraponto inacabado da acumulação / A. Ferreira // Revista de economia política. – 1983. – Vol. 3. – No 3. – P. 71 – 87.
7. Filho N.A. Desenvolvimento territorial como expressão da perspectiva nacional do desenvolvimento: limites e potencial / N.A. Filho // Soc. Revista Bras. Economia Política. – 2006. – No 19. – P. 94 – 116.
8. Freitas C.A. de, Bacha C.J.C., Fossatti D.M. Avaliação do desenvolvimento do setor agropecuário no Brasil: período de 1970 a 2000 / C.A. de Freitas, C.J.C. Bacha, D.M. Fossatti // Economia e Sociedade. – 2007. – Vol. 16. – No 1.
9. Ianni O. As Metamorfoses do Escravo; Apogeu e Crise da Escravatura no Brasil Meridional / O. Ianni. – São Paulo, 1962
10. Martins P.H. Estado burguês e natureza do planejamento no Nordeste / P.H. Martins // Revista de Economia Política. – 1985. – Vol. 5. – No 3. – P. 101 – 113.
11. Monte-Mór R.L. Urbanização e modernidade na Amazônia contemporânea / R.L. Monte-Mór // Brasil século XXI por uma nova regionalização? / org. E. Limonad, R. Haesbaert, R. Moreira. – São Paulo, 2004. – P. 112 – 122.
12. Przeworski A., Cheibub J.A., Limongi F. Democracia e cultura: uma visão não culturalista / A. Przeworski, J.A. Cheibub, F. Limongi // Lua Nova. – 2003. – No 58. – P. 9 – 36.
13. Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под. Ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19.
14. Кирчанов М.В. Дискурсы бразильской регионализации в контексте политической модернизации / М.В. Кирчанов // Геополитика глобализирующегося мира. Материалы международной научной конференции / ред. А.А. Слинько, С.И. Дмитриева. – Воронеж, 2007. – С. 60 – 75
15. Кирчанів М.В. Теоретичні аспекти функціонування політичного регіоналізму в транзитному суспільстві (на прикладі Росії та України) / М.В. Кирчанів // Економічний часопис – XXI. Науковий журнал. – 2008. – № 7 – 8. – С. 11 – 13.
16. Кирчанов М.В. Ordem e Progresso. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008.
17. Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 155 с

18. Кирчанов М.В. Авторитаризм, национализм и политический протест (проблемы модернизации в Бразилии 1930 – 1980-х годов) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2009. – 163 с.
19. Кирчанов М.В. Руритания vs Мегаломания: политический национализм и националистическое воображение в Бразилии в XX веке (литература и идентичность в социальных трансформациях и модернизациях) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2009. – 179 с.
20. Кирчанов М.В. Авторитарный политический эксперимент в Латинской Америке: правая модернизация и левая стагнация / М.В.Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинко, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 7. – С. 15 – 25.
21. Кирчанов М.В. Национализм, этатизм, модернизация: интеллектуальная история Бразилии XX – начала XXI века / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2012.
22. Кирчанов М.В. Индустриализация как фактор экономических переходов / М.В. Кирчанов // Экономическая теория и история. Воронежский ежегодник экономических исследований. – 2013. – № 2. – С. 108 – 134.
23. Кирчанов М. Некоторые проблемы процесса индустриализации в Латинской Америке / М. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 12 – 19.
24. Кирчанов М.В. Империя и нация: проблемы интеллектуальной истории Бразильской Империи / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2013. – 295 с.
25. Кирчанов М.В. Экономические трансформации: традиция и рынок (к политической экономии переходных обществ) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2013. – 268 с.

Tamara Khabibova

Latin America countries socio-economic development forecast until 2020

The XX century went down in history as reformatory millennium as contributed fundamental alterations in international affairs with rapid globalization and polycentric geopolitical conception constantly factored into new world order in which Latin America countries were transformed from object to main actors of international relations. However, internal political processes in this region were deprived of attention. This article is targeted at constructing impartial forecast for Latin America countries socio-economic development leading up 2020 on a base of the XX century's political inheritance in conjunction with modern socio-economic statistics contemplation.

Key words: Latin America, democratization, global economy, free markets, labor productivity, significant socio-economic shifts, natural resources export, socially-oriented policy, regional integration.

According to socio-economic development indicators, the Latin America and the Caribbean falls into the “middle category” in the world rankings of economic development. Accounting for 15% of its landmass and representing 8.5% of the world's population, the Latin America and the Caribbean is also responsible for 6.2% of aggregate world product in nominal terms in 2007 or 8.3% of GDP when measured as PPP. This region contributes to the global volume of industrial production with the amount of 8.2%, while being exporting 13% of national agricultural production [7].

The fact that is worthy of emphasizing is the scale Latin America regional democratization. Most of the countries are devoid of any forms of ideological rigidity and have established republic governments with democratic principles to be in the ascendant. Brazil, Argentina and Venezuela have already drifted national economies to the side of free-market with only appropriate governmental guiding.

However, some aspects concerning regional peripheral involvement in global economic relations are still problematic, with rapid modernization to be the most pressing challenge to overcome. Therefore, the issue of a new stage in modernization and competing economically on a global scale has become a central goal for Latin America and the Caribbean countries in the period leading up to 2020. The low level of export diversification, which has been noted not only in the small countries but also in the medium-sized states (such as Venezuela and Chile), continues to be another impediment along the way towards modernization. The three groups of traditional commodities (energy, metals, and food products), account for 56-90% of the total value of export in the above-mentioned countries, unlike a total of 16.5% in Brazil, 25.9% in Argentina [1].

By and large, these scenarios remain in force when the modern industrial sector of the economy continues to be focused on servicing external industrial networks. Labor productivity and progress in scientific and technological spheres continue to substantially lag behind industrialized countries. Brazil is perhaps considered the only exception in a number of sectors.

In political sphere there is a strong tendency for multi-stage cooperation on both, regional and national levels, targeted at constructing unanimous political course, consisted of avowed aims, set of shared values and preferential strategic political initiatives. The overall principles for these strategic initiatives have been formulated in one of the recent reports by the UN Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC). The main strategic imperatives, according to UN Economic Commission, for the next several years are as follows:

- transforming industrial sectors by developing technology, increasing labor productivity, fostering the accumulation of human capital and reducing wage inequality.
- social modernization by encouraging active citizenship, democracy manifestation with a final goal of building modern civil society on the principles of transparency, national dialogue and guarantees for constitutionally-based human rights.
- expand the participation of the private sector in financing innovations and ensuring the technical modernization and to create effective incentives for high-technology industries, so as to avoid falling behind in international markets
- encourage closer cooperation among enterprises, their suppliers and customers, universities, state and private research organizations and financial institutions.
- deepening processes of regional integration in order to benefit from trade liberalization and at the same time neutralize the effects of the hyper-segmentation of global and regional markets and the excessive fragmentation the international industrial chain of production.

Following this preferential strategic initiatives, regional countries economic conditions are expected to be in favor of enhanced foreign investments. Latin America countries are gradually transforming from a source of basic natural resources to a place for lower or middle “stages” of industrial systems. If in the first decade, China and other South-East Asia exporters retain competitive advantages based on cheap labor advantages, Latin America and the Caribbean countries will become more attractive during the second decade

due to low transportation costs, decreased labor costs and an improved investment climate. Overall world ratings will see a slight increase, first of all thanks to Brazil and Mexico [2; 5].

During the first ten years, inertia in development progress will set in, whilst in the second decade, a noticeable reinforcement of intensive factors should be expected to increase labor productivity. The labor market will be influenced by numerous members of younger generations representatives reaching the active working age. In other words, during the next 10-15 years, the active working population will grow at an accelerating rate. At the same time, a slowing down in demographic growth will reduce the economic burden on the employed.

Internal regional differences will be determined by the fact that the area of the Southern Cone (Argentina, Uruguay, Chile and southern states of Brazil) will soon transfer over to the European model of demographic reproduction. In the Andean, Central American and Caribbean parts of the region, as well as in the north and northeast of Brazil, a slowly fading model characterized by high natality will remain. Furthermore, taking into account mercenary interests economic of partners outside the region in the supply of raw material and food commodities, relevant niches in global markets are expected to be probably expanded for Latin American exports [4]. During the first decade of the forecast period, demand for primary commodities will probably grow as the world economy recovers after the devastating consequences of the most pressing recent global crisis. Demand for food products will grow more intensively, with a slowdown in mineral resources, in particular, due to progress in resource saving and the expansion of the use of alternative sources of energy. The high resource capacity of the region will attract actors from outside the region and create renewed competition for Latin American markets [3].

The countries of the Southern Cone — Chile, Argentina, Uruguay and Brazil — have the best chances to realize their economic potential by taking advantage of internal political stability and world-economy involvement. Brazil will continue its transformation from a regional into a global player. Economic instability and political turbulence with regular electoral turmoil will dominate in the Andean zone (Bolivia, Ecuador, Peru, Columbia and Venezuela), along with Paraguay, by preventing this region from distinguished achievements in socio-economic modernization. Colombia may become an exception only if it manages to make progress in solving domestic conflicts and curtailing drug trafficking. Possible aggravation of domestic ethnic conflicts in Peru and Bolivia may be connected with a yawning gap in standards of living between different regions of the countries [6; 7].

By the end of the forecast period, significant shifts will take place in the social sphere. Stable economic growth by 2020 will allow for significant increases in income and satisfactory standards of living for the majority of the population. Many of the Latin America and the Caribbean countries will reach certain achievements in obtaining “sustainable growth” in frameworks of market economy and establishing regulatory mechanisms. Accordingly, the size of the middle class will expand. Notable progress in the fields of education, public health and social security may be achieved within the results of socially oriented policies.

It also might be assumed that integration's trends will not be limited only Latin America region itself, but also are expected to enhance towards strengthening commercial links between South America and the Asia-Pacific countries through strengthening the Trans-Pacific integration process based on a complementarity of the economies of two regions. One should not exclude either the development of Trans-Atlantic integration on the basis of agreements that have been developed over the past decade to create additional economic associations such as MERCOSUR, ASN and the Central American Common Market with the EU and CARICOM.

In general, long-term forecast cannot be painted in dark tones. Taking positive dynamic of sustainable growth, integration processes, state-planning – free market economy development, democratization into consideration, it might be assumed that traditional isolationism will take a back seat and Latin America countries, brought to the oppression and emasculated in the XX century, start the process of national pride and prosperity revival.

References

1. Anuario estadístico de America Latina y el Caribe, 2008. Santiago de Chile, 2009. P.196-218.
2. Brasil. Ministerio de Planejamento. Plano Plurianual, 2008-2011. Vol. I Brasilia, 2007. P.40-42 Typical examples are the Mexican program in the area of information and telecommunication technologies (Vision Mexico 2020. Politicas publicas en material de Tecnologias de Informacion y Comunicaciones para impulsar la competitividad de Mexico) or the Brazilian program in the area of energy (WWF-Brazil. Sustainable power sector. Vision 2020)
3. CEPAL. La transformacion productiva 20 anos despues . Viejos problemas, nuevas oportunidades. Santiago de Chile, 2008.
4. Componentes macroeconomicos, sectorales y microeconomicos para una estrategia nacional de desarrollo. Lineamientos para fortalecer las Fuentes del crecimiento economico. Buenos Aires, 2003.
5. Estados Unidos Mexicanos. Vision 2030. El Mexico que queremos. Mexico: Presidencia de la Republica, 2007

6. Sustainable Brazil. Economic growth and consumption potential. Sao Paulo, EYGM Limited, 2008; Sustainable Brazil. Horizons of Industrial Competitiveness. Sao Paulo, EYGM Limited, 2008.
7. World Development Indicators, 2009. P. 208-210, 216-218.

Дилма Руссефф и национальная консолидация бразильцев: проблемы, противоречия и перспективы

Автор анализирует деятельность и образ современного президента Бразилии Дилмы Руссефф. Фигура президента анализируется в контексте проблем, противоречий и перспектив развития Бразилии. Особое внимание уделено проблемам национальной консолидации.

Ключевые слова: Бразилия, Дилма Руссефф, политическая имиджеология

The author analyzes the activities and image of contemporary Brazilian President Dilma Rouseff. The figure of the President is analyzed in the context of problems, contradictions and prospects of Brazil. The particular attention is paid to problems of national consolidation.

Keywords: Brazil, Dilma Rouseff, political imageology

Разгромное поражение бразильской команды на домашнем Мундиале ввергло страну в печаль и отчаяние и спровоцировало всплеск отрицательных эмоций, вылившихся в стихийные массовые беспорядки и антиправительственные выступления. Казалось, что случившееся станет серьезной помехой для президента Дилмы Руссефф победить во второй раз на президентских выборах. Однако именно она своим поведением в первые минуты и часы, после поражения, когда вся страна горько плакала, превратилась в единственный стержень для общенациональной консолидации бразильцев. Её слова: «Бразилия поднимется, встряхнет с себя пыль и продолжит идти вперед» облетели мир.

Понятно, что в такой ситуации только левый президент может привести в равновесие великую пассионарную нацию. Потому что, если правая элита (в случае Латинской Америки - это компрадорская буржуазия) не смогла обеспечить многочисленным народным массам «Хлеба и зрелищ», она неминуемо теряет свои позиции. Тем более, что задолго до проведения чемпионата, бразильцы давали понять, что одних «зрелищ» им недостаточно, когда до сих пор не хватает «хлеба» на всех (вопреки пяти мандатам левых президентов – два выиграл Кардозу, два - Лула и один – Дилма Руссефф). Демонстрации против Мундиала превратились в самые серьезные антиправительственные выступления за всю современную демократическую историю Бразилии, после свержения военной диктатуры.

Можно уверенно прогнозировать, что если бы в президентском кресле сидел правый политик, типа свергнутого из-за обвинений в коррупции Фернанду Колора Ди Мелу, прямо на следующий день, после фатального

¹Редакционная Коллегия придерживается написания Дилма Руссефф, исходя из португальскоязычной оригинальной транскрипции – Dilma Vana Rouseff.

поражения, народные массы бы смяли эту власть и в стране воцарилась бы анархия. Однако Дилма Руссефф пока крепко держится и выиграла еще один президентский мандат, вопреки сомнениям некоторых социологов.

Для ее формирования как успешного левого политика, умеющего принимать тяжелые вызовы и справляться с ними, сыграло свою роль решающее присутствие в семье отца-болгарина и его влияние на воспитание детей. Уроженец болгарского города Габрово (который приобрел мировую известность фестивалями юмора и сатиры) Петр Руссефф невероятным образом сочетал в себе качества революционера-коминтерновца и матерого жулика-вора. В 20-х годах XX века он увлекся модными тогда коммунистическими идеями, которые, кроме как в Европе и Азии, стали быстро распространяться и в Западном Полушарии. Особую актуальность они приобрели в Латинской Америке, в том числе и в самой большой стране субконтинента – Бразилии.

Культ революции и освобождения характерен для латиноамериканской идеологии и политической практики. Еще со времен французской революции латиноамериканцы всегда охотно воспринимают всякое учение, которое пропагандирует свободу, равенство и братство между людьми. Это относится в полной степени к марксизму, а позже и к его ленинскому варианту. Почти сразу после Октябрьской революции и череды размежеваний левые фракции в латиноамериканских социал-демократических партиях преобразовываются в коммунистические. И тут, как и во многих других областях политической жизни в Латинской Америке, влияние оказывает европейская традиция.

Новые партии превращаются в притягательный центр для прогрессивной латиноамериканской (в том числе бразильской) интеллигенции, которая видит в них кардинальное решение проблем региона. Тогда начинается и идеализация экономики, политики, идеологии, культуры и всех сфер жизни в СССР, иллюзия, которую коммунисты в Латинской Америке поддерживали до самого распада Советского государства. Тогда эта иллюзия подкреплялась мировым экономическим кризисом и подъемом революционного движения.

Идеализация Советского Союза имела место и в Болгарии, за очень короткий срок пережившей две национальные катастрофы (в 1913г. и в 1918г.) и две локальные гражданские войны (в 1918г. и в 1923г.) и потом вступившая в долголетний экономический кризис. Коммунистическими идеями увлекся и молодой интеллигент Петр Русев. Он был выходцем из богатой габровской семьи (Габрово в эти годы был индустриальным центром страны) и получил блестящее юридическое образование. Его рано овдовевшая мать была самой старшей среди братьев и сестер. Он был ее

единственным сыном – баловнем всей родни (как потом оказалось, очень неблагодарным). Самый младший брат мамы стал представителем всех текстильных фабрик Габрово в Софии – продавал их продукцию и принимал заказы. Поскольку еще не был женат, взял к себе племянника Петра и сделал его своей «правой рукой». Только оба они имели ключ от кассы... Дядя и племянник женились один за другим. Однако Петр привык к сладкой жизни и никак не мог отказаться от нее и после свадьбы (которая состоялась в 1928г.). А он, к этому времени, кроме прибылью от семейного бизнеса, еще располагал и коминтерновскими деньгами, которые ему доверили болгарские коммунисты – эмиссары Москвы. Видимо, молодой адвокат и бизнесмен, выходец из элитарной семьи, располагал к себе и внушал доверие... И Петр Русев стал злоупотреблять доверием своего дяди и своих товарищей. В его карманы попадала львиная доля средств, которых Коминтерн посылал на организацию коммунистической революции в Болгарии и немалая часть выручки семейного бизнеса. В начале, ни в Москве, ни дядя ничего не замечали. В СССР тогда, в отличие от остального мира, был экономический подъем, а текстильное производство в Габрово процветало, вопреки кризису.

В такой обстановке в мире, в 1928 г. проводится первое совещание руководителей латиноамериканских коммунистических партий в Буэнос-Айресе. Оно дало реальную оценку международному положению и характеру эпохи, но поставило непосильные задачи перед коммунистическим движением на субконтиненте. На нем делались прогнозы о том, что социальная революция в Латинской Америке – вопрос самого близкого будущего, без постановки вопроса о единстве левых сил. Началась подготовка восстаний в отдельных странах с помощью Коминтерна. Руководители партий рассматривают их как средство для провоцирования континентальной, а впоследствии и мировой революции.

Тем временем, жадность Петра Русева давала о себе знать и не ускользнула от бдительных глаз ОГПУ и ГРУ, а также от ответственных за финансирование партийных мероприятий и структур болгарских коммунистических функционеров. Под угрозой похищения, или ликвидации, Русев бросил беременную на восьмом месяце молодую жену, прикарманил все деньги, которые были в наличности в партийной и в семейной кассах, и удрал во Францию. С тех пор, на длинные 20 лет, семья и родственники не знали практически ничего о нем. У него родился сын и вырос без отца.

На украденные деньги Петр Русев долгое время жил беззаботно во Франции. Однако «длинная рука Москвы» добиралась до него все ближе и ближе. Одновременно с укреплением советских спецслужб и зарубежных коммунистических партий, нарастало влияние фашистских идеологий и

структур в Европе и Латинской Америке. Наступление фашизма требовало нанесения ответного превентивного удара.

Эта потребность обсуждалась в 1934 г. на Втором совещании руководителей латиноамериканских коммунистических партий. На нем была поставлена задача строительства единого фронта для противодействия фашизму, который уже властвовал в Европе и готовился к наступлению на другие континенты. Совещание – это элемент подготовки к VII конгрессу Коминтерна (на котором генсеком был избран болгарин Георгий Димитров. Его участником была и Бразильская Коммунистическая Партия – БКП).

Сразу после него принято решение о подготовке революции в самой большой латиноамериканской стране – Бразилии. Она вспыхнула в конце ноября 1935 г. Вопреки тому, что в ней участвовала и часть армии, она была очень быстро потушена, только с двадцатью жертвами. Ее организатор – Луис Карлос Престес (позже – генеральный секретарь БКП), попал в тюрьму на девять лет. Для всех стало ясно, что социализм достаточно далек от бразильской действительности. В тот момент популистский режим диктатора Жетулиу Варгаса (благодаря его личной харизме, а также идеологии, основанной на национализме и антиимпериализме) переживал кульминацию своего развития. БКП надолго сошла с политической сцены. Она успела возродиться за короткий период после второй мировой войны благодаря обаянию национального героя Луиса Карлоса Престеса и авторитету всемирно известного архитектора Оскара Нимейера и не менее известного писателя Жоржи Амаду. Вопреки тому, что скоро опять она была вынуждена перейти на нелегальное положение, БКП сохранила свое влияние и пережила новый подъем в начале 60-х. Военный переворот 1964 г. совпавший по времени с разломом в международном коммунистическом движении, превратил ее окончательно в политического аутсайдера. БКП скоро распалась, а впоследствии сам Престес был отстранен от партийного руководства. Его преемник Жиоконду Диас проводил твердую промосковскую линию, далекую от реальности Бразилии. Эта политика ослабила партию. Впоследствии она распалась на маленькие фракции.

После поражения Бразильской коммунистической революции, Петр Русев, как опытный коминтерновец, видя, что кольцо вокруг него сужается и в ближайшем времени советские спецслужбы, с помощью французских коммунистов, до него доберутся, проанализировав ситуацию, сделал самый правильный вывод: нужно было очень срочно эмигрировать из Франции в Бразилию. После поражения революции, практически все агенты советских спецслужб и функционеры Коминтерна в стране, либо погибли,

либо сидели, либо находились в эмиграции. Так что, там он был недосыгаем. Обосновался Петр Русев в городе Белу-Оризонти. На остаток украденных денег заложил основы своего бизнеса. И поскольку уже был не без опыта, а его образование на самом деле было блестящим, постепенно превратился в богатого человека.

Имея относительно высокий социальный статус, Русев женился на молодой, красивой учительнице – Дилме Да Сильва. Она родила ему троих детей. Старшая из них: Дилма-младшая вошла в историю как первая женщина – президент Бразилии. Она генетически восприняла от отца крайне левые идеи. В ранней молодости вступила в крайне левую молодежную революционную организацию. Успела поучаствовать и в акциях, и посидеть в тюрьме.

От отца она унаследовала также талант экономиста и бизнесмена. Поэтому, оказавшись на самом высоком государственном посту, Дилма Руссефф успешно управляет национальной экономикой, восстанавливает пострадавшие после мирового экономического кризиса отрасли и повышает жизненный уровень бедных. Протестные акции, начавшиеся после разгромного поражения бразильцев на Мундиале, не направлены лично против нее. Наоборот, она сможет стать арбитром разгорающегося гражданского конфликта в бурлящей Бразилии.

Петр Русев посмел позвонить родным в Габрово по телефону из Белу-Оризонти только после смерти последнего генсека Коминтерна Георгия Димитрова (которого, он видимо смертельно боялся), занимавшего до самой кончины поста премьер-министра Народной Республики Болгария. Его преемник на этом посту Василь Коларов тоже был генсеком Коминтерна, еще в 20-х годах. Однако с Петром Русевым у него конфликта не было. Да и правил он Болгарией только полгода, когда тоже скончался. В 60-х скончался и сын Петра Русева в Софии, в крайней нищете, после длительной болезни. Дилма ему помогала, как могла, однако, тогда ее возможности были еще ограниченными. А двоюродные братья коминтерновца-жулика (сыновья ограбленного дяди): Петр и Цоню Корнажевы прожили долгую и счастливую жизнь. Уже покойный Петр Корнажев стал министром правосудия, а еще здравствующий Цоню Корнажев (от которого автор этих строк узнал большинство подробностей семейной истории Русевых-Корнажевых) в преклонном возрасте активно выступает по актуальным политическим проблемам страны. Оба сохранили навсегда приверженность левым идеям. Однако из-за своего дяди, еще в молодости, сильно разочаровались в коммунистах. Поэтому связали свои судьбы с Болгарской Социал-Демократической Партией.

13 августа прошлого года кандидат в президенты от Бразильской Социалистической Партии Эдуарду Кампуш погиб в авиакатастрофе, вместе с супругой и сыном в портовом городе Сантуш, в 70км от Сан-Паулу, во времени прилета из Рио. Дилма прервала кандидат-президентскую кампанию. Самолетная катастрофа, в которой он погиб, вместе со всей своей командой – очень сомнительная. Она дала повод для голословных обвинений в адрес Дилмы и подняла на ведущие позиции Марину Сильву. Неуравновешенная бывшая левая активистка начала свою военно-политическую карьеру в Коммунистической Революционной Партии. Однако скоро после этого, бросила марксизм-ленинизм и посвятила себя экологии, перейдя в Партию Труда бывшего президента Луиша Инасиу Да Сильва – Лула. Она заняла в его правительстве пост министра окружающей среды, потом отделилась и от него и выдвинула свою кандидатуру на прежних выборах президента, где тоже заняла третье место. Этот факт кажется достаточным для некоторых российских и западных политологов обвинить ее в связях с ЦРУ. Это крайние оценки. Она просто является противником геополитической ориентации Бразилии на РФ и страны БРИКС. Дело в том, что в Европе, Латинской Америке и самих США крайне левые тоже являются носителями западной политической культуры. И требовать от Марины Сильвы пророссийской ориентации – всё равно, что ожидать от российского политика с первого эшелона иметь пробразильскую ориентацию (хотя численность бразильского населения уже намного больше российского). Так или иначе, она отпала в первом туре и её голоса ушли к Дилме, хотя сама Сильва поддержала кандидата правых Аезиу Невиша. Ее политическая карьера еще далеко не закончена.

Внук первого демократически выбранного президента Бразилии, после долго продолжившейся военной диктатуры, Танкреду Невиша (скончавшегося незадолго до вступления в должность – его пост занял поэт Жозе Сарней) практически дошел до максимума своих возможностей. Потому что, Бразилия в целом является лево-ориентированной страной и бразильцы стали свидетелями тому, что сделала Партия Труда для них в течении последних 12 лет, под руководством Лулы и Дилмы. И поэтому опять выбрали Дилму Руссефф.

По сути, политическая фразеология в португалоязычных государствах – левацкая. В Португалии, также, как и в Бразилии, право-центристская партия называется социал-демократической, чтобы привлечь побольше членов и последователей. Левая фразеология не помогла Аезиу Невишу выиграть пост президента, однако он остается в политике, как лидер правых. Только Дилма Руссефф сможет вывести свою страну на «большую шахматную доску» (по словам Збигнева Бжежинского). Она уже установила

достаточно близкие отношения с Владимиром Путиным, с другими лидерами стран БРИКС и с революционными президентами стран АЛБА и других латиноамериканских соседей. И готовит большой прорыв на российский рынок бразильских сельскохозяйственных продуктов, упраздняя таким образом эффект санкций США и ЕС.

Дилма Руссефф – женщина с очень сильной волей и твердым характером. Она доказала это и как революционер, и в тюрьме, и как политик (одни раз, по телефону, довела прямо до плача директора государственной нефтяной компании «Петробраз»), и как женщина – переборола раковое заболевание, восстановилась и выиграла. Самым большим вызовом перед ней будет возврат республиканцев к власти в США, после окончания мандата Барака Обамы. И лояльные на этом этапе отношения с Белым Домом, превратятся в откровенно враждебные.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И МИР, ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В МИРЕ

Китти Сандерс

Гондурас, еврейская диаспора и Израиль: продолжительное партнёрство

Автор анализирует проблемы отношений между Израилем и Гондурасом. Анализируется история отношений жителей стран Южной Америки к евреям. Проанализирована роль еврейских сообществ в регионе. Гондурас и Израиль активно развивают военно-политическое и экономическое сотрудничество. Ключевые слова: Латинская Америка – Израиль, Гондурас, еврейская диаспора, международное сотрудничество

The author analyzes the problems of relationship between Israel and Honduras. The history of relations between the inhabitants of South America and the Jews are analyzed in the article. The role of the Jewish communities in the region is also in the center of the article. Honduras and Israel actively develop military, political and economic cooperation.

Keywords: Latin America – Israel, Honduras, Jewish Diaspora, international cooperation

Во время одного из своих визитов в Гондурас Ариель Шарон назвал эту страну «одним из трех крупнейших израильских торговых партнеров». Несмотря на то, что еврейская диаспора совсем небольшая (около 150 человек, проживающих преимущественно в Тегусигальпе), Гондурас исторически находится в хороших отношениях с Израилем. Сегодня они находятся на очень хорошем уровне, однако Гондурас и раньше чаще всего занимал произраильскую позицию. Он стал одной из первых стран, признавших Израиль; кроме того, он голосовал за отмену резолюции ООН 10 ноября 1975 г., в которой сионизм был признан формой расизма. Тем не менее, иногда в Гондурасе вспыхивают антисемитские настроения. Чаще всего их причиной становится крупная палестинская диаспора, однако исторически был момент, когда Гондурас поддался «моде на фашизм».

*Сандерс К. Гондурас, еврейская диаспора и Израиль: продолжительное партнерство / К. Сандерс [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kittysanders.com/RU/1352> Публикуется с разрешения Автора.

В 1935 году правительство страны издало специальный указ, по которому евреям, спасающимся от нацистов, было официально разрешено эмигрировать в страну. Документ действовал четыре года, и в страну успело въехать небольшое количество беженцев. В 1939 году, однако, Гондурас ввел, подобно некоторым другим странам Латинской Америки, ограничения на въезд евреев, цыган и чернокожих. По сравнению с другими, откровенно симпатизировавшими и сочувствовавшими еврейскому народу, странами региона, вроде Доминиканы, где диктатор Рафаэль Трухильо объявил о возможности принять у себя 100 000 еврейских беженцев, политика Гондураса выглядела, как минимум, незтичной. Однако официальные представители этой страны все равно пытались сделать хоть что-то для евреев. В ходе Второй мировой войны десятки евреев были спасены благодаря документам и рабочим визам, полученным от консулов и послов Гондураса (которые зачастую выдавали их нелегально). Вскоре президент страны Тибурсио Кариас Андино снял запрет на въезд евреев в страну и приказал выдавать визы, особенно молодым людям из Голландии и Швейцарии, или тем, кто был связан родственными отношениями с уже проживавшими в Гондурасе семьями. После войны, в 1948 году, в Гондурас приехали около 60 евреев.

Общественная жизнь диаспоры была довольно бедной. Еврейская община Тегусигальпы финансировала образовательные программы для молодежи. Лидером общины в столице долгое время был Соломон Шахер. В стране действовало отделение женской сионистской структуры WIZO, которую возглавляла жена его жена Дженни Шахер. Также в Гондурасе существовала молодежная организация Маккаби ХаЦаир. Был представлен еврейский национальный фонд «Керен Каемет ле-Исраэль». Религиозное обучение проводилось свободно, община собиралась в частных домах. Синагоги не было. Позднее в стране сформировалась еще одна община, на этот раз в Сан Педро Сула, втором по значимости городе страны. Ее возглавлял Борис Гольдштейн, который выделил землю для синагоги и кладбища.

Гондурас и еврейский народ связывает также общая политическая история. Президентами Гондураса дважды становились евреи. В 1847 году страну возглавил Хуан Линдо, который известен тем, что смог стать президентом в двух странах — Сальвадоре и Гондурасе. В обеих странах он прославился как сторонник качественного доступного образования, а в Сальвадоре он вообще за пару лет создал централизованную систему «народного образования». Его стараниями в каждой деревне, где жило более 150 человек, была построена школа. Также Линдо совместно с

генералом Франсиско Малеспином и священником Крисанто Саласаром основал Университет Сальвадора, который является центральным высшим учебным заведением страны. В 1842 Линдо вернулся в Гондурас — и вскоре был избран президентом. На посту он остался верен «сальвадорской линии» — основал Universidad Nacional Autónoma de Honduras, центральный ВУЗ страны, построил школы по всей стране, боролся за объединение Центральной Америки. Также президент переписал Конституцию Гондураса, что позволило ему переизбраться на второй президентский срок. По окончании президентства Линдо ушел из «большой политики».

Вторым президентом-евреем стал Рикардо Мадуро. Династия Мадуро очень старая и известная. Это семейство проживало и работало в регионе с XVII века. В 1672 году Моше Леви Мадуро переехал на остров Кюрасао, где открыл собственное дело — он транспортировал фрукты в Европу на собственных кораблях. Также он служил кантором в местной синагоге.

Семейство Мадуро умножало свои капиталы, дела его шли весьма успешно. В 1837 году Соломон Элиас Леви Мадуро основал торговую компанию S.E.L. Maduro & Sons, которая занималась импортом различных товаров через «безналоговый» порт Сент-Томас. В дальнейшем компания расширила сферу деятельности и начала предоставлять транспортные услуги туристам. Сегодня компания, основанная в 1837, превратилась в крупный Maduro Holdings. В 1917 году S.E.L. Maduro & Sons и Джозеф-Альварес Корреа (владелец коммерческой компании «Корреа, Братья и Ко») основали первый на Нидерландских Антильских островах банк, который в 1932 году объединился с крупным банком семьи Куриэль. Maduro & Curiel's Bank стал крупнейшей финансовой структурой в Карибском регионе. Банк занимался помощью прибывавшим на Карибские острова еврейским беженцам, пережившим Холокост, и выделял средства, которые шли на обустройство их жизни. Семейство также прославилось просветительской деятельностью. Йосси Мадуро, филантроп и историк американской еврейской диаспоры, был известен своей общественной деятельностью в сфере исторических наук и образования. Члены семьи также сражались с нацизмом в Европе. Например, Джордж Леви Мадуро в чине капитана голландской армии воевал с немцами, попал в плен и умер 9 февраля 1945 г. в Дахау от тифа.

Рикардо Мадуро, экс-президент Центрального банка Гондураса, стал президентом страны в 2002 году. По окончании президентского срока он продолжил семейную традицию и сосредоточился на развитии национального образования. Он основал фонд FEREMA (Fundacion para la Educacion Ricardo Ernesto Maduro Andreu). Основная задача фонда —

добиться всеобщей грамотности, улучшать качество образования, способствовать его децентрализации и более активно внедрять альтернативные и «продвинутые» педагогические методики.

Однако Израиль и Гондурас связаны не только в политическом, но и в экономическом, и военном отношении.

Гондурас является давним и надежным военным партнером Израиля. В период между 1975 и 1977 годами эта страна приобрела двадцать французских сверхзвуковых истребителей израильского производства, оснащенных ракетами Shafrir с тепловым наведением. Тогдашняя политика США была направлена на снижение уровня милитаризации в центральноамериканском регионе, но Тегусигальпа пошла против Вашингтона.

Во время правления Мануэля Селайи (январь 2006 — июнь 2009) отношения между Тегусигальпой и Иерусалимом начали охлаждаться. Селайя ориентировался на блок ALBA и радикальные коммунистические страны региона — Венесуэлу, Никарагуа, Боливию, которые, в свою очередь, заинтересованы в сотрудничестве с Ираном и «пророссийскими» исламскими странами, а также Палестиной, и настроены резко антиизраильски. Кроме того, практически все латиноамериканские левые считают Израиль «штатом капиталистических США», «искусственным империалистическим государством, угнетающим палестинцев» и т.д., и убеждены, что его вообще не должно существовать. Селайя, как представитель латиноамериканского левого политического крыла, придерживался умеренно антиизраильской точки зрения. Впрочем, он не пробыл на посту президента даже одного срока. Президент был принудительно отправлен в отставку и депортирован из страны по решению Конституционного суда после того, как попытался провести в стране «переворот через референдум» и взять побольше власти, в духе Эво Моралеса. После новых выборов президентом стал правый технократ Порфирио Лобо, а в 2014-м его сменил Хуан Орландо Эрнандес, тоже правоконсервативных взглядов. Несмотря на то, что под влиянием левых лидеров Латины, гондурасской палестинской диаспоры и социалистических партий Порфирио Лобо был вынужден признать Палестину, хорошие отношения и военно-финансовое сотрудничество между странами быстро восстановились.

После возвращения в «правую орбиту» Гондурас приобрел у Израиля воздушный радар для обнаружения наркотрафикантов и борьбы с ними. Это вызвало сильное недовольство Вашингтона, однако по преодолении некоторых сложностей сделка всё-таки состоялась. Политики и вооруженные силы страны сердечно приветствовали такое сотрудничество.

Сразу после заключения сделки сотрудничество между странами перешло на новый уровень. Израиль собирается закупать в Гондурасе говядину. Ранее основными поставщиками говядины в страну были Аргентина и Бразилия, которые проводят резко антиизраильскую внешнюю политику практически с начала «нулевых». В обеих странах у власти левые правительства, совместно с Венесуэлой — «южноамериканской Саудовской Аравией» — определяющие политику всего континента. Мало какое государство может выступать против могущественной Бразилии, кооперирующейся с левым антиамериканским, социалистическим и антисемитским блоком ALBA; отчасти этим объясняется тот факт, что большинство стран континента признали Палестину. Давление левых гигантов и палестинских диаспор, и трусливое поведение администрации Обамы вынудили даже самые произраильские страны, вроде Гондураса и Чили, совершить такой поступок.

Следует отметить, что левые диктатуры не являются единственной силой в Латине. Правые, прозападные и произраильские страны тоже проводят свою линию, хотя и развивают ее слишком медленно. Их неспешность вполне понятна. Американская администрация фактически сдала Латинскую Америку без боя, и оставшиеся без прикрытия Чили, Колумбия, Парагвай не могут действовать бескомпромиссно и решительно. Тем не менее, процессы, выгодные в том числе и Израилю, идут.

Так, Израиль в 2014 году был принят наблюдателем в Тихоокеанский альянс. ТА — это «праволиберальная альтернатива» левацким блокам вроде ALBA. Это своеобразный союз правокапиталистических или wannabe-правых стран Латинской Америки. В него входят Чили, Мексика, Перу, Коста-Рика и Колумбия. С одной стороны его задача — уничтожить бразильскую «монополию на политический гигантизм» за счет привлечения Мексики. С другой — создать альтернативу ультралевому ALBA. Левые латиноамериканские геополитики и аналитики считают, что он направлен на *«подрыв интеграционных процессов, проходящих в рамках Союза Южноамериканских наций (UNASUR), а также политическую изоляцию прогрессивных популистских латиноамериканских правительств, в первую очередь Венесуэлы»*. Чилийский политаналитик Патрисио Карвахаль Аравена считает, что ТА стратегически направлен на присоединение Парагвая, Коста-Рики, Эквадора, Сальвадора, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Панамы, а в дальнейшем — и левацких стран MERCOSUR, таких, как Бразилия, Аргентина и Уругвай. А экс-президент Бразилии, фактически оформивший современный умеренно левый дискурс на континенте, заявил, что *«Альянс стремится вернуть неолиберальный Вашингтонский консенсус в Латинскую Америку»*.

Принятие Израиля в Альянс на правах наблюдателя — это довольно четкий сигнал со стороны латиноамериканского правого истеблишмента. Ситуация почти не изменилась с советских времен. Пророссийские «несоветские» государства — члены ALBA, Бразилия, Аргентина — ненавидят Израиль, подчиняются то Москве, то Пекину, и поддерживают Иран. Проамериканские капиталистические правые страны — Чили, Парагвай, Колумбия, Гондурас, Гватемала, по-прежнему сохраняют хорошие отношения с Израилем и стремятся их развивать.

Перспективные области российско-мексиканского сотрудничества

Активизировавшаяся внешнеполитическая деятельность России неизбежно привела к изменению мировой политической конъюнктуры, что требует объективного пересмотра, казалось бы, традиционных партнерских отношений с Европой, заставляя задуматься о необходимости расширения сферы влияния за пределы евразийского континента. И если в контексте экономико-идеологического противостояния Холодной войны, стратегическим партнером СССР в подбрюшье у США выступала Куба, то сегодня Россия может найти партнера для отражения санкционных атак в лице Мексики. В этой связи, актуальным объектом научного интереса в контексте представленной аналитической статьи становятся перспективные области российско-мексиканского сотрудничества, прогнозирование возможных сценариев двухстороннего взаимодействия в энергетическом секторе, международных организациях, масштабных инвестиционных проектах, и на мировых экономических форумах. В статье представлен краткий исторический экскурс развития мексикано-российских отношений с момента распада биполярной системы до современного этапа, выделен ряд стратегических ошибок и просчетов российских политических элит, с целью оптимизации новой модели взаимовыгодного сотрудничества и формирования стратегически важного партнерства с этим североамериканским государством.

Ключевые слова: Мексика, стратегическое партнерство, перегруппировка сил, равноправный политический диалог, энергетический сектор, инвестиции.

Russian hegemonic appetites renaissance boosted fundamental shifts in global policy system and, especially, entrenched strategic partnership models. Historically – unprecedented obstructions, such as a full-scale sanction war, encourages Russian political elites to revise the campus of allies by transcending Eurasian borders for the sake of national influence proliferation at global scale. But if in the context of protracted ideological confrontation of the Cold War bilateral collaboration with Cuba was justified by its geopolitically ponderable location, today Russia should turn towards one more American neighbor - Mexico. In the light of current political context this article is targeted at fleshing out in details budding spheres of Russian-Mexican cooperation, meticulously drafted partnership scenarios forecast with particularized attention to energy sector, collaboration within functional frameworks of international organizations, ambitious investment projects and global economic forums. Compendious history of bilateral cooperation since the time of bipolar system collapse was analyzed so as to exclude the possibility of past impediments revival and constitute an outrageously new model of partnership paving the way to strategic alliance with this explosively-developing North-American state.

Key words: Mexico, strategic partnership, investments, energy sector cooperation, reappraisal of political allies, collaboration on an equal footings.

Оценивая состояние двухсторонних российско-мексиканских отношений, нельзя не отметить, что оно во многом парадоксально. С одной стороны, - высокий уровень политического диалога, достаточное количество встреч на высшем уровне, дипломатической кооперации, и как результат, совпадение позиций по большинству актуальных вопросов мировой политики, с другой – крайне незначительный, по сравнению с

ведущими государствами Латинской Америки, масштаб связей в торгово-экономической области и вялые попытки его расширения. Возникает вопрос, чем обусловлен такой дисбаланс в отношениях? Представляется разумным искать ответы в истории: во-первых, сказались не вполне продуманная политика российского руководства в первые годы после распада СССР, когда на фоне болезненных внутривнутриполитических процессов внешняя политика зачастую оставалась без должного внимания. Особенно наглядно это проявилось в уходе, а точнее – в «бегстве» России с Кубы. Во-вторых, в российской внешнеполитической доктрине 1993 г. среди приоритетных региональных направлений для концентрации усилий по расширению многостороннего сотрудничества Латинской Америке было отведено привычное еще с советских времен самое последнее место [1; 2].

Наконец, именно на мексиканском направлении произошло несколько эксцессов, которые редко встречаются в дипломатической практике и которые принято считать проявлениями неуважения или даже пренебрежения к иностранному партнеру. Так, в одном только 1995 г. визит в Мексику министра иностранных дел России А. Козырева анонсировался по официальным каналам пять раз и в последний момент без вразумительных объяснений отменялся. Нетрудно себе представить, как это воспринималось мексиканской стороной, которая несколько раз лично выступала инициатором переговоров.

Как видим, негативное восприятие Мексикой «новой» России во многом было делом наших собственных рук, и сформировавшийся имидж надо было срочно исправлять. Ситуация улучшилась в 1996 году, когда новым главой МИДа стал Е. Примаков, инициировавший свой первый официальный визит в Мексику. В ходе визита был налажен политический диалог и подписаны двухсторонние соглашения о сотрудничестве в различных областях. Были созданы две смешанные межправительственные комиссии: по экономическому, торговому, научно-техническому сотрудничеству и морскому судоходству. Кроме того, был дан старт механизму политических консультаций между министерствами иностранных дел двух государств [3].

В январе 2013 г. президент Э. Пенья Ньето после нескольких встреч на высшем уровне со своим российским коллегой поставил задачу расширить торгово-экономическое взаимодействие с Россией. Развитию двухсторонних экономических связей благоприятствует также тот факт, что Мексика – одна из самых открытых экономик мира, имеющая соглашения о свободной торговле с 44 государствами, и у российского капитала появляется шанс приступить, наконец, к освоению мексиканского рынка [7].

На фоне мексиканских стремлений стать ведущим игроком в глобальной экономике, у руководства страны нет иного пути, кроме наращивания инвестиций в научно-исследовательские разработки. Однако, будучи одним из лидеров ОЭСР по экспорту информационного и телекоммуникационного оборудования, Мексика находится в самом конце списка стран по показателям развития науки и инновационной активности – и с этим дисбалансом поможет справиться долгосрочное экономическое партнерство с Россией. Учитывая, что наша страна пока еще сильна в области разработок новых технологий, а мексиканская сторона остро в них нуждается, речь может идти о сотрудничестве в таких сферах, как космос, нанотехнологии, высшая математика.

Еще в конце первого десятилетия XXI века руководство Мексики стало осознавать, что страна все сильнее втягивается в североамериканскую экономическую «воронку» посредством НАФТА, что явно противоречило мексиканским национальным интересам, подорванным в 2008–2009 гг. спровоцировавшим глобальную рецессию финансово-экономическим кризисом в Соединенных Штатах. Мексика, плотно «привязанная» к экономике США, как ни одно другое государство, ощутила на себе воздействие этого кризиса: в 2009 г. ВВП страны сократился на 6,2% [4; 5; 6].

2009 год стал поворотным моментом в мексиканской внешней политике, ознаменовавшим поиск новых международных партнеров в целях построения долгосрочных устойчивых экономических отношений, способных заменить неустойчивое сотрудничество с США. В связи с этим, актуальность данной статьи не вызывает сомнений, так как связана с оценкой возможного расширения экономических связей между Россией и Мексикой на основе принципов равноправного партнерства, взаимовыгодности и компромиссов. На основе статистической информации, аналитической периодической печати, официальных правительственных отчетов обеих стран в статье представлен прогноз развития двухсторонних российско-мексиканских отношений, определены перспективные области сотрудничества.

Энергетический сектор – еще одно приоритетное, но пока слабо освоенное поле взаимодействия. Обе страны входят в число крупнейших в мире производителей и экспортеров углеводородов. Мексика представляет собой благоприятную среду для российских инвесторов, тем более мексиканский рынок имеет и стратегическое значение, так как может служить своеобразным трамплином для проникновения на самый емкий в мире североамериканский рынок. Кроме того, целесообразно задаться вопросом (особенно после вступления России в ВТО) о заключении с

Мексикой соглашения о свободной торговле, проведя предварительно тщательный анализ возможных выгод и потерь, ряд двухсторонних консультаций.

Необходимо расширять сотрудничество по линии российско-мексиканской комиссии по экономическому, торговому, научно-техническому сотрудничеству и морскому судоходству. Заседания этой комиссии проходят нерегулярно и зачастую носят формальный характер. Целесообразно наполнить работу практически-выгодным для обеих стран содержанием, например, рассмотреть перспективы создания предпринимательских объединений и создания специального совета делового сотрудничества, в котором главную роль играли бы не государственные чиновники, а представители бизнеса двух стран, до сих пор страдающие от недостатка исчерпывающей информации о возможностях и интересах друг друга.

Принимая во внимание вышеизложенные аргументы, можно сделать вывод, что российско-мексиканское партнерство в ближайшей перспективе имеет все шансы выйти на качественно новый уровень, создав новую модель экономической кооперации в преимущественно наукоемких отраслях.

Библиографический список

1. Мексика в современном мире и в системе международных отношений Российской Федерации. М.: ИЛА, 2005. С. 44.
2. Облик России – взгляд из Латинской Америки М., 2009. С. 23.
3. Мексика в современном мире и в системе международных отношений Российской Федерации. М.: ИЛА, 2005. С. 47.
4. Федеральная таможенная служба в 2012 году. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации: Сборник. М., 2013. С. 12.
5. Banco de Mexico. Cuadro A56. P. 123.
6. IMF. World Economic Outlook, September 2011. Washington, 2011. P. 178–184.
7. Латинская Америка. 2013. № 6. С. 73–80.

А.В. Погорельский

Россия и Аргентина в меняющемся мире: стратегическое партнерство

Статья посвящена отношениям России и Аргентины на современном этапе. В последние годы Аргентина стала одним из главных экономических и политических партнеров России в Латинской Америке. С началом украинского кризиса и введения западных санкций *российско-латиноамериканское сотрудничество приобретает еще большее значение*. Президент Аргентины Кристина Киршнер заявила, что ее страна готова многократно увеличить поставки продовольствия в Россию и заменить европейских производителей. Кроме того, активно развивается сотрудничество в области использования атомной энергии в мирных целях. Автор делает вывод, что в последние годы наметилась тенденция активизации сотрудничества как на уровне межгосударственных контактов, так и на уровне взаимодействия частных экономических структур. При укреплении этих тенденций Россия и Аргентина смогут более успешно реализовывать свои экономические и политические интересы в современном многополярном мире.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, санкции, *российско-латиноамериканское сотрудничество, многополярный мир*.

The article is devoted to relations between Russia and Argentina at the present stage. In recent years, Argentina has become a major economic and political partner of Russia in Latin America. Since the beginning of the Ukrainian crisis and the introduction of Western sanctions Russian-Latin American cooperation is even more important. Argentine President Cristina Kirchner said that her country is ready to multiply the supply of food in Russia and replace European manufacturers. In addition, actively developing cooperation in the field of nuclear energy for peaceful purposes. The author concludes that in recent years there has been a trend of greater cooperation at the intergovernmental level and interaction at the level of private economic structures. In strengthening these trends, Russia and Argentina will be able to more successfully implement their economic and political interests in today's multipolar world.

Keywords: strategic partnership, sanctions, Russian-Latin American cooperation, multipolar world.

После развала СССР по объективным причинам экономического и политического характера РФ утратила свои некогда прочные позиции в Латинской Америке. Это было связано в первую очередь с тем, что нашей стране, находившейся на грани социально-экономического коллапса было просто нечего предложить латиноамериканским государствам. Кроме того, курс который проводила во внешней политике команда министра иностранных дел Андрея Козырева, был направлен, прежде всего, на выстраивание отношений с Соединенными Штатами и странами Западной Европы, в ущерб отношениям с нашими старыми партнерами. Такой исключительно «прозападный» вектор внешней политики РФ в начале 90-х годов и способствовал тому, что связи с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки были практически разорваны. Ситуация изменилась с приходом в 1996 году на должность министра иностранных

дел РФ Е.М. Примакова, который стал проводить более сбалансированный и прагматичный внешнеполитический курс. Одним из важных элементов этого курса стало восстановление утраченных позиций в странах «третьего мира», где все более крепкие позиции приобретал усиливающийся экономически и политически Китай. Особый импульс этой политике придало появление новой концепции внешней политики РФ, в которой было записано, что она носит многовекторный характер.

Среди развивающихся стран, с которыми РФ начала заново выстраивать партнерские отношения важную роль играют и государства Латинской Америки. На сегодняшний день РФ поддерживает дипотношения со всеми 33 государствами Латинской Америки и Карибского бассейна. В 2002-2004 гг. восстановлены отношения с Гренадой, установлены - с Сент-Винсентом и Гренадинами, Сент-Кристофером и Невисом, Багамскими островами, Сент-Люсией. Проводится линия на укрепление дружественных связей с государствами региона, наращивание взаимодействия на мировой арене, развитие торгово-экономического, инвестиционного, научно-технического и культурного сотрудничества. Особое значение для начала восстановления позиций России в регионе имел официальный визит Президента России В.В.Путина на Кубу в 2000г. - первый на высшем уровне в Латинскую Америку - и в Мексику (2004г). Продвижению сотрудничества с ведущими партнерами в регионе способствовали официальные визиты в Россию президента Венесуэлы У.Чавеса (2001г.), Чили - Р.Лагоса (2002г.), Бразилии - Ф.Э.Кардозо (2002г.). В ходе Саммита тысячелетия (2000г.), форумов АТЭС в Брунее (2000г.), Шанхае (2001г.) и Бангкоке (2003г.) В.В.Путин встречался с президентами Мексики, Венесуэлы, Перу, Чили. В рамках «расширенного диалога» лидеров «восьмерки» с приглашенными на саммит в Эвиане (Франция, 2003г.) главами влиятельных развивающихся государств прошли встречи Президента России с президентами Бразилии и Мексики. В.В.Путин встретился с Президентом Бразилии Л.Лулой в Нью-Йорке в ходе 58-й сессии ГА ООН (2003г.). С визитами в России побывали министры иностранных дел большинства латиноамериканских стран. Стали регулярно проводится встречи министров в ходе сессий ГА ООН, в рамках форума АТЭС. В 2002 - 2003 гг. состоялся обмен визитами председателей верхних палат парламентов России и Мексики, российские парламентские делегации посетили Аргентину, Бразилию, Колумбию, Панаму, Перу, Эквадор, в России побывали делегации парламентов Венесуэлы, Гватемалы, Коста-Рики, Чили, Эквадора. На рынках Латинской Америки появились представители крупного российского бизнеса. Российские компании начали успешно действовать в сфере поставок оборудования для ГЭС в Аргентине, Бразилии, Мексике, Колумбии, приняли участие в

разработке нефтяных месторождений в Колумбии, заработали совместные предприятия по сборке автомобилей в Венесуэле, Колумбии, Уругвае, Эквадоре. Осуществляется сотрудничество в области мирного использования космоса, ядерной энергии с Аргентиной, Бразилией, Мексикой. Развитию торгово-экономических отношений содействуют межправительственные комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству с Бразилией, Аргентиной, Мексикой, Венесуэлой, Колумбией, а также Национальный комитет содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки (НК СЭСЛА). Налаживанию прямых связей между деловыми кругами способствовали проведенные в нашей стране деловой форум «Россия - Латинская Америка» (2001г.), круглый стол «Россия - страны Андского сообщества: перспективы развития торгово-экономического сотрудничества» (2002г.), форумы "Санкт-Петербург - Иberoамерика" (2002-2003гг).

Расширяются гуманитарные и культурные связи. В 2000-2001 гг. и в 2003г. в Москве проведены три Фестиваля ибероамериканской культуры. В 2003г. создано Общество дружбы, научного, культурного и делового сотрудничества Россия-Мексика [5].

Во второй половине 2000-х контакты между Россией и странами Латинской Америки еще более активизировались. Особо близкие отношения у президентов В.Путина и Д.Медведева сложились с венесуэльским лидером Уго Чавесом. В 2008 году он дважды приезжал в Москву в июле и сентябре. В ноябре того же года президент России Д.А.Медведев принял участие в форуме АТЭС в Лиме, а также провел двусторонние визиты в Перу, Бразилию, Венесуэлу и на Кубу.

Одним из главных экономических и политических партнеров России в Латинской Америке стала Аргентина, которая, наряду с Бразилией, является экономическим лидером региона.

15 апреля 2010 года перед саммитом БРИКС проходившим в Бразилии президент России Дмитрий Медведев совершил государственный визит в Аргентину. Он стал первым главой российского государства, посетившим латиноамериканскую страну, за 125 лет дипломатических отношений. По итогам переговоров было подписано 10 документов в различных областях. Одним из самых важных стало соглашение о направлениях взаимодействия в области мирного использования атомной энергии. Документ подписали госкорпорация «Росатом» и министерство федерального планирования, государственных инвестиций и услуг Аргентины. Президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер на совместной пресс-конференции с Медведевым пояснила, что страна с 90-х

годов остановила развитие атомной энергетики, но теперь вновь будет заниматься строительством АЭС. В частности, речь идет о блоках «Атуча-2», «Атуча-3» и других. «Приход российской компании «Росатом» на рынок Аргентины в этом случае повлечет несколько миллиардов долларов инвестиций, которые должны быть вложены в создание соответствующих энергоблоков, а также в развитие инфраструктуры» [6], — заявил Медведев на пресс-конференции. Кристина Киршнер уточнила, что соглашение предполагает локализацию 50% производства в Аргентине. Глава «Росатома» Сергей Кириенко пояснил журналистам, что речь идет о производстве части материалов непосредственно в стране, где будет идти строительство АЭС, в том числе мощности по производству ядерного топлива. Говорить о стоимости возможных контрактов пока рано, сказал Кириенко. По его словам, стоимость строительства одного блока начинается от \$4,5 млрд, а речь идет уже как минимум о двух объектах. Для реализации этого проекта Россия и Аргентина создадут координационный совет, который, в свою очередь, назначит совместные рабочие группы в профильных областях, говорится в соглашении. Россия подписала с Аргентиной еще ряд документов. Так, в присутствии президентов «Рособоронэкспорт» и министерство обороны Аргентины подписали контракт о продаже двух вертолетов Ми-171Е для нужд министерства обороны страны. Аргентина выразила заинтересованность в покупке у России различной авиационной и автомобильной техники, систем ПВО, а также ставит вопрос о покупке бывшего в эксплуатации транспортного полярного судна для обеспечения национальной антарктической программы. В конце пресс-конференции Медведева и Киршнер аргентинские журналисты поинтересовались у российского президента, не вызывает ли активизация России в Латинской Америке недовольство и опаску у США. «У меня создалось впечатление, что в Белом доме в Вашингтоне сидят разумные люди, и если это так, то они не будут воспринимать это с опаской» [6], — ответил Медведев. Кристина Киршнер поддержала позицию российского президента. «Мир изменился. Мы больше не являемся задним двором ни одного государства. Мы хотим полноценно развиваться, никто не может в одностороннем порядке навязывать нам свою волю» [6], — заявила она. Несомненно, что после визита Д.Медведева экономические отношения между Россией и Аргентиной вышли на принципиально новый уровень.

В 2014 году с началом украинского кризиса и введения западных санкций *российско-латиноамериканское сотрудничество приобретает еще большее значение. Сейчас сложилась благоприятная ситуация, в которой РФ может значительно усилить свои позиции в Латинской*

Америке, что позволит снизить внешнеполитические риски и укрепить переговорные позиции Москвы со странами Запада. В условиях Западных санкций и введенного в ответ Россией продуктового эмбарго стран ЕС, президент Аргентины Кристина Киршнер заявила, что ее страна готова многократно увеличить поставки продовольствия в Россию и заменить европейских производителей. Кроме того, президент Аргентины осудила санкционную политику Запада против России, считая санкции контрпродуктивными и не способствующими разрешению украинского кризиса.

В июле 2014 г. состоялось беспрецедентное по продолжительности и географическому охвату турне президента РФ В.В. Путина по региону Латинской Америки. С 11 по 17 июля глава российского государства посетил четыре страны – Кубу, Никарагуа, Аргентину и Бразилию, обсудив с их руководством широкий круг вопросов международной жизни и российско-латиноамериканского сотрудничества. 12 июля 2014 г. В.В. Путин прибыл с официальным визитом в Аргентину. В ходе переговоров с президентом Кристиной Киршнер российский президент напомнил, что с 2009 г. стороны работают над реализацией плана по выведению отношений двух стран на уровень **стратегического партнерства**. По мнению президентов Аргентины и России, достижение столь высокой планки во взаимодействии наших стран стало возможным благодаря близости или совпадению взглядов на ключевые вопросы международной жизни, что позволяет сообща отстаивать «принципы многополярного мира – равноправие, взаимное уважение, неделимость безопасности» [3].

Важным практическим результатом визита в Аргентину явилось подписание соглашения о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях [1]. Российская компания «ИНТЕР РАО – Экспорт», одержав победу в международном тендере, намерена подключиться к строительству ГЭС «Chihuido I» в провинции Неукен. Речь идет о крупной станции мощностью 637 Мвт и стоимостью 2,2 млрд долл., которую российская компания будет возводить вместе с консорциумом аргентинских строительных фирм во главе с «Helport S.A.». Кроме того, будет построена распределительная подстанция и протянута сверхвысоковольтная ЛЭП напряжением 500 кВ и протяженностью 160 км. Срок реализации проекта составляет ориентировочно пять лет. Как заявил генеральный директор ООО «ИНТЕР РАО – Экспорт» М.Е. Сергеев, продвижение компании на латиноамериканский рынок «строго соответствует стратегии Группы «Интер РАО» по развитию международной деятельности». И добавил: «Мы надеемся, что данный контракт (строительство «Chihuido I» – П.Я.) положит начало системному

сотрудничеству с Аргентиной в сфере поставок оборудования и строительству энергообъектов» [4].

Еще одним новым пространством российско-аргентинского взаимодействия становится крайне важная в условиях начавшегося политического противостояния России с Западом область информации и массовых коммуникаций. Начало этому также было положено в ходе пребывания президента РФ в Буэнос-Айресе, где состоялось подписание межведомственного соглашения, обеспечивающего круглосуточную трансляцию канала «Russia Today» для аргентинских телезрителей на испанском языке.

В ноябре 2014 г. Буэнос-Айрес посетила российская высокопоставленная делегация в составе кремлевских чиновников, отвечающих за экономический блок в правительстве, и бизнесменов-нефтяников. Во время визита российская делегация во главе с заместителем министра экономического развития России Олегом Фомичевым провела множество встреч с представителями аргентинских властей и бизнес-сообщества. В преддверие визита российской делегации, высокопоставленный чиновник МИД Аргентины, курирующий данную сферу, заявил: «Речь идет о визите, который имеет большое политическое и экономическое значение, так как он должен подтвердить стратегический союз наших стран, объявленный ранее Кристиной Киришнер и Владимиром Путиным» [7]. Представители российской делегации провели переговоры с министром планирования Хулио Де Видо и министром промышленности Дебора Джорджи, а также министром сельского хозяйства Карлосом Касамикелой. В составе российской делегации находились также представители ОМЗ, крупнейшего в России промышленного холдинга в области тяжелого машиностроения, Уралмаша, ведущего российского производителя оборудования для нефтяной и газовой отрасли, компании RER Holding, одного из ключевых энергомашиностроительных предприятий России, Газпромбанка. Высокопоставленные источники в МИД Аргентины заявили, что российские бизнесмены-нефтяники очень заинтересованы принять участие в реализации совместных проектов по освоению месторождения Vaca Muerta [7].

Глава аргентинской компании YPF Мигель Галуччио договорился с Газпромом подписать меморандум о взаимопонимании для разработки газовых месторождений в Аргентине. Инвестиции в разработку месторождений могут составить как минимум один миллиард долларов. Кроме того, аргентинские власти считают, что Москва заинтересована в увеличении ввоза продовольствия из Аргентины после того, как Россия запретила ввоз продовольственных товаров и сельхозпродукции из США,

Евросоюза, Канады, Австралии и Норвегии. Ежегодно Россия завозит из-за рубежа продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья на 20 миллиардов долларов и Аргентина намерена воспользоваться по максимуму сложившейся ситуацией, чтобы нарастить свое присутствие на российском продовольственном рынке.

Несомненно, что важным этапом в укреплении стратегического партнерства между Россией и Аргентиной должен стать визит президента Аргентины Кристинины Киршнер в Москву 22-24 апреля 2015 года. Об этом визите стало известно из хорошо информированных источников в МИД Аргентины и России. В повестку дня лидеров двух стран включено подписание соглашений о сотрудничестве в сфере мирного атома и расширении торговли. Москва стремится сбалансировать дефицит торговли с Аргентиной, в том числе за счет продажи российских военных вертолетов. Однако центральной темой переговоров станет «атомная сделка» с Россией. Росатом готов участвовать в строительстве новой АЭС в Аргентине.

Межправительственное соглашение, которое будет подписано, предусматривает ввод в эксплуатацию как промышленных атомных реакторов, так и исследовательских. Кроме того, предусматривается переработка радиоактивных отходов на территории Аргентины, производство радиоизотопов для промышленности, медицины и сельского хозяйства, а также обучение специалистов в области физики и атомной энергетики [2].

Президент РФ В.В. Путин также надеется на увеличение поставок молочных и мясных продуктов из Аргентины. Во время недавнего визита в Москву министр сельского хозяйства Аргентины Карлос Касмикела пообещал российской стороне увеличить поставки молочной продукции и говядины в Россию. На сегодняшний день, товарооборот между Россией и Аргентиной составляет около 2 миллиардов долларов. Во взаимной торговле двух стран большое место занимает торговля сельхозпродукцией и продовольствием. Россия считает возможным увеличить экспорт продовольствия из Аргентины как минимум до 500 миллионов долларов в год. Сейчас этот показатель составляет около 300 миллионов долларов в год [2]. Министр обороны Аргентины Агустин Росси ведет переговоры с российскими военными о возможных закупках военной техники в России, однако детали этих соглашений пока неизвестны [2].

Подводя итоги развитию отношений между Россией и Аргентиной в начале второго десятилетия XXI века, необходимо отметить, что в данный период наметилась тенденция активизации сотрудничества как на уровне межгосударственных контактов, так и на уровне взаимодействия частных

экономических структур. При укреплении этих тенденций Россия и Аргентина смогут более успешно реализовывать свои экономические и политические интересы в современном многополярном мире.

Библиографический список

1. Документы, подписанные по итогам российско-аргентинских переговоров. 12 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/4736/print
2. Кристина Киршнер приедет в Москву для укрепления связей с Россией [Электронный ресурс]. – URL: <http://inosmi.ru/world/20150402/227254282.html>
3. Официальный обед от имени Президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер. 13 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/46211>
4. ООО «ИНТЕР РАО – Экспорт» победило в тендере на строительство ГЭС «Чиуидо-1» в Аргентине [Электронный ресурс]. – URL: <http://interraexport.ru/press/news/detail.php?ID=226>
5. Россия и страны Латинской Америки [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/ns-vnpor.nsf/osn_copy/6FFE98C792E61FA0C32570430031545B
6. Россия сделает атомное вложение [Электронный ресурс]. – URL: www.gazeta.ru/politics/2010/04/15_a_3351878.shtml
7. Российские интересы в Аргентине [Электронный ресурс]. – URL: <http://inosmi.ru/world/20141111/224199948.html>

Куба – США: будущее двухсторонних отношений

В условиях глобализующегося мира конфликтогенный потенциал в одном регионе неизбежно эхом отзывается в сфере международного сотрудничества всех влиятельных мировых игроков, побуждая научное сообщество уделять все большее внимание анализу региональных конфликтов, вызывающих мировой резонанс. В статье дан прогноз развития экономико-политических отношений между США и Кубой, определены сферы приоритетного сотрудничества.

Ключевые слова: США, Куба, Карибский кризис, экономическое эмбарго, национализация, ZunZuneo

The conflict potential of the globalizing world will inevitably echoes in the field of international cooperation of all influential actors in the world, encouraging academic community to pay more attention to the analysis of regional conflicts that cause global resonance. The article gives a forecast of economic and political relations between the US and Cuba. The areas of priority cooperation are also identified.

Key words: U.S., Cuba, Cuban Missile Crisis, embargo, nationalization, ZunZuneo

Более полувека прошло с тех пор, как Карибский кризис поставил мир на грань Третьей мировой. Но для одного из участников тех событий — Кубы — кризис не закончен: введенная в 1962 году Штатами в отношении Кубы экономическая блокада существует по сей день. По оценкам экспертов, размер ущерба, нанесенного экономике Кубы за более чем 50 лет блокады, может достигать 975 млрд. долларов. 22 июля 1960 года революционное правительство Фиделя Кастро объявило об окончательной национализации, прежде всего, всех сахарных заводов и плантаций, принадлежавших американским компаниям. В августе 1960 года были национализированы телефонные и электрические компании, нефтеперегонные заводы.

В ответ на внутренние экономические преобразования кубинцев США прекратили поставлять на Кубу нефть и покупать сахар. Однако, революционный запал не был сломлен и в сентябре 1960 года кубинское правительство национализировало все филиалы североамериканских банков. Общая стоимость конфискованного американского имущества составила один миллиард долларов. Президент США Эйзенхауэр был вынужден защищать американские экономические интересы и 19 октября 1960 года объявил о полной экономической блокаде Кубы, прекратив все операции по фьючерсным контрактам на поставку нефти новому коммунистическому строю и экспорту сахара. Срыв этих долгосрочных

договоренностей принес обеим сторонам огромные потери. Каждый последующий президент США добавлял свои декреты или законы по ужесточению эмбарго.

Но с приходом нового тысячелетия в двухсторонних экономических станах наметилась явная позитивная динамика. Начало либерализации и смягчению экономической блокады Кубы положил закон, подписанный в 2000 году президентом Клинтонем, разрешивший продажу Кубе широкого ассортимента продукции сельского хозяйства: от продуктов питания до удобрений и древесины. Товарооборот между двумя странами, особенно экспорт из США, в последние годы стал стремительно расти. Так, если за 2012 г. объем товарооборота Куба–США составил 464,5 млн долларов, то только за четыре месяца 2013 г. он достиг 177,1 млн долларов [4].

Означают ли данные статистические сведения возможность улучшения политического климата в двухстороннем кубино-американском партнерстве? Американское правительство прикладывает немало усилий для становления проамериканских настроений среди рядовых кубинцев. Так например, популярную на Кубе социальную сеть ZunZuneo разработали и внедрили американские спецслужбы. При ее помощи планировалось повлиять на общественное мнение и свергнуть коммунистическое правительство.

ZunZuneo была создана в 2009 году по образцу социальной сети Twitter. Курировало проект американское Агентство по международному развитию (USAID), а финансировался портал через подставные лица властями США. Пользователями ZunZuneo стали примерно 40 тысяч кубинцев, но в сентябре 2012 года проект закрыли, что было связано с окончанием действия гранта американского правительства. Помимо создания проамериканских социальных сетей, практикуется рассылка SMS-сообщений кубинским абонентам, в которых содержится просьба позвонить по определенным номерам. Когда абонент набирает этот номер, вместо гудков он слышит аудиозапись "подрывного характера". Принимая вышеизложенное во внимание, можно сделать вывод о том, что будущее кубино-американских отношений неоднозначно и во многом зависит от экономической ситуации на острове.

У местно предположить несколько вариантов развития событий: в обмен на сотрудничество в военной сфере (подготовка военных специалистов, размещение военных баз, стратегическая разработка совместных военных операций) Кубу на буксир из геополитических соображений вновь возьмет Российская Федерация, правительство которой будет вполне лояльно относиться и к увеличению масштабов финансовой помощи кубинцам.

Такой вариант, однако, носит гипотетический характер, и, скорее всего, экономику Кубы в ближайшем будущем ждут тяжелые времена. В таком случае вновь потребуются радикальные меры, чтобы избежать коллапса народного хозяйства, что, в свою очередь, предполагает определенную степень либерализации политической жизни. Однако в этом вопросе кардинальных перемен ожидать не стоит – до тех пор, пока благосостояние могущественных и многочисленных кубинских силовиков будет поддерживаться на удовлетворяющем их уровне, эта социальная прослойка не допустит стихийных политических перемен. Необходимо помнить, что после полувекового идеологического господства одной партии и беспрецедентного бегства с острова более миллиона человек (или около 10% населения) осторожные политические перемены возможны только сверху [2].

Прогресс в области прав человека, безусловно, будет благоприятно влиять на нормализацию отношений между Кубой и США. Определенные подвижки в области гражданских прав и свобод происходят на Кубе не очень быстро, но последовательно. За последние годы освобождены многие диссиденты, открыт выезд за рубеж. США, в свою очередь, стали выдавать гражданам Кубы многократные визы. В июне 2013 г. в Вашингтоне начались прямые переговоры о восстановлении почтовой связи. Кубинское правительство объявило о расширении доступа в Интернет в общественных местах. По всей стране открылись многочисленные интернет-кафе, сняты ограничения на пользование мобильной связью. Даже такой щекотливый вопрос, как отношение к сексуальным меньшинствам, на Кубе постепенно решается. Со своей стороны, в отношениях с США кубинские власти несколько ослабили «антиимпериалистический» накал визуальной и прочей пропаганды.

Однако болевой точкой до сих пор остается вопрос об экономическом эмбарго. В октябре 2011 года за резолюцию, в которой заявлена необходимость прекращения экономической и финансовой блокады США против Кубы, проголосовало 186 государств-членов ООН, и только две страны подали свои голоса против принятия документа. В нынешнем году Россия и Евросоюз также не поддержали Штаты в их стремлении сохранить санкции как инструмент экономического и политического давления на Кубу.

Отмена американского эмбарго – важнейшее условие нормализации отношений – возможна лишь при решении вопроса о компенсации американским собственникам экспроприированного имущества на Кубе. Очевидно, что кубинцы не располагают соответствующими возможностями для решения вопроса о компенсации, кроме того, у них нет желания провести подобную акцию. Однако американский капитал, возможно, будет

готов идти на определенные компромиссы: реструктуризацию или даже частичное списание кубинских долгов. Для американцев важен принцип – признание незаконного характера экспроприации, – что может обернуться уступками с их стороны [3].

В ноябре 2013 г. США официально отказались от «доктрины Монро», которой в этом году исполнилось 190 лет. Доктрина объявляла страны Латинской Америки сферой приоритетного влияния США. В своем выступлении, посвященном отказу США от «доктрины Монро», госсекретарь США Джон Керри подчеркнул, что Соединенные Штаты «ждут того дня, и надеются, что он придет быстро, когда кубинское правительство примет широкую повестку для политических реформ, которые позволят его народу свободно определять собственное будущее» [5].

Нынешний глава Кубы Рауль Кастро, конечно, не апологет рыночной экономики и поборник прав человека, но его политический курс заслуживает уважения. Некоторые его шаги, в том числе ограничение сроков пребывания на руководящих постах (себе он установил срок до 2018 г.), могут создать предпосылки для постепенного перехода к поставторитарному обществу. Но масштабы экономического реформирования на Кубе слишком скромны, чтобы переломить ситуацию и сделать рывок к рынку, как это в свое время произошло в Китае и Вьетнаме.

Библиографический список

1. Новые возможности для инвестиций на Кубе. Справочник для делового человека / сост. Э. Белый. - М.: Финтрекс, 1997.
2. Россия и Куба в контексте экономической глобализации. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2005. С. 496.
3. Современная Куба: Вопросы экономической адаптации и переориентации внешних связей / ред. В. М. Давыдов. - М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 158.
4. IMF. World Economic Outlook, September 2011. Washington, 2011. P. 178–184Juventud rebelde, Habana. 19.05.2002.
5. The Economist, 24 March 2012

Георгий Коларов

Коста-риканский президент Луис Гильермо Солис и индекс счастья в стране без армии

В статье рассматривается электоральный процесс и ПР-кампании последних выборов президента в самом богатом, мирном и счастливом (по мировому индексу счастья) центрально-американском государстве – Коста-Рика. После революции в 1948г., которая длилась 44 дня, в стране была упразднена государственная армия и был объявлен нейтралитет во всех международных военных конфликтах. Демократический политический процесс и социально-экономическое благосостояние людей дали полное основание международным наблюдателям назвать Коста-Рику «Швейцарией в Центральной Америке». Она отличается от своих очень беспокойных и агрессивных соседей в Центральной и Южной Америке тем, что правящие круги стараются решать проблемы на основе поиска всеобщего согласия и пользы для огромного большинства костариканцев. Здесь очень важную роль играет президент страны Луис Гильермо Солис, его харизма и ПР-умения.

Ключевые слова: демократия, выборы, президент, согласие, экономика, нейтралитет, счастье.

The President of Costa Rica Luis Guillermo Solis and the index of happiness in a country without an army. In the article is being analyzed the presidential elections and the PR campaigns at the last presidential elections at the richest, most peaceful and happiest country in the whole Central American region. Costa Rica in Central America after the revolution in 1948 which lasted 44 days the country decide to abolish its army and was declared neutrality in all word's conflicts. Democratic processes, social economical welfare which with the full right of deserve it's nickname "Costa Rica the Latin American Switzerland. Costa Rica differentiate itself from their unstable and aggressive neighbors in Central and South America, as a country in which the ruling party tries to look for a answer of understanding and consulting of the biggest majority of Costa Ricans. That's why is very important the role played by the president of the country Luis Guillermo Solis with its character and skills.

Key words: democracy, elections, president, economics, neutrality, happiness, peace

Коста-Рика отличается от своих соседей в Центральной Америке тем, что старается не ввязываться ни в какие внутренние, или международные (региональные) конфликты. Не зря в международном сообществе ее прозвали «Швейцарией в Центральной Америке». Как утверждают эксперты Института Латинской Америки Российской Академии Наук (ИЛАРАН), «благодаря развитию экономики, на базе фермерского, а не плантационного сельского хозяйства, Коста-Рика оказалась избавленной от типичного для большинства латиноамериканских стран противостояния между предпринимательским и латифундистским способами хозяйствования. Это способствовало формированию более однородного в социальном отношении общества. В результате, после провозглашения Республики (1848г.) и признания ее независимости Испанией (1850г.), Коста-Рика могла осуществлять свое государственное строительство без острого

противоборства антагонистических кланов правящего класса, постепенно внедряя и укрепляя демократические принципы.

Это позволило стране развиваться без столь типичных для ее соседей военных переворотов, диктатур и революций» [1, с. 8]. Таким образом, в стране оформились народо-психология и национальный характер, отличные от соседних народов – жителей маленьких государств Центральной Америки (Панамы, Никарагуа, Сальвадор, Гондурас, Гватемала, Белиз, Куба, Доминиканская Республика) не говоря о близких географически и исторически гигантов (Мексика, Колумбия, Венесуэла). Если, например Сальвадор и Гондурас в свое время развязали «футболную войну», только для того, чтобы приобрести мировую известность и укрепить имидж правящих кланов, Коста-Рика до сих пор старается искать компромиссы в ответ на вооруженных вызовов, сначала сомосистов, потом сандинистов в Никарагуа (конкретно команданте «Серо» - Эден Пастора), или бойцов панамской Национальной Гвардии генерала Мануэля Антонио Нориеги, которые, после инвазии США, укрепились в северной части страны, у костариканской границы и промышляют наркотрафиком. Коста Рика осталась тем центральноамериканским государством,, которое не было затронуто взрывом революционного насилия в 70-х – 80-х годах XX века.

(Исключением составляла еще и Панама, где тогда правил военный революционер – национал-демократ генерал Омар Торрихос Эрера, а после его трагической гибели, подозрения для которой до сих пор падают на ЦРУ – его преемник генерал Мануэль Антонио Нориега, до его свержения 15-16.12.1989г. Скоро, после его захвата, в начале 1990г. власть на долго сдали и сандинисты).

В Коста-Рике демократическая политическая практика очень близка к европейской. До недавних пор в стране работала двухпартийная система, президентские и парламентские выборы обычно обходились без скандалов. В этом государстве всегда можно было наблюдать скопление многих политических иммигрантов с разных латиноамериканских стран, прежде всего центрально-американских. В прошлом, там эмигрировали сандинисты и другие оппозиционеры режима клана Сомоса. После сандинистской революции, там на долго установился легендарный «Команданте Серо» - Эден Пастора, после того, как порвал с девятью руководителями Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО). Сейчас, после того, как от братьев Ортега ушла часть их бывших соратников, группируясь в Сандинистском Движении Обновления (СДО), Эден Пастора снова заключил союз с братьями. И обеспечивает их территориальные

претензии на самом берегу реки Сан Хуан. Оттуда охотно раздает интервью иностранным журналистам и корреспондентам.

Хотя, в прошлом он повсюду декларировал, что любит лидера костариканской революции 1948г. Дон Пепе (Хосе Фигерес) как отца, в этот момент усиливает напряжение между двумя странами, находясь практически все время на никарагуанском берегу приграничной реки Сан Хуан, строя там плотину и другие разнообразные приграничные укрепления, которые отделяют от Коста-Рики те водные пространства, на которые Сан Хосе претендует. В этой своей активности он встречает полную поддержку Даниэля и Умберто Ортеги. Русло реки Сан Хуан уже проходит очищение, в связи с планами сандинистов прокопать параллельный Панамскому Никарагуанский Канал. В связи с тем, Даниэль Ортега уже предъявляет претензии к провинции Гуанакасте, которая принадлежит Кост-Рике по договору от 1858г. Это случилось в 2013г. Тогда бывший президент Лаура Чинчилья протестировала против нарушения суверенитета и территориальной целостности страны, а также высказалась очень резко в адрес своего коллеги Даниэля Ортеги и сандинистов.

И хотя в конце концов, власти в Манагуа приняли новый проект, который не затрагивает интересы Коста-Рики, напряжение между Сан Хосе и Манагуа сохраняется. «О сохранении прохладных отношений свидетельствует тот факт, что Даниэль Ортега оказался единственным латиноамериканским президентом, которого новый костариканский президент Луис Гильермо Солис не пригласил на свою инаугурацию 08.06.2014г. Кроме того, в первые дни июня 2015г., он, в качестве верховного руководителя Коста Рики, поставил вопрос о пограничном споре между Сан Хосе и Манагуа на рассмотрение в Совете Безопасности ООН и в Международном суде в Гааге..

Этот акт был только продолжение акта его предшественницы на президентском посту – в результате заявлений в 2013г. Даниэля Ортеги об оспаривании принадлежности к Коста-Рике провинции Гуанакасте, «президент Лаура Чинчилья выразила протест против неуважения суверенитета ее страны и выступила с рядом резких заявлений в адрес никарагуанского лидера и его действий» [1, с. 60]. То есть, Луис Гильермо Солис сохраняет преемственность в отношении Никарагуа.

Этот акт свидетельствует также о рисках, которые берут на себя Пекин и Москва, связываясь с планами о строительстве Никарагуанского Канала, до разрешения территориальных проблем между двумя соседними странами. Надо иметь в виду, что в Коста-Рике юристы и дипломаты намного лучше образованные и подготовленные чем в Никарагуа, поскольку всю жизнь имели возможность готовиться и

упражняться именно в своей профессии. А в Никарагуа некоторые судебные и дипломатические должности предоставляются неподготовленным людям, основная заслуга которых – актив в повстанческой войне против авторитарной диктатуры Анастасио Сомосы, или близкое родство с ветеранами этой войны. Поэтому, у Манагуа намного меньше шансов на успех в этой дипломатической битве, вопреки долголетию нахождения на поста председателя Общего «Собрания ООН никарагуанского представителя. Это Мигель Д'Эското Брокман – бывший министр иностранных дел первых правительств СФНО и никарагуанский классик теологии освобождения, из школы, сформировавшейся до Сандинистской революции.

По мнению экспертов ИЛАРАН, изначально несостоятельными были ожидания на «существенный крен влево внутренней и внешней политики Коста-Рики» [1, с. 75 – 76], после победы Луиса Гильермо Солиса.

Во внешней политике Сан Хосе практически не наступило никаких перемен – она осталась плавать в фарватере Вашингтона. А во внутренней политике, перемены только косметические, например типа устранения от власти наиболее одиозных представителей старой бюрократии и отказ от привлечения на административные должности их отпрысков. Таким образом, президент повысил свой рейтинг. Он элегантно сохраняет власть костариканской элиты на обозримое будущее.

Сама инаугурация Луиса Гильермо Солиса прошла торжественным образом, на глазах у всего латиноамериканского общественного мнения. Он радуется всеобщей поддержки, со стороны своих коллег из стран Латинской и Северной Америки. Его имидж среди них бесспорен. Исключением, конечно, составляют президенты стран АЛБА, из-за солидарности с Даниэлем Ортегой. Однако, такое исключение подтверждает правило. Надо в очередной раз напомнить, что многие латиноамериканские политики всегда находили прибежище в Коста-Рике.

Личность Луиса Гильермо Солиса и его психологические характеристики сыграли основную роль в его победе на президентских выборах, имея в виду, что он сумел сокрушить традиционную двухпартийную систему в стране. А имея в виду, что политическая система в Коста-Рике похожа на европейскую и североамериканскую, это уже прецедент в политической истории государства.

Костариканский ПР-специалист Херсон Давид Санчес Фонсека рассматривает биографию Луиса Гильермо Солиса, пытаясь найти в ней те элементы, которые предопределили его путь удачливого политика и логически привели к президентскому посту в «латиноамериканской Швейцарии». Он подчеркивает: «Нельзя сказать, что судьба Луиса

Гильермо Солиса – это совокупность невероятно разнородных составляющих. Начальный этап его судьбы во многом похож на жизнь «средне статистического костариканца» [2, с. 27]. Херсон Давид Санчес Фонсека подчеркивает происхождение президента из небогатой семьи и факт, что он продвинулся далеко, сначала в общественных науках, а потом и в практической политике, благодаря своим исключительным личным качеств. Таким образом, стала возможной эволюция Луиса Гильермо Солиса от историка и политолога, через декана Факультета социальных наук в Университете Коста-Рики, советника при Министерстве иностранных дел, посла по центрально-американским делам, до Генерального секретаря Партии национального освобождения и кандидата в президенты Партии «Гражданское действие». Поэтому, его победа на выборах является вполне логичной и закономерной.

«Гражданское действие» - социал-демократическая политическая партия с прогрессивной идеологией. В данный момент это одна из самых крупных политических организаций в стране... В период с 2006 по 2014 годы «Гражданское действие» - партия, представляющая оппозиционную силу. 2014г. стал для нее решающим и удачным: кандидат Луис Гильермо Солис, член «Гражданского действия», стал победителем президентских выборов» [2, с. 28]. Это высочайшая оценка для недолгого существования и политической активности этой партии. Она на пике популярности.

Херсон Давид Санчес Фонсека также выводит успехи нового костариканского президента на политическом поприще с его психофизиологическими особенностями, которые формируют его устойчивую систему поведения в социуме. Он имеет в виду подходящий возраст – 56 лет – «еще не стар, но и не настолько молод, чтобы казаться неопытным человеком. В связи с этим в общественном сознании костариканцев складывается образ человека, который может повести страну вперед и, если будет необходимо, вывести ее из кризиса» [2, с. 29]. Подчеркивает и его классический костюм «на официальных встречах для того, чтобы напомнить о том, кто является президентом Коста-Рики». В случае учитывается факт, что «Луис Гильермо Солис выбирает такую одежду, в которой в нем могли бы узнать «своего», то есть человека, ничем не отличающегося от обычных людей, но при этом работающего на благо граждан своей страны» [2, с. 29].

Деятельность Луиса Гильермо Солиса, его успехи на внутреннем поприще, определяющие авторитет на международной арене, являются серьезной предпосылкой для успеха в пограничном споре с Никарагуа. И помехой для строительства Никарагуанского Канала.

Очень важно иметь в виду, что президент Коста-Рики счастлив в личной жизни. Его супруга – испанка Мерседес Пеньяс родила ему шестерых детей. Она политолог и латиноамериканист. Для католической страны, как Коста-Рика (хотя и с высокой удельной долей протестантизма) это нужное качество для признания лидерских качеств президента, как «отца нации». Тем более, для такой нации, которая возглавляет мировые рейтинги по «уровню счастья», в Америке и в мире.

Библиографический список

1. Коста-Рика: корректировка курса или сдвиг влево? – М., 2013.
2. Фонсека Х.Д.С. Особенности устных и письменных посланий президента Коста-Рики / Х.Д.С. Фонсека. – М., 2015.

МНОГОЛИКИЕ ПРАВЫЕ: ПРАВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ)

М.В. Курчанов

От антикоммунизма к католицизму, от аграрного вопроса к экологическим вызовам: координаты и доминанты идеологического развития современного бразильского монархизма

Автор анализирует проблемы идеологии и основные направления идеологического развития современного бразильского монархизма. Монархисты в Бразилии являются последовательными сторонниками католицизма. Критика и осуждение коммунизма и левого радикализма занимает особое место в идеологии монархистов. Монархисты также обеспокоены экологическими проблемами. Монархисты особое внимание уделяют аграрным проблемам в Бразилии. Анализируя аграрные проблемы, монархисты полемизируют с левыми радикалами. Монархисты не согласны с радикальными попытками решения аграрных проблем, предлагая эволюционную модель.
Ключевые слова: Бразилия, идеология, монархизм, антикоммунизм, католицизм, аграрный вопрос

The author analyzes the problems of ideology and the basic directions of Brazilian monarchism ideological development. Monarchists in Brazil are consistent supporters of Catholicism. The criticism and condemnation of communism and the radical Left occupy special place in the ideology of the monarchists. Monarchists are also concerned in environmental issues. Monarchists pay special attention to the agrarian problem in Brazil. Analyzing agrarian problem, monarchists criticize left-wing radicals. Monarchists do not agree with the attempts of the radical solution of the agrarian problem. They propose and defend evolutionary model.

Keywords: Brazil, ideology, monarchism, anti-communism, Catholicism, agrarian question

Современная Бразилия относится к числу не только динамично растущих и развивающихся стран Южной Америки, но и представляет собой государство, которое сталкивается с многочисленными социальными и экономическими проблемами, к настоящему времени нерешенными и некоторые из которых политическим элитам и бразильскому интеллектуальному сообществу представляются крайне сложно и трудноразрешимыми. Большинство проблем современной Бразилии,

вероятно, имеют социальную и экономическую природу, а их генезис, возникновение, история и попытки решения связаны с тем уникальным и совершенно особым местом, которое занимает Бразилия как современном глобализирующемся мире в целом, так и в латиноамериканском регионе в частности. Социальные и экономические проблемы в Бразилии своим появлением обязаны крайне сложной и противоречивой бразильской истории.

Исторический процесс в Бразилии в значительной степени выделяется из большого южно- или латиноамериканского исторического процесса в целом. Получив политическую независимость в 1820-е годы, Бразилия, в отличие от других стран региона, не сделала выбор в пользу республиканской модели развития и до конца 1880-х годов существовала в качестве единственной южноамериканской стабильной и динамически развивающейся не только монархии, но и Империи. Империя не была, конечно, идеальной формой правления, но Бразильская Империя стала совершенно уникальным политическим и историческим экспериментом в бразильской истории. Именно в Империи были заложены основы не только для национальной и политической идентичности, но сделаны и первые шаги в направлении экономической, политической и социальной модернизации.

Анализируя историю Империи в 19 веке, во внимание следует принимать и то, что Бразильская Империя мало чем отличалась от континентальных европейских империй в контексте тех социальных и экономических проблем, с которыми она сталкивалась и которые были вынуждены решать политические элиты, удерживающие власть до конца 1880-х годов. В отличие от континентальных европейских империй, Бразильская Империя, как империя колониальная, возникшая и сложившаяся в результате колонизации, не знала такого явления как национальный вопрос и, поэтому, не сталкивалась с национальными проблемами и вызовами, которые могли бы ослабить внутренние основания империи. Бразильская Империя сталкивалась с качественно иными проблемами, которые не только имели социальный и экономический характер, но и фактически пережили Империю, будучи оставленными ею в качестве символического наследия республике.

Если верно предположение, что социальные и экономические вопросы, на которые политические элиты Империи, не могли и оказались не в состоянии дать адекватного ответа привели к падению Империи, то не менее верно и утверждение того, что республика на протяжении всей своей истории также оказалась не в состоянии предложить ни политическое, ни социально-экономическое решение. Проблемы, о которых идет речь,

достаточно хорошо известны, описаны и изучены в историографии. Большинство этих проблем имеет социальные и экономические основания, а сами проблемы таковы – бедность, земельный вопрос на уровне аграрной периферии, перенаселение городов...

В целом, социально-экономический характер большинства из упомянутых выше проблем очевиден и не вызывает сомнения. Ответы на эти вопросы и проблемы в новейшей бразильской истории неоднократно пытались дать бразильские политики и разного рода интеллектуалы – историки, экономисты, социологи, писатели... Конкретных угнетенных героев Жоржи Амаду и абстрактных героев Жилберту Фрейри объединяет то, что они сталкивались с преимущественно социальными и экономическими проблемами. Современные бразильские политики, политические партии и общественные движения также не могут игнорировать социальные и экономические вопросы и вызовы, с которыми сталкивается Бразилия. Среди, вероятно, наименее изученных точек зрения на социальные проблемы особое место занимает монархическая перцепция и интерпретация актуальных социально-экономических вызовов, о чем речь пойдет в настоящей статье.

Современные монархисты особое внимание уделяют критике крупнейших современных политических партий. В целом, воспринимая партии весьма скептически и относясь к партиям, как таковым, со значительным недоверием основная критика монархистов сосредоточена на правящей Партии трудящихся [4], политика которой, по их мнению, чревата эрозией демократии и скатыванием в политический авторитарный режим. Монархисты полагают, что эта Партия теряет и утрачивает доверие со стороны избирателей в силу коррупционных скандалов, а Президент уже и вовсе «больше не имеет поддержки народа» [11]. Монархисты настаивают на том, что левые, пребывающие у власти, стремятся использовать судебную систему, что, по их мнению, до этого было уже реализовано в рамках авторитарного режима Уго Чавеса в Венесуэле [6], дабы избежать ответственности за коррупционные преступления.

Основные же претензии монархистов к Партии трудящихся связаны с ее левой ориентацией. Левые вообще относятся к числу излюбленных объектов критики со стороны монархистов, которые не упускают случая напомнить, что все коммунистические режимы имеют недемократический характер, деградируют до диктатур, фактически низводят собственных граждан до положения рабов [18]. Монархисты склонны воспринимать левую идею во всех ее проявлениях как некое универсальное зло, которое стремится уничтожить базовые, по их мнению, ценности западной цивилизации. Критикуя социалистическую ориентацию Партии трудящихся,

монархисты указывают не негативный образ других стран Южной Америки, где политические элиты предпринимали попытки построить «социализм XXI века». Именно поэтому, монархисты уверены, что все подобные попытки изначально обречены на крах и, поэтому, открыто декларируют, что «o Brasil jamais será vermelho», или «Бразилия никогда не будет красной» [19].

В политической программе современного бразильского монархизма особую роль играет склонность его теоретиков и идеологов к традиционализму, защите христианских ценностей и католических оснований Бразилии. Рассматривая фактор католицизма в новейшей истории Бразилии, современные монархисты далеки от идеализации христианства вообще. В вопросах Церкви монархисты склонны следовать охранительной и консервативной позиции. Именно поэтому социальное христианство получает не самые позитивные оценки и комментарии со стороны идеологов бразильского монархизма. В частности, монархисты предостерегают от однозначно позитивной оценки деятельности такого католического иерарха как Эддер Пессоа Камара (1909 – 1999). Монархисты настаивают, что этот теоретик социального христианства и теологии освобождения начинал свою политическую карьеру как крайнеправый и был связан с интегралистами, то есть имел «нацистское прошлое». Эддер Пессоа Камара критикуется монархистами за то, что не осуждал коммунистический режим на Кубе, поддерживал разводы, периодически отступал от католицизма. Бразильские монархисты ставят ему в вину то, что он одинаково положительно относился к коммунизму и фашизму. Усилиями монархистов Камара превратился в коммунистического агента, который занимался подрывной деятельностью против Бразилии [10].

Современные бразильские монархисты склонны нередко обращаться к авторитету Папы Римского, в том числе – в вопросах экологии и защиты окружающей среды [2]. Особое внимание в подобной ситуации монархисты уделяют теории глобального потепления [12], и, словно, издеваясь над своими оппонентами из экологических организаций, утверждают, что «os polos não derretem, os ursos passam bem, os mares não sobem» [13]. Кроме этого, монархисты иногда указывают и на определенные моральные проблемы экологов. Они, например, не могли обойти вниманием тот факт, что глава Межправительственной группы экспертов ООН по изменению климата Раджендра Пачаури, был вынужден оставить свой пост в марте 2015 года по причине обвинений в сексуальных домогательствах [7]. Признавая роль экологических проблем в современном мире, с одной стороны, бразильские монархисты, с другой, полагают, что эти вопросы

нередко используются различными заинтересованными группами и кругами в собственных интересах.

Поэтому, монархисты настаивают, что вместо интеграции результатов различных исследований – от нравственности и морали до экологии и экономики [17], экологические проблемы сознательно политизируются, в особенности – левыми. Монархисты полагают, что глобальное потепление представляет собой политический миф [3], который специально культивируется, популяризируется и продвигается различными международными организациями, которые склонны ставить под сомнение суверенитет отдельных национальных государств. В противовес разного рода экологическим теориям и концепциям монархисты предлагают ориентироваться, с одной стороны, на христианские ценности, а, с другой, не поддаваясь левой коммунистической пропаганде, помнить о том, что Бразилия входит в число стран с наименее проблемной экологией, обладая 69 % всего растительного покрова Земли; 30 % территории страны относится к охраняемым; с 1976 года по 2010 год производство зерна в Бразилии увеличилось на 273 %, а посевная площадь только на 27 %; если в 1970 году бразильский фермер мог покрыть потребности в продуктах сельского хозяйства 73 человек, то в 2010 – 155 [15]. Подобная динамика, как полагают монархисты, является не только позитивной и свидетельствующей о поступательном развитии страны, но и находится под угрозой со стороны левых. Монархисты настаивают, что именно они представляют основную угрозу и опасность.

Поэтому, список потенциальных идеологических и политических противников современных бразильских монархистов не только известен, но и озвучен самими теоретиками монархического движения. По мнению монархистов, основной угрозой следует считать различного рода левоориентированные инициативы Президента Дилмы Руссефф, направленные на решение аграрных проблем [1], назначение лояльных ей новых судей в Верховный Суд [16], а также всех левых, «исповедующих коммунизм и идею установления диктатуры пролетариата» [11], «группы, которые категорически противоречат принципам и рекомендациям Католической Церкви и занимаются популяризацией классовой борьбы; содействует преступной деятельности против общественной и частной собственности; являются сторонниками идеологии сексизма, требуют легализации наркотиков и окончательного разрешения аборт» [5].

Особое неприятие со стороны монархистов вызывает политика правительства в аграрной сфере. Монархисты полагают, что попытки решения аграрного вопроса путем наделения землей безземельных или

увеличения территорий, доступных для малоземельных крестьян, являются ошибочными и неверными [8]. Монархисты опасаются того, что правительство в угоду левым и другим радикальным группам решится провести экспроприацию земель [14]. Вместо такого перераспределительного и уравнительного подхода, который, по мнению монархистов, является экономически неверным и убыточным, следует поддерживать эффективные фермерские хозяйства. Полемизируя с левыми радикалами, монархисты стали инициаторами создания нового общественного движения, призванного содействовать разрешению аграрного вопроса. Движение «Paz do Campo» носит реформистский характер, а его теоретики активно полемизируют со сторонниками радикальных мер. Монархисты периодически обвиняют власти в проведении политики попустительства левым радикалам и экстремистам. Именно с неверной политикой и ошибками президента Инасиу Лулы да Силвы монархисты связывали многочисленные акты насилия. Монархисты уверяют, что политика как Лулы, так и его наследницы Д. Руссефф привела к тому, что левые радикалы фактически начали войну против властей, занимаясь терроризмом, самовольным занятием земель и захватом административных зданий [9].

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Монархическая перцепция социальных и экономических проблем, с которыми сталкивается Бразилия, отличается консервативным и в значительной степени охранительным характером. Современные бразильские монархисты, анализируя социальные и экономические проблемы, полагают, что их генезис и возникновение связано с моральными трансформациями бразильского общества, которые имели место в республиканский период. Монархисты уверены, что часть проблем, с которыми сталкивается Бразилия, стали следствием коррумпированности и кризиса политических элит. Кроме этого монархисты полагают, что социальные проблемы своим появлением обязаны деструктивной деятельности левых, в первую очередь – коммунистов, которые своей политикой и деятельностью содействуют ослаблению и разрушению бразильской идентичности.

Ответственность за проблемы социального и экономического плана монархисты склонны возлагать и на антиглобалистов, а также разного рода политических радикалов, которые отвергают реформистский вариант решения социальных и экономических проблем, предлагаемый и продвигаемый бразильскими монархистами. Вместе с тем, современная монархическая версия интерпретации социальных и экономических проблем, с которыми сталкивается Бразилия, остается в значительной

степени идеалистической. Идеализм одновременно относится к числу сильных и слабых сторон современного бразильского монархизма, его политической и социально-экономической программы. Именно с идеализмом, с определенным политическим романтизмом, который свойственен монархизму, следует соотносить современный монархизм в его измерении, связанным с восприятием социальных и экономических проблем, включенностью монархического движения в большой бразильский политический контекст. Вместе с тем, монархизм, несмотря на всю его историю, остается маргинальной концепцией в политической жизни современной Бразилии. Именно эта маргинальность и актуализирует дальнейшее изучение бразильского монархизма в контексте новейшей политической и интеллектуальной истории Бразилии, истории идей в крупнейшей стране Южной Америки.

Библиографический список

1. A velha estrada do fracasso. Governo planeja lançar plano nacional de Reforma Agrária [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
2. Carta Alberta de cientistas ao Papa Francisco [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
3. Cientistas ao Papa: a crise de aquecimento global não existe! [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
4. Constantino R. O problema é o PT / R. Constantino [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
5. Democracia cubana: Democracia cubana dentro da Igreja católica no Brasil? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
6. Ferreira G. Advogado do MST no STF? / G. Ferreira [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
7. Fraude climática. Acusado de assédio sexual, Rajendra Pachauri deixa IPCC [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
8. Graziano X. Produtividade e ideologia no campo / X. Graziano [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
9. Graziano X. Exército suspeito do MST / X. Graziano [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
10. Loredó J. Dom Helder Câmara, santo? Quem foi realmente Dom Helder Câmara? / J. Loredó [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
11. [Manifesto dos brasileiros contra a indicação de Luiz Fachin ao cargo de ministro do STF](http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
12. Os mitos da seca [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
13. Os polos não derretem, os ursos passam bem, os mares não sobem... [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
14. PEC "trabalho escravo" = armadilha contra a propriedade [Электронный ресурс]. – URL: <http://fundadores.org.br/paznocampo/acao/030713/>

15. Preservação da Natureza ou Cavalo de Troia? Considerações sobre o Código Florestal [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.paznocampo.org.br/invasoes/ambientalismo.asp>
16. Puggina P. Invasão do MST no STF? Um STF para o PT chamar de seu / P. Puggina [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
17. Santidade não vos deixeis influenciar pelos enganos ambientalistas! [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
18. Vivanco Lopes G. Logo e claramente / G. Vivanco Lopes [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp
19. Vivanco Lopes G. Manifestações de março. O que eu vi nas manifestações de março / G. Vivanco Lopes [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paznocampo.org.br/Blog/Blog_db.asp

Kummi Сандерс

**Три волны латиноамериканской
правой политики XX – XXI веков.
Первое поколение: консервативный антикоммунизм**

Автор анализирует особенности политики и идеологии правых движений и партий в Латинской Америке. Показано влияние политического режима Франсиско Франко на политические процессы в Латинском регионе. Проанализированы различные правые режимы в странах Латинской Америки во второй половине XX века. В статье показаны общие тенденции и региональные особенности развития и трансформации правых режимов в латиноамериканской истории.

Ключевые слова: история, Латинская Америка, политические режимы, политические процессы, правые режимы, авторитаризм

The author analyzes the features of politics and ideology of right-wing movements and parties in Latin America. The influence of the political regime of Francisco Franco on the political processes in the Latin American region is analyzed in the article. Different right-wing regimes in Latin America during the second half of the twentieth century are also analyzed in the text. The general tendencies and trends in the context of regional peculiarities of development and transformation of the ruling regime in Latin American history are also among problems of the article.

Keywords: history, Latin America, political regimes, political processes, right regime, authoritarianism

Латиноамериканский правый политический спектр принято относить к второстепенным явлениям, «созданным в лабораториях ЦРУ» и придавать ему чисто «охранительную» и пассивную функцию — продолжать удерживать материк под властью корпораций и алчных империалистов. Подобная точка зрения особенно часто встречается на постсоветском и посткоммунистическом пространстве. Она характерна для примитивного левого линейно-прогрессистского восприятия истории и такого же примитивного осмысления политических процессов в эмоциональных терминах вроде «колониализма» и «фашизма». В действительности говорить о том, что чилиец Габриэль Гонсалес Видела или венесуэлец Перес Хименес Маркос были «второстепенными исполнителями, державшими народ в темноте и бедности» — просто смешно. Большинство правых политиков региона проводили достаточно самостоятельную политику. Разумеется, они ориентировались на крупных политических

*Источник публикации: Сандерс К. Три волны латиноамериканской правой политики XX – XXI веков. Вступление / К. Сандерс [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kittysanders.com/RU/1620>; Сандерс К. Три волны латиноамериканской правой политики XX – XXI веков. Первое поколение: консервативный антикоммунизм / К. Сандерс [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kittysanders.com/RU/1635> Публикуется с разрешения Автора.

игроков, как и любые другие страны, однако называть их «несамостоятельными» нельзя. Отчасти уместно назвать самостоятельными некоторые режимы в Центральной Америке, однако и их невозможно свести к советским клише о «креатурах ЦРУ» и «агентах американского империализма».

С той же частотой встречается обратная точка зрения, сводящая латиноамериканскую левую политику исключительно к понятиям типа «креатура КГБ» или «советские выкормыши». Она часто сочетается с высокомерно-расистскими выпадами и несложными конспирологическими схемами, в которых КГБ выполняет роль «дьявола». Это тоже весьма странно, учитывая тот факт, что серьезные левые организации, как политические, так и террористические, появились еще тогда, когда основной левой политической силой в Российской Империи были эсеры. Например, F.O.R.A. (Federacion Obrera Regional Argentina — Аргентинская региональная рабочая федерация) была образована еще в 1901 году.

Политическая жизнь на материке развивалась своеобразно и самобытно. Разумеется, нельзя отрицать влияния Европы или США на латиноамериканскую “большую политику”, но в целом материк скорее перерабатывал под себя европейские и американские схемы. Я выделила три “поколения” латиноамериканских политиков, задававших и формировавших правый и антикоммунистический дискурс на материке. Хронологическая картина здесь весьма условна, поскольку под “поколениями” я понимаю не только чисто временные рамки правления, но и политические концепции, которыми пользовались лидеры и идеологи. Первое поколение, правившее в 1930-1950 годах, придерживалось отчасти идеологии «правого третьего пути», которая характеризуется сильным этатизмом при общем капиталистическом виде экономики. Это отчасти объясняется тем, что политики первой волны сформировались под сильным влиянием Франко. Второе поколение, бывшее у руля примерно с конца пятидесятых по конец восьмидесятых, больше ориентировалось на США, но при этом разработало несколько разных подходов к экономическому и политическому ведению дел. Наконец, третье поколение – это наши современники.

Я долгое время готовилась к написанию этой статьи. Задача вместить большое количество данных в более-менее читабельный объем оказалась весьма сложной. Первоначально «Три волны» были разбиты на две части. Со временем я поняла, что такой вариант совершенно не читабелен; кроме того, туда не вошли бразильские правые политики, без которых неясны истоки и основные базисы концепции «идеологических границ» и правоконсервативного женского антикоммунистического движения. Также я

не смогла вписать в статью выдающегося боливийца Уго Бансера, не менее выдающегося чилийца Габриэля Гонсалеса Видела (в итоге «первое поколение» свелось к центральноамериканскому и карибскому регионам), панамский опыт. Кроме того, я очень хотела рассмотреть классические ошибки правых политиков «второй волны», а именно — деятелей аргентинской и уругвайской военных хунт. Из современных правых политиков мне не удалось упомянуть чилийского президента Себастьяна Пиньеру, перуанку Кейко Фухимори, гондурасца Порфирио Лобо и одного из центральных аргентинских праволибералов чикагской школы, моего хорошего друга Рикардо Лопеса Мерфи.

Промучившись с полгода, я все же пришла к идее целиком переписать статью. Я решила разбить ее на пять частей — «Вступление», «Первое поколение: консервативный антикоммунизм», «Второе поколение: стратегия, неолиберализм, идеократия», «Новая волна: процветание и прогресс» и «Заключение». Так статья будет более читабельной, информационно насыщенной и «плотной». В печатном виде к ней также будут добавлены три Приложения — отчет под названием «Возрождение иберо-американской Правой: отчет с форума «POR LA JUSTICIA, LA CONCORDIA Y LA LIBERTAD», статья «Правый «Спектр» против левого «Комплекса», а также заметка о провалах правых режимов на примере уругвайской и аргентинской хунт, с анализом причин этих провалов.

Почему я пришла к необходимости осветить южноамериканскую проблематику? Причин было несколько. Во-первых, с самого начала я столкнулась с огромным количеством ложных стереотипов о политической жизни в регионе. Особенно постаралась советская пропаганда, превратившая Южную Америку в какую-то политическую карикатуру. Моя цель — восстановить правоконсервативную и праволиберальную традицию в ее полноте, а Южная Америка является важным звеном этой традиции. Само собой, я посчитала нужным развеять некоторые дурные стереотипы о правой политике континента и хотя бы частично прекратить дилетантские рассуждения о «колониализме США».

Во-вторых, я была очень удивлена поразительным правосознанием большинства правых политических режимов, в том числе военных хунт. Ничего похожего на «путчи горилл» и «царство беззакония» не находилось — напротив, правые политики всеми силами восстанавливали законность и правовую имущественную преемственность, нарушенные в результате правления «свободолюбивых революционеров», которые раз за разом погружали свои страны в состояние нищего концлагеря. Разумеется, здесь, как и везде, были исключения. Мы рассмотрим их отдельно.

В-третьих, я была очарована удивительным опытом южноамериканских правых, которые проводили капиталистические реформы в экстренном режиме. Весь мир знает о «чилийском чуде», но далеко не все знают о не менее впечатляющих парагвайском и перуанском «чудесах», об интеграционных проектах и процессах, о боливийском Realpolitik Уго Бансера, который бы сделал честь куда более искушенным европейским дипломатам.

Наконец, в-четвертых, после прибытия в Южную Америку я увидела, что правый политический спектр здесь находится в серьезном упадке. Правые консерваторы под давлением вчерашних левацких террористов, которые поклонялись Мао Цзедуну, убившему десятки миллионов человек, и Ленину, уничтожившему огромное количество людей, отказывались от собственной исторической памяти, всерьез утверждая, что «Пиночет — это ужасно, ведь при нем погибло более трех тысяч человек». Гибель человека — это, разумеется, трагедия. Если человек погиб по вине политического режима — это требует расследования. Но ситуация, в которой маоисты и ленинисты пытаются судить политиков, которые всего лишь ведут свою преемственность от военных правых режимов, находится за пределами здравого смысла. Серийные убийцы судят людей за неправильные политические взгляды, антисемиты упрекают США за нацистскую политику, появление одного правоконсервативного или праволиберального СМИ вызывает яростные протесты тысяч левацких изданий, упрекающих правых в «узурпации информационного пространства» — такое возможно только в левацком мире, где «убийство убийству рознь», «революционные казни морально оправданы», « $2 + 2 =$ сколько надо», психопатические убийцы Мао, Ленин и Кастро оказываются «героями», а Рейган и Тэтчер, которые никого не убили, превращаются в «воплощение зла». С этим пора заканчивать. Левые — это зло. Что хуже, это зло безграмотное, агрессивное и самоуверенное. Они не умеют просчитывать, вся их деятельность сводится к популизму и террористической деятельности. Неважно, находятся ли они у власти, или нет. Если левые уже правят — вы будете иметь дело со Сталиным, Мао, Пол Потом, Чавесом, Кастро, Моралесом и Ким Чен Ыном. Если они в оппозиции — вы получите эсеров, Тупамарос, сендеристов, сандинистов, FARC, ETA и рассуждения о том, что неплохо бы выпустить кишки буржуазии.

Правые, конечно, иногда тоже серьезно ошибаются, но фундаментальные провалы правоконсервативного лагеря — это скорее случайность, чем система, тогда как левые пока так и не смогли построить обещанный «рай на земле». Единственная эффективно работающая на сегодняшний день относительно левая политическая структура — это ЕС,

который функционирует благодаря сохраняющимся элементам капитализма и открытой экономики. Государства, в которых социализм или другая левая модель преобладают над рынком, добились на сегодняшний день только нищеты и авторитарного безумия. Тому есть множество причин, о которых мы поговорим в другой раз.

Большое влияние на правый политический спектр Латинской Америки оказал режим Франко, фалангизм, национал-синдикализм и концепции классовой солидарности, основанные на католической солидарности и доктрине *hispanidad*. Формировались эти концепции в более или менее современном виде еще до Франко, а именно при диктатуре Примо де Ривера-старшего, испанского диктатора, который пытался уберечь страну от революции; в дальнейшем идеи отца разрабатывал его сын Хосе Антонио, соратник Франко и основной идеолог фалангизма. О различных аспектах правого национального синдикализма и «антикоммунизма с христианским лицом при сильном государстве» рассуждали франкистские идеологи, вроде Бласа Пиньяра и Фермина Санс-Оррио.

После Второй мировой войны Испания и Португалия оказались весьма отчужденными от “большой политики” в Европе. Обе страны старались наладить контакты с Южной Америкой. Салазар пытался реализовать лузотропикалистскую доктрину совместно с Бразилией, Франко — влиять на латиноамериканских правых. Последовательным сторонником демаргинализации франкистской Испании был лидер Доминиканской республики Рафаэль Трухильо – друг и поклонник Франко, очень яркая политическая фигура. Трухильюистская Доминиканская республика была одной из немногих стран, открыто поддерживавших евреев, которым угрожала смерть в Европе, на Эвианской конференции. Она заявила о готовности принять от 100 до 200 тысяч беженцев. С другой стороны, Трухильо известен как «политический гангстер», т.е. лидер, который не был особенно щепетилен в выборе средств для достижения своих целей. Он также был известен как антикоммунистический фанатик, который довольно ловко маневрировал между крупными политическими игроками, помогал соратникам-антикоммунистам, торговал оружием, содержал значительное «доминиканское лобби» в США. Р.Красвеллер в книге “Жизнь и времена карибского диктатора” приводит данные о лоббировании Трухильо национальных интересов на американском рынке, результатом чего были повышения доминиканской квоты на сахар. Диктатор также “заношил” крупные суммы американским новостным агентствам для улучшения имиджа страны за рубежом.

Доминиканский лидер создал хорошую разведсеть, с помощью которой постоянно дестабилизировал соседнюю Гаити во избежание

коммунистического переворота по образцу Кубы, способствовал свержению в Гватемале левого президента Хакобо Арбенса и активно вмешивался во внутренние дела Никарагуа и Венесуэлы – например, доминиканские спецслужбы оказались замешанными в подготовке покушения на венесуэльского президента Р.Бетанкура. За столь активные действия карибские коммунисты возненавидели Трухильо и постоянно поминали его дурным словом – в частности, Гильермо Ториэльо Гарридо в книге “Гватемала: революция и контрреволюция” довольно зло отзывался о доминиканском лидере: *“...возмущение вызвали выступления делегатов наиболее кровавых режимов – Трухильо, Батисты и Сомосы, – которые стремились представить тиранов в качестве знаменосцев свободы, справедливости и права”*. В свою очередь, американский президент Эйзенхауэр в 1955 году заявил: *“Доминиканская республика традиционно занимала не просто твердую позицию, а позицию лидера в борьбе против международного коммунизма”*.

Трухильо был одним из первых, кто заговорил об “антикоммунистическом интернационале” и приложил к его созданию множество усилий. Он отстаивал принятие Испании (которую видел как часть этого интернационала) в ООН и снятие с нее экономической блокады, а также укреплял и развивал сотрудничество с ней. Он поддерживал режим Сомосы в Никарагуа и помогал ему финансово и политически. Кроме того, Трухильо, используя Кубу и международный коммунизм в качестве жупела, всячески пытался навязать свою позицию США, причем действовал крайне агрессивно – например, развернул мощную кампанию против американского политика и дипломата С.Брейдена, который добивался сокращения сотрудничества с Доминиканой, и в итоге добился прекращения поставок оружия для режима Трухильо. Рынок оружия доминиканский лидер тоже рассматривал как некий геополитический фактор – страна активно закупала вооружение у разных стран, которые Трухильо таким образом планировал увязать в единый “правый международный рынок”, оружие из которого можно было бы перебрасывать в различные страны по налаженным торговым путям. В доминиканский рынок оружия были включены Бразилия, Аргентина, США, Великобритания, Канада – страны, на которые диктатор так или иначе делал ставку в построении “антикоммунистического интернационала”.

Важными геополитическими точками Трухильо считал Гаити и Кубу, причем Гаити в его глазах имела ценность только под контролем и управлением Доминиканы – в 1937м году доминиканские парамилитарес провели массовую резню гаитяян, проживавших на границе. Число жертв очень сильно разнится — называют количество от 547 убитых до 25000.

Кубу же доминиканский лидер очень любил, принимал у себя Фульхенсио Батисту и после прихода к власти Кастро мечтал вернуть страну на “правый путь”.

В большой политике доминиканский лидер демонстрировал довольно хорошее стратегическое чутье. Доминикана была одной из 26 стран-основательниц ООН; кроме того, Трухильо интенсифицировал внешнеполитические и торговые отношения с различными странами мира.

Внутренняя политика доминиканского лидера была довольно противоречивой. Он создал в Доминикане устойчивую экономическую систему, позаимствовав из франкистской доктрины однопартийную модель. В стране была создана Partido Dominicano, рыхлая big tent партия, которая строила свою идеологию в основном на антикоммунизме и личности Трухильо. Диктатор обеспечил серьезный экономический рост, выплатил огромный внешний долг (9 271 855 долларов США), превратил страну в международного торгового партнера, практически победил неграмотность, создал обширную инфраструктуру (аэропорты, общественные здания и места отдыха, порт) и добился относительного процветания страны, однако прославился жестким прессингом оппозиции и весьма brutальным подавлением гражданских свобод. Кроме того, он создал в чем-то карикатурный культ личности: переименовал столицу в честь себя, украсил доминиканские города и поселки плакатами с собственным изображением и ввел в обиход фразу «Господь на небесах, Трухильо в Доминиканской республике».

Рафаэль Трухильо оказал очень сильное влияние на антикоммунистическую политику региона и материка. Черты трухильистской политики можно обнаружить даже в более поздних и идеологически развитых режимах. Тем не менее, нельзя не отметить излишнюю brutальность и некоторую архаичность доминиканского диктатора, проявившуюся в создании культа личности и излишне агрессивном подавлении свобод. В его политике переплелись черты «традиционалистской» авторитарной диктатуры старого образца и вполне прогрессивные технократические тенденции, которые будут развиты до предела «второй волной» южноамериканских правых политических режимов.

Говоря о правых деятелях «первого поколения», нельзя не упомянуть семейство Сомоса, правившее в Никарагуа. Никарагуанская диктатура — одна из самых мифологизированных в латиноамериканистике и левой периодике. Например, социалисты и леваки доказывают, что Сомосы распродали все американцам — и при этом на соседней странице утверждают, что 80% угодий и предприятий принадлежали фамилии

Сомоса. Также династия Сомоса якобы полностью уничтожила промышленность и хозяйство Никарагуа, убила половину населения, вторую половину посадила в тюрьмы, а сама правила, видимо, пустой страной. Третьи придумывают еще что-нибудь ужасающее, вроде рассказов, как Анастасио Сомоса кормил своими политическими оппонентами специально завезенных анаконд, которые в реальной жизни вообще не едят людей.

Сомоса-старший был убежденным антикоммунистом, он искренне считал, что левый путь губителен для Никарагуа. В частности, он написал книгу под названием «El verdadero Sandino», в которой доказывал, что Сандино был психопат и садист, мучитель крестьян и мегаломан.

Во внешней политике Анастасио Сомоса Гарсиа ориентировался на антикоммунистические страны региона и США, поддерживал идею “антикоммунистического интернационала”. На девятой Межамериканской конференции в Боготе (1948 год) он активно одобрил идею коллективной защиты демократии и безопасности американских государств. Участвовал в свержении гватемальского президента-социалиста Хакобо Арбенса, а также вторгся в Коста-Рику. Оттуда он, впрочем, быстро ушел, потому что был осужден большинством стран континента. Сомоса-старший предлагал США послать никарагуанских военных в Корею (позже отказался от этой идеи), совместно с Рафаэлем Трухильо занимался подготовкой кубинских боевиков для свержения режима Кастро. Никарагуа, к слову, принимала кубинских беженцев.

Последующие поколения династии во многом продолжали линию отца – так, Анастасио Сомоса-младший предлагал создать единую центральноамериканскую армию. По его мнению, такая инициатива способствовала укреплению партнерских отношений между странами региона, а также позволяла бы бороться с коммунизмом путем военного вторжения в любую страну, где возникнет “красная угроза”. Сомоса-младший был сторонником единого антикоммунистического геополитического карибского пространства – он пытался “подтянуть” к союзу даже Гаити, страну-изгоя с чрезвычайно плохой репутацией. Например, в 1972 году никарагуанский лидер заключил с президентом Гаити Дювалье соглашение о военно-технической помощи и военном сотрудничестве, и заверил его, что Никарагуа всегда готова оказать военную помощь любой стране региона для защиты демократии. Также “позднесомосовская” Никарагуа начала искать пути сближения с Мексикой – в 1971 году впервые за историю мексикано-никарагуанских отношений в страну с официальным визитом прибыл Анастасио Сомоса-младший. Укрепление отношений между странами привело к расширению

никарагуанского рынка . В конце 60-х и начале 70-х страна даже пыталась осторожно наладить сбыт своей продукции в страны социалистического блока: в 1969 ЧССР купила пять тысяч кип хлопка, в Никарагуа наведывались также румынская и югославская торговые делегации в 1970 и 1972 годах соответственно. Т.е. говорить о “фашистской династии” каннибалов и зверей Сомоса ни в коем случае нельзя – это была довольно типичная для тогдашней Центральной Америки группа лидеров, проамерикански и антикубински настроенных, придерживающихся в некоторых вопросах традиций “третьего пути”, а в некоторых — капиталистического Realpolitik.

В вопросах внутренней политики династия Сомоса была значительно более либеральной версией режима Трухильо. Лидеры пытались маневрировать между рыночной доктриной, развитием национальной промышленности и защитой прав никарагуанцев. Например, в 1945 году был принят Кодекс о труде, в котором была прописана минимальная заработная плата, гарантировался четырехнедельный отпуск и рабочим передавалось право создавать собственные организации. Кодекс работал, но с большими перебоями. Проблема отчасти заключалась в начавшейся при Сомосах урбанизации. Сложилась ситуация, в которой из деревень в города постоянно шел приток демпингующих чернорабочих, а работодатели это одобряли к своей выгоде.

С целью прекращения традиционного для Никарагуа организационного хаоса были созданы Департамент шоссейных дорог, Национальное управление по энергетике, Институт национального развития.

Для того, чтобы описать результат правления династии Сомоса, я хочу привести небольшой список экономических субъектов, которые существовали в указанный период (многие из них позже были национализированы сандинистами):

- Около 120 крупных предприятий, специализировавшихся на производстве цемента, металлоконструкций, нефтепереработке и пищевкусовой отрасли. Напомню, что производство цемента в регионе было сильно востребовано и малоизвестно — так, технически продвинутый Сальвадор вообще выписывал специалистов из Японии, чтобы они построили и наладили национальное производство цемента.
- 15 крупнейших предприятий, производивших ром, муку и растворимый кофе

- 17 банков, в дальнейшем слиты сандинистами в пять подконтрольных правительству финансовых структур.
- Около 20 страховых компаний
- Несколько сотен предприятий, занимавшихся экспортом никарагуанской продукции (хлопок, сахар, говядина, морепродукты, кофе), промышленные рыболовные предприятия и компании, работавшие в сфере горнодобывающей промышленности
- Значительная часть национальных телеканалов: Telenica (Canal 8), Televiscentro (Canal 2), Canal 6
- Крупнейший аэропорт страны Las Mercedes при Сомосах был оснащен современной техникой, переоборудован под прием самолетов Боинг-707. В аэропорту были установлены кондиционеры, увеличены комфортные туристические площади, установлена современная акустическая система, увеличен медперсонал и количество иммиграционных офицеров. На верхнем этаже был открыт ресторан.

Любопытно также отметить следующий факт из «сомосовского» периода истории Никарагуа. Статья 114 Конституции Никарагуа 1950 года (та самая «сомосовская Конституция») гласила: *«Ввоз книг, брошюр и журналов, а также их распространение и продажа освобождаются от государственных и местных налогов»*. Столь привлекательные условия для продавцов книг и книжно-журнальных сетей были обусловлены желанием династии приучить народ к чтению. Лидеры страны с невероятным упорством в каждой подходящей статье Конституции стремились подчеркнуть светский характер общества и приоритет профессионализма и образованности. Начальное образование в Никарагуа было обязательным и бесплатным.

Политически Никарагуа была свободнее Доминиканской республики. Поздний период правления династии вообще был весьма пассивным. О невероятной аутичности позднего режима и нежелании фамилии Сомоса вмешиваться в что-либо кроме внешней торговли и наведения порядка в столице свидетельствует тот факт, что в стране активно действовали различные левые группировки – от Соцпартии Никарагуа, послушно кивавшей на каждый окрик из Москвы, и Социалистической рабочей партии до прокитайского и проалбанского Frente Obrero. Семейство Сомоса реагировало на них крайне вяло, отвечая всплесками агрессии только на массовые выступления в столице.

Режимы Трухильо и династии Сомоса многие критики относят к «авторитарно-гангстерским». Однако в первой волне латиноамериканской

правой политики были и режимы, на которые у оппонентов не получилось повесить подобный ярлык, несмотря на все старания. В качестве примера кристально чистого политико-правового деятеля первой волны можно называть чилийского президента Габриэля Гонсалеса Видела.

Он был видным чилийским дипломатом, работал послом во Франции, Португалии и Бразилии. Кроме того, он представлял Чили в ООН и был сенатором от провинций Тарапака и Антофагаста. Гонсалес баллотировался на пост президента в 1946 году как умеренно левый кандидат от Радикальной партии, однако после прихода к власти он перешел вправо. В его правительствах 1946 и 1948 годов еще были коммунисты, однако в том же 1948 он удалил их из правительства, а еще позже — принял Закон о постоянной защите демократии (*Ley de Defensa Permanente de la Democracia*, Ley N° 8.987), который поставил чилийскую Компартию вне закона. Историки так и не пришли к единому ответу на вопрос, почему Гонсалес Видела совершил столь резкий разворот. Одни утверждают, что причина была в усилении Компартии, которая на протяжении конца сороковых постоянно устраивала массовые протесты и забастовки, требуя «больше коммунизма»; другие — что Гонсалеса Видела толкнули на этот шаг правые политики, особенно аграрного сектора, третьи — что президент сыграл на противоречиях между США и СССР и грамотно выбрал сторону; четвертые — что он изначально маскировался под левого, чтобы прийти к власти. Подобную точку зрения косвенно высказывал и коммунист Пабло Неруда, бывший тогда сенатором.

В сентябре 1948 года Гонсалес Видела сформировал новый правительственный кабинет, который назывался *Concentración Nacional*. Он состоял из либералов, консерваторов, аграриев, лояльных новому курсу членов Радикальной партии и в небольшой степени — из социалистов.

Внешнеполитически президент придерживался умеренной ориентации на США. Страны заключили Пакт о военной помощи, американские инвестиции в чилийскую экономику выросли с 414 млн. долларов в 1945 до 540 млн. в 1950, произошло укрепление отношений в культурной и технической сферах. Тем не менее, Гонсалеса Видела нельзя назвать «проамериканским лидером». Он поддерживал тесные связи со странами континента, в частности, с Боливией. Он также «продавил» подписание Декларации Сантьяго. Она была принята 18 августа 1952 г. правительствами Чили, Эквадора и Перу, провозгласившими, что каждое из этих государств обладает суверенитетом и исключительной юрисдикцией над прибрежным пространством не менее 200 миль, включая соответственно поверхность морского дна и его недра. Декларация Сантьяго стала важным пунктом в развитии чилийской геополитики и

национальной стратегии. Вторым важнейшим пунктом стала четко оформлившаяся претензия Чили на Антарктику. Гонсалес Видела заложил две антарктические базы — Артуро Прат и Бернардо О'Хиггинс. В дальнейшем стратегию Гонсалеса Видела продолжало правительство Аугусто Пиночета. Сам Пиночет в одной из своих книг — учебнике по геополитике, развивал тезисы Гонсалеса Видела и заданную им стратегию Чили по освоению антарктических территорий и усилению контроля над водным пространством. Сам экс-президент Гонсалес Видела, кстати, поддержал антикоммунистический военный путч 1973 года и не раз появлялся на обложках военных обзоров и журналов, издававшихся околовоенными кругами. Аугусто Пиночет относился к Гонсалесу Видела и его стратегическому национальному проекту с большим уважением.

Внутренняя политика Гонсалеса Видела была чрезвычайно разумной и прогрессивной. Он смог провести безболезненную урбанизацию, полностью уравнивал женщин в правах с мужчинами, дал женщинам право участвовать в выборах. Кроме того, он стал президентом в Латинской Америке, который ввел в состав правительства женщину — на пост министра юстиции была назначена Адриана Ольгуин. Он закрепил, доработал и дооформил множество «сырых законов»; его президентство многие связывают с расцветом чилийских правовых институтов. При нем произошла сильная индустриализация, совпавшая с приростом населения и ростом городов. Гонсалес Видела не пытался, подобно коммунистам, бороться с «социальным неравенством», но проводил политику, которая привела к серьезному экономическому росту Чили и общему улучшению качества жизни. Был достигнут значительный прогресс в области электрификации и качества образования.

Габриэль Гонсалес Видела воплощает собой классический тип правоконсервативного политика-антикоммуниста, который добивался поставленных целей законными методами, укреплял чилийскую государственность и формировал стратегию развития чилийского общества.

М.В. Курчанов

Современный бразильский монархизм: некоторые проблемы и направления актуальных идеологических трансформаций

Автор анализирует проблемы идеологии и политической программы современного бразильского монархизма. Бразильские монархисты известны как критики республиканской формы правления. Республика бразильскими монархистами активно демонизируется, а монархия воображается как идеальная форма правления. Монархисты критикуют социальные и внешнеполитические инициативы бразильских правящих политических элит. Идеология современного монархизма в Бразилии основана также на неприятии левых политических идей. Монархисты также известны как защитники католицизма.

Ключевые слова: Бразилия, монархия, республика, политическая идеология

The author analyzes problems of contemporary Brazilian monarchisms' ideology and political program. Brazilian monarchists are known as critics of the republican form of government. Republic is actively demonized by Brazilian monarchists when the monarchy is imagined as the ideal form of government. Monarchists criticize social and foreign policy initiatives of Brazilian ruling political elites. The ideology of the modern monarchism in Brazil is also based on the rejection of leftist political ideas. Monarchists are also known as defenders of Catholicism.

Keywords: Brazil, monarchy, republic, political ideology

На протяжении значительного времени, начиная с 1889 года, Бразилия, как одно из крупнейших государств в Южной Америке, существует и развивается в рамках республиканской модели развития, хотя первый период национальной независимой истории Бразилии известен как имперский потому, что в 1822 по 1889 год Бразилия существовала и развивалась как Бразильская Империя [20; 21]. В период существования Бразильской Империи в стране сложился особый и совершенно уникальный тип национальной и культурной идентичности, политической идентичности, развивались свои политические воображаемые традиции. В этом контексте Бразильская Империя по степени и глубине своей институционализации мало чем отличалась от аналогичных проектов, направленных на развитие имперских национальных и политических идентичностей в континентальной Европе.

Политический и экономический кризис, который имел место во второй половине 1880-х годов, привел к Революции, свержению монархии, мирной ликвидации Империи и превращению Бразилии в республику. Подобные перемены в историографии оказались чрезвычайно удобными для

мифологизации, став основой для формирования и развития качественно новых политических идентичностей. Трансформация бывшей Империи в Республику не привела к радикальным ревизиям в сфере оценки и интерпретации имперской истории – Империя не подверглась негативной мифологизации, а имперский этап был интегрирован в большие версии бразильской национальной истории. Мирный характер политической революции конца 1880-х годов не привел к радикальной маргинализации монархии и монархической политической традиции в Бразилии. Монархия в рамках бразильской национальной и исторической идентичности стала своеобразным коллективным «местом памяти», а монархическое движение и различные формы монархизма, хотя и носили преимущественно периферийный и маргинальный характер, они, тем не менее, не были подвергнуты радикальной маргинализации и отторжению бразильским обществом.

После 1889 года монархизм в Бразилии подвергся значительной трансформации. Вероятно, мы можем выделить несколько форм существования и функционирования монархического дискурса в общественно-политической и интеллектуальной жизни Бразилии. Этих форм в современной Бразилии несколько, а именно – академический и сугубо научный интерес к истории, культуре и политике Бразильской Империи, основанный как на традициях историографии, так и на умеренной позитивной идеализации имперского этапа в бразильской истории; деятельность различных квази-политических движений монархической ориентации, протекающая преимущественно в виртуальном пространстве; деятельность династических организаций, связанных с семьей Браганса, которые в той или иной степени направлены на развитие и воспроизводство монархического дискурса; функционирование различных фондов и общественных институтов, призванных заниматься популяризацией исторического и политического опыта бразильской монархии.

На современном этапе бразильской политической и интеллектуальной истории деятельность большинства этих организаций и групп, вероятно, носит почти исключительно маргинальный характер, развиваясь и протекая в преимущественно электронных и он-лайнных формах. Маргинальность современного бразильского монархизма стала следствием не его экстремизма и радикализма, как может показаться, а крайне незначительным влиянием на общественно-политическую жизнь современной Бразилии. Тем не менее, в центре авторского внимания в настоящей статье будут проблемы современного бразильского монархизма в его интеллектуальном, культурном и политическом измерениях.

Идеология современного бразильского монархизма отличается значительным разнообразием. Теоретики монархического движения в Бразилии, которые концентрируются вокруг нескольких представителей династии Браганса – Луиса Орлеанского-Браганса, Бертрана Орлеанского-Браганса, Антониу Ордеанского-Браганса – на современном этапе, подобно монархистам в других странах, склонны акцентировать внимание на недостатках и тех проблемах и сложностях, с которыми сталкивается Бразилия как республика, полагая, что монархия в большей степени соответствует и соотносится с интересами бразильцев. Поэтому, несмотря на то, что в 1908 году дон Педру де Алякantara, сын принцессы Изабеллы, дочери Педру II, вступив в мorganатический брак отказался от прав на престол [3], современные монархисты, используя мирные, преимущественно – виртуальные средства, стремятся популяризировать идеи монархической реставрации. Сравнивая республику и монархию, монархисты крайне негативно отзываются о первой.

По мнению теоретиков монархизма, монархия являлась крайне стабильной в то время, как, начиная с 1889 года, Бразилия пережила 13 крупных изменений в Конституцию, девять военных переворотов, десять различных форм республики, шесть роспусков Конгресса [16]. Кроме этого, идеологи монархизма полагают, что республиканские элиты не в состоянии решить социальные и экономические проблемы, так республиканизм, в отличие от монархии, оказался не в состоянии предложить новые политические идеалы для бразильцев, значительная часть которых, по заверению роялистов, поддерживает и разделяет монархические идеи. Поэтому в своей деятельности монархисты активно оперируют результатами одного из электронных голосований по вопросу о реставрации в Бразилии монархии. В 2013 году монархисты опросили он-лайн 7475 пользователей Интернета, подавляющее большинство которых 6140 (82.15 %) высказались за реставрацию монархии [18], как формы правления не связанной с хроническими политическими болезнями современного общества. Примечательно, что сайт [2], который дает доступ проголосовать и выбрать один из четырех вариантов устройства, активен и на современном этапе.

Монархисты весьма критически относятся и к такому институту современного общества как политические партии и к республиканским формам правления в целом, полагая, что выбор в пользу республики стал исторической ошибкой, ввергнув страну «в кошмар, который длится 124 года» [1]. Сравнивая Империю и республику, монархисты полагают, что история Республики стала чередой политических неудач, так как Империя являлась одно из стабильных экономик, динамично развивающейся и

меняющейся страной в Южной Америке, где правом голоса пользовалось 13 % населения в то время как в США аналогичными правами обладало 18 % [16]. Сравнивая монархии и республики, бразильские монархисты полагают, что монархия представляет собой «форму современного и эффективного управления», а республики – неустойчивы и нестабильны; монарх играет роль символа нации, а президенты могут проводить непродуманную и ошибочную политику, отменяя решения предшественников; Бразильская Империя была государством уровня США, Великобритании и Германии в то время, как Республика стала страной третьего мира; в Империи правило только три монарха, а Республика пережила 43 президентов; монарх думает о будущих поколениях, а президент как выбранный лидер – только о новых выборах; в Империи существовало только 14 налогов, а в Республике – более 60; минимальная зарплата в Империи составляла 275 долларов, разница между самой низкой и большой зарплатой составляла 12 раз в то время, как в Республике минимальная зарплата стала составлять 100 долларов, а разница между самыми маленькими и крупными зарплатами составила 200 раз [9].

Подобные факты, как верят монархисты, свидетельствуют о превосходстве монархии над республикой. Один из идеологов современного бразильского монархизма Жозе Гуильермэ Беккари (José Guilherme Baccari) в связи с этим настаивает на том, что монархическое движение должно оставаться надпартийным. Монархисты полагают, что создание монархической партии или даже партий существенно ослабит в Бразилии позиции монархического движения, так роялисты утратят единый ориентир и будут втянуты в партийную борьбу [17]. В подобной ситуации теоретики и идеологи монархического движения настаивают на том, что монархизм не должен трансформироваться в политическую партию [8], так как сам институт партий, по их мнению, скомпрометирован самой историей Бразилии эпохи республики, что связано с разного рода политическими скандалами, административными злоупотреблениями, обвинениями в коррупции. На противоположном полюсе таким негативным тенденциям в политической жизни Бразилии монархисты склонны, как правило, противопоставлять фигуру монарха, который, по их уверенности, является «живым политическим символом нации» [17].

Современные монархисты настаивают на том, что бразильская императорская семья, истоки которой они выводят от Капетингов, должна играть особую роль в политической и культурной жизни страны, так как является «моральным резервом Нации» [1]. Поэтому, монархисты декларируют то, что Бразилия «переживает серьезный политический, экономический, но, прежде всего, моральный кризис, последствия которого

сложно предсказуемы». Кризис в Бразилии монархисты связывают со «значительным недоверием к политическим институтам», которые, по их мнению, не являются эффективными. Именно современные институты, как полагают монархисты, создают политические угрозы демократии, так как современный левый режим, в чем они уверены, постепенно трансформируется в направлении «коллективизма и авторитаризма», содействуя разрыву Бразилии с более ранними политическими традициями [5]. Император, как полагают монархисты, в состоянии все эти проблемы решить хотя бы на том уровне, что он будет пребывать вне современных политических партий [17], символизируя собой единство нации.

Современные бразильские монархисты активно используют факты исторического прошлого в своей деятельности, полагая, что история может позитивно содействовать мобилизации новых политических сторонников. В этом контексте не должно вызывать удивления, что в названиях ряда монархических организаций и движений фигурируют имена монархов периода Империи. В частности, в Куритибе действует «Frente D. Pedro II» [6], который объединяет в своих рядах местных монархистов. Кроме этого, в политическом и историческом воображении современных монархистов фигуры двух императоров Бразильской Империи – Педру I [12] и Педру II [13] – подвергаются значительной положительной идеализации.

Современное монархическое движение в Бразилии относится к числу групп традиционалистской политической направленности. Сторонники монархии весьма критически относятся к глобализации и секуляризации, уделяя значительное внимание пропаганде, популяризации и защите традиционных ценностей, в том числе – и католицизма. Монархисты указывают на необходимость следования христианским католическим традициям, соблюдение христианских праздников [14], полагая, что именно католицизм и монархия в наибольшей степени соотносятся с нравственными и этическими предпочтениями бразильцев, склонных видеть именно в монархии «строй, отвечающий их подлинным чаяниям» [17], а сами бразильцы воображаются как «дружелюбный, трудолюбивый и аккуратный» (*afável, ordeira e laboriosa*) народ «с христианской душой» [4; 5]. По мнению монархистов, именно народ, представленный частными и успешными собственниками [10], которые противостоят идеям аграрных реформ, инициируемых левыми радикалами, стал жертвой организованной республиканцами «культурной революции, которая подрывает основы семьи и наши институты» [17]. Луис Орлеанский-Браганса, лидер современных монархистов, позиционируется в роялистских кругах как католик и противник левых политических идей [8]. Бертран Орлеанский-

Браганса также усилиями монархистов позиционируется как католик и защитник католических идеалов [7].

Бразильские монархисты считают, что христианская католическая нация Бразилии подвергается агрессии со стороны атеизма, глобализма и коммунизма. Именно левой угрозе, направленной против католицизма, бразильские монархисты уделяют особое внимание. Монархисты указывают, что инициатива властей Бразилии по привлечению врачей с Кубы является очень непродуманной, опасной и продиктованной сиюминутной политической конъюнктурой. Критикуя и крайне негативно оценивая бразильско-кубинское сотрудничество и «глубокие идеологические связи с коммунистическим режимом на Кубе» [4; 5], монархисты настаивают, что кубинские врачи могут стать причиной роста популярности коммунистических идей. По мнению монархистов, деятельность кубинских медиков в Боливии и Венесуэле привела к негативным политическим последствиям для этих стран. Особую озабоченность монархистов вызывает и то, что оплачивая труд кубинских властей, власти Бразилии фактически поддерживают недемократический авторитарный коммунистический режим, а подобное сотрудничество чревато ростом коммунизма в самой Бразилии. Поэтому, отправка в Бразилию кубинские врачи воспринимается монархистами не как жест доброй воли, но как еще одно из доказательств агрессивной внешней политики режима братьев Кастро, как форму кубинского коммунистического экспансионизма.

В одном из недавних заявлений бразильских монархистов декларируется необходимость поддержки Церкви и веры: «если мы верим в Господа, мы должны говорить, действовать и даже мыслить в соответствии с этой верой... нам следует адаптировать законы человеческого общества законам Божиим» [15]. Именно с религией, ее прогрессивным влиянием современные бразильские монархисты склонны связывать и саму идею прав человека, подчеркивая, что среди прав – право на свободу вероисповедания занимает особое место. В период предвыборной компании 2014 года монархисты призывали своих сторонников и простых католиков особенно внимательно относиться к кандидатам, так как опасались усиления атеистических и антицерковных тенденций в контексте очередного политического усиления левых. Бразильские монархисты были настолько напуганы или впечатлены активностью левых в период выборов, что обратились к Папе Римскому. В официальном послании, направленном Папе монархистами, выражалась «серьезная обеспокоенность по поводу католического дела в Бразилии и Южной Америке». Монархисты полагают, что именно левые стоят у истоков разного рода как антирелигиозных, так и

радикальных социальных движений, которые вместо идей и ценностей классового мира и сотрудничества бездумно предлагают и верят только и исключительно в универсальность классовой борьбы. Монархисты крайне критически относятся к разнообразным левым «революционным утопиям» [19], полагая, что те изначально являются антихристианскими. Монархисты настаивают и на том, что волнения, имевшие место в аграрных регионах Бразилии, были инициированы извне различными антиглобалистскими группировками, известными своей склонностью к насилию и вандализму.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Развитие монархических настроений в современной Бразилии связано со спецификой модернизации в этой стране. Бразилия может быть отнесена к числу тех стран, где процессы политической, социальной и экономической модернизации начались позднее чем в остальных регионах западного мира и протекали более медленными темпами, со значительными региональными культурными и социальными особенностями. Подобная замедленная модернизация в контексте существования и длительного сохранения в обществе значительного числа социальных и экономических противоречий, элементов архаических институтов и отношений привела к тому, что современная нация была вообразена и институционализована интеллектуалами несколько позже, чем другие нации Западного мира. В отличие от Европейского Запада, который раньше стал на путь экономической и социальной модернизации в рамках создания капиталистической экономики и отказа от монархии и сопутствующих ей традиционных форм и версий легитимности власти, процессы трансформации традиционных аграрных и городских сообществ в политическую гражданскую бразильскую нацию протекали не на фоне секуляризации, но в контексте не столь динамичного или просто замедленного развития капитализма и роста светских политических идеологий, порожденных европейским Просвещением и европейскими же буржуазными революциями.

В такой ситуации монархия, несмотря на свой характер традиционного и архаичного института, смогла соотнести себя с требованиями и вызовами политической борьбы за национальное освобождение, хотя эта борьба протекала нередко не под монархическими, но под общими националистическими лозунгами, но, тем не менее, актуализировала ценность монархии в контексте истории Бразилии в 19 веке в качестве уже независимого государства. Монархизм в современных условиях функционирует как форма традиционного национализма. В современном мире национализм, начиная с эпохи Великой Французской буржуазной революции, развивается как движение преимущественно светское и

республиканское. В этом отношении взаимосвязи национализма и монархии могут быть отнесены к числу связей, если не предосудительных, но не совсем уместных и современных. Тем не менее, бразильский монархизм можно воспринимать и рассматривать как форму бразильского национализма. В данном случае речь идет не о современном и политическом национализме современных гражданских наций как воображаемых сообществ, но мы имеем дело с такой формой национализма, которая сохранила свои связи с традиционными представлениями о легитимности власти и, поэтому, с традиционными институтами. Монархизм представляет собой движение внесистемного характера, но со значительным протестным потенциалом.

Современная Бразилия существует и развивается в преимущественно республиканской системе координат. В этом отношении идеология и политическая программа монархизма являются не только архаичными, но и могут носить маргинальный и порой внесистемный характер. Сторонники монархии не обладают уникальными политическими институтами, которые давали бы им возможность принимать непосредственное участие в политической жизни, влиять на политические процессы, в особенности – процессы принятия и реализации политических решений. Стремление к политическому участию будет содействовать неизбежной трансформации монархизма, но эта трансформация станет вероятной и возможной только в том случае, если монархисты будут готовы принять формальные правила участия в политическом процессе, то есть институционализируются в форме политической партии. Монархические движения в настоящее время они носят маргинальный характер и, поэтому, монархические «партии» не в состоянии конкурировать со всеми прочими идеологическими партиями, политические предпочтения которых могут варьироваться от крайностей коммунизма до либерализма, но, как правило, носят прагматический характер и, в отличие от монархизма, нацелены на привлечение не только возможных сторонников, но и потенциальных избирателей, так как являются движениями преимущественно прагматическими, а не идеалистическими.

Значительный идеализм характерен для современного монархизма, что в немалой степени ослабляет его адаптивные потенции и возможность интегрироваться в политическое пространство современного мира, который все больше и больше подвергается деидеологизации. Поэтому, политические партии и даже политические идеологии становятся коммерческими проектами, с которыми бразильский монархизм оказывается не в состоянии конкурировать. Тем не менее, на современном этапе монархическая идея в Бразилии обречена на то, чтобы быть именно

идеяй, существовать и развиваться в рамках преимущественно интеллектуальной и частично академической системы координат в то время, как ее реальное политическое значение и в дальнейшем будет пребывать на периферии политического процесса.

Библиографический список

1. A Casa Imperial do Brasil [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/-/ACasaImperial/index.html>
2. A partir da mesma cédula usada em 1993, você poderá votar neste plebiscito virtual. Qual sistema de governo você escolhe? [Электронный ресурс]. – URL: <http://noticias.terra.com.br/infograficos/20-anos-do-plebiscito/>
3. A Questão Dinástica (Se é que ela existe!) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/-/CausaMonarquia/AQuestaoDinastica.html>
4. Comunicado de Mom Luiz de Orleand e Bragança, chefe da Casa Imperial do Brasil [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/>
5. Comunicado do Secretariado da Casa Imperial do Brasil, São Paulo, 13 de março de 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/>
6. Convite. Curitiba, 23 de outubro de 2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/>
7. D. Bertrand de Orleans e Bragança [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/-/AFamiliaImperial/BiografiadBertrand.html>
8. D. Luiz de Orleans e Bragança [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/-/AFamiliaImperial/BiografiadLuiz.html>
9. Diferença entre Monarquia e República [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/-/obrasilimperial/monarquiaourepública.html>
10. Dom Bertrand de Orleans e Bragança, Brasil precisa de uma reforma agrária? Não. Não ceder para não perder / Dom Bertrand de Orleans e Bragança [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/-/CausaMonarquia/ArtDbertrand-reformaagraria.html>
11. Dom Luiz desaconselha formação de partido [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/>
12. Dom Pedro I [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/-/obrasilimperial/Dpedrol.html>
13. Dom Pedro II [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/-/obrasilimperial/Dpedroll.html>
14. Mensagem de Natal de D. Luiz de Orleans e Bragança, Chefe da Casa Imperial do Brasil [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/>
15. Mensagem do Príncipe D. Luiz [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/>
16. Monarquia ou República? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/-/obrasilimperial/regimeImperial.html>
17. Porque não apoiar a criação de um partido monarquista [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/>
18. Portal Terra: 82 % querema a volta da monarquia [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/>

19. Quo vadis, Domine? Reverente e filial Mensagem a Sua Santidade o Papa Francisco do Príncipe Dom Bertrand de Orleans e Bragança [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.monarquia.org.br/>
20. Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 155 с
21. Кирчанов М.В. Империя и нация: проблемы интеллектуальной истории Бразильской Империи / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2013. – 295 с.

БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: БРАЗИЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

М.В. Курчанов

«Буржуазные революции»: историографический проект Запада и Советского Союза для мира и Латинской Америки

Концепт «буржуазная революция» принадлежит к числу универсальных в современной историографии. Историки марксистской ориентации склонны искать истоки революций в социальных и экономических процессах. Факторы политической борьбы, социальные противоречия и борьбы классов также воображаются как системные. Концепт «буржуазная революция» активно использовался в советской историографии в контексте политической и социально-экономической истории Франции и Англии. Английская и французская революции в советском историческом воображении были известны как классические примеры буржуазных революций. Автор полагает, что советская историография буржуазных революций имело европоцентричные основания. Автор утверждает, что изучение истории Бразилии также возможно в рамках парадигмы «буржуазных революций».

Ключевые слова: буржуазная революция, исторический процесс, историография, социальная история

The concept of "bourgeois revolution" is one of the universal in the historiography. The historians of Marxist orientation tend to search for origins of revolutions in social and economic processes. The factors of political struggle, social contradictions and class struggle were imagined as the system for revolutions genesis. The concept of "bourgeois revolution" was used extensively in the Soviet historiography in the context of political and socio-economic history of France and England. English and French Revolutions in the Soviet historical imagination were known as a classic example of bourgeois revolutions. The author believes that Soviet historiography of bourgeois revolutions was Eurocentric. The author argues that Brazilian historical studies are also possible in "bourgeois revolution" paradigm.

Keywords: the bourgeois revolution, the historical process, historiography, social history

Одной из центральных тем настоящего номера «Политических изменений в Латинской Америке» будет проблема буржуазной революции в бразильском историческом контексте, но анализ исторического революционного опыта Бразилии представляется малопродуктивным без

обращения к некоторым вопросам общего свойства, которые имеют отношение к революции как составному элементу исторического процесса на Западе в период новой истории.

Особую роль если не в генезисе, то в укреплении капитализма сыграли европейские буржуазные революции. Синтетическая версия роли революции в развитии капитализма представлена Л.С. Васильевым. Под революцией Л.С. Васильев склонен понимать «мощный, сопровождаемый террором взрыв, направленный на насильственный слом существующего порядка с заменой его принципиально новым», целью которого является «предоставление полного господства в обществе рыночно-частнособственническим отношениям антично-буржуазного типа со всеми их либерально-буржуазными правами» [2, С. 544]. Более того, Л.С. Васильев, развивая свою концепцию о нетрансформации феодализма в капитализм, полагает, что оппонентами революции были вовсе не сторонники феодализма, а, наоборот, «дефеодализирующаяся знать» [2, С. 548].

На протяжении длительного времени, как отмечает современный российский историк С.В. Кондратьев, в отношении революций в научной литературе доминировали преимущественно описательные интерпретации, то есть революции рассматривались в событийном, политическом плане как преимущественно политическое, религиозное и только потом экономическое явление, что в частности было характерно для российской дореволюционной и ранней советской историографии, которая несла в себе определенные черты своей предшественницы. При этом один из ведущих дореволюционных специалистов по истории Английской революции А.Н. Савин констатировал, что «батрак, подмастерье, бродяга, йомен и мастер все еще редко показываются на страницах общих и даже специальных работ» [24, С. 56 – 57]. Это, в частности, нередко имело место и в советской историографии [21], несмотря на ее значительный интерес к социально-экономической проблематике история Английской революции как экономическая история так и не была написана. С другой стороны, в XX веке имели место попытки прибегнуть к «социальным и экономическим объяснениям» [9], что можно рассматривать как марксистское влияние на научное сообщество. Основателем социально-экономической интерпретации Английской революции в британской историографии следует признать Кристофера Хилла [28], а в украинской экономической науке М.И. Туган-Барановского [26], который особое внимание уделял экономическому фактору, связанному с формированием промышленности и изменением роли торговли, ее растущем значением, переориентацией на внешние рынки.

В 1920-е годы советскими историками (например, И. Поповым-Ленским) предпринимались попытки интерпретировать революцию в Англии как преимущественно экономическое явление или политический процесс, вызванный почти исключительно экономическими причинами. По мнению И. Кареева [5; 6], важными стимулирующими факторами в генезисе революции стали экономические причины, связанные с «важным экономическим переворотом», который Англия переживала, начиная с середины XVI века. Проявлениями этого процесса стали социальные изменения, связанные с постепенным разорением крестьянства и деаграризацией экономики. В частности, анализируя экономические истоки революции, И. Попов-Ленский [23], выделил ряд факторов (изменения в структуре народонаселения, сохранение преимущественно аграрного облика английской экономики, параллельный рост арендных и рентных отношений, социальная фрагментация английского общества, генезис «домашней промышленности» и ее трансформация в национальную), которые стимулировали политическую нестабильность и сыграли ведущую роль в генезисе перемен, приведших к революции. Революция, по Кр. Хиллу [9], была в одинаковой степени социальным и экономическим явлением, а ее противники были представлены «реакционными силами», связанными с феодализмом. Генезис революции Кр. Хилл связывал с растущей ролью рынка и активизацией молодой английской буржуазии, которой «мешали бесчисленные юридические ограничения», порожденные тем, что «строение общества было еще по существу феодальным».

Позднее эта социально-экономическая дихотомия советским историками, например – Н.М. Мещеряковой [18], была трансформирована: к буржуазии и реакционному феодализму добавился третий актор экономических изменений – формирующийся английский пролетариат, который не представлял рабочий класс, а отличался в большей степени переходным характером и преимущественно традиционной идентичностью, так как процесс его формирования хронологически совпадал с временем возникновения английской современной нации. Определенную роль в генезисе пролетариата играли, вероятно, внецеховые ремесленники [7; 8; 10], представлявшие собой в некоторой степени маргинальные или постепенно маргинализирующиеся слои, которые являлись носителями в большей степени традиционной экономики и, поэтому, были не в состоянии конкурировать с новыми, более адаптивными, экономическими отношениями. Иногда в качестве третьего участника процесса становления капитализма фигурирует фермерство [25], которое постепенно утрачивало связи с традиционной культурой крестьянства, отказываясь от ведения традиционной модели экономики как экономически невыгодной. В целом в

советской историографии [11] доминировала тенденция, в рамках которой Английская революция интерпретировалась формационно, оценивалась как буржуазная, а ее истоки связывались с противоречиями между нарождающимся капитализмом, базировавшимся на формирующуюся промышленность, и распадавшимся феодальным укладом.

В этом контексте предкапиталистическое общество было гетерогенным и в его рамках существовали социальные группы, которые представляли параллельно существующие как феодальные, так и проторыночные тенденции и элементы, роль которых позднее была актуализирована в условиях генезиса капитализма. Можно предположить, что в возникновении европейского капитализма особую роль играли факторы, связанные с более углубляющейся диверсификацией труда, его последовательным разделением и растущей специализацией. По мнению Карла Поланьи, могли иметь место и исключения: «разделение труда возникает не из торговли или обмена, оно обусловлено географически» [22, с. 294]. В подобной ситуации условия для возникновения капиталистических отношений, которые в первую очередь проявлялись в растущей роли рыночных структур, не были универсальным процессом, но могли быть связаны не только с географическими, но также с культурными и религиозными факторами, которые оказывали существенное влияние на развитие экономических отношений в рамках того или иного сообщества.

Гетерогенность позднего феодального общества Запады, например – в Англии, в условиях генезиса капитализма в наибольшей степени проявлялась в городах [12 – 15]. Именно с городом нередко связывался процесс «оживления торговли» [4, с. 5] и появления новых социальных групп, в большей степени ориентированных на внешние рынки, что содействовала эрозии натуральной и преимущественно аграрной экономики. Процесс размывания старой традиционной экономики был связан с ростом торговли и формированием новой социальной группы, которая приходит на смену средневековому купечеству. Этим новым слоем, концентрирующемся в городах [29], актуализировавших свои преимущественно экономические функции, стала торговая буржуазия [1; 7 – 8; 20], которая, активно ведя торговлю с Востоком, благоприятствовала разрушению экономической замкнутости Англии, укреплению товарно-денежных отношений, развитию кредита, появлению и последующему развитию не просто традиционных форм экономики, ориентированной на внутреннее потребление, но в большей степени на рынок. Таким образом, в Англии складывалась та инфраструктура (торговые сети в именно торговом, точнее внешнеторговом значении, а также кредитные учреждения), необходимая в дальнейшем для функционирования нового –

капиталистического – типа экономики. Все эти факторы содействовали определенной структурной перестройки экономики таким образом, чтобы она в большей степени соотносилась с интересами новых экономических элит. Структура городского населения, равно как и его занятия, отличались значительным разнообразием. Несмотря на тот факт, что города существовали в преимущественно аграрном окружении, особую роль в их функционировании играла торговля, которая содействовала постепенной эрозии традиционной экономики. Обмен между городом и аграрной периферией носил преимущественно неэквивалентный характер, что содействовала укреплению протобуржуазных групп в городе, оказывая влияние и на ослабление аграрного сектора.

Кристофер Хилл полагал, что именно революция создала условия для капиталистического развития и роста «новых экономических явлений», которые привели к историческому поражению «устаревшего непроизводительного и паразитического феодализма». По мнению Кр. Хилла, в предреволюционной Англии имела место значительная активизация торговли, а новые экономические тенденции вели к «новым социальным конфликтам». В целом, в конце 1940-х годов Кр. Хилл культивировал классическую для марксизма интерпретацию революции как конфликта между нарождающимся капитализмом и отмирающим феодализмом, а сама революция рассматривалась им как буржуазная, основными участниками которой были нарождающиеся буржуазия и рабочий класс, с одной стороны, и феодальная реакция, с другой. По мнению современного российского историка Л.С. Васильева, английская революция фактически «завершила переход Англии от феодальной системы» [2, с. 157] к качественно новым отношениям.

Значительную роль в укреплении капиталистической модели экономики сыграла и Великая французская революция. В советской историографии доминировало экономическое и социальное объяснение возможных причин революции. Одна из классических версий представлена в исследованиях А.З. Манфреда [17], который связывал начало революции с социально-экономическими процессами, имевшими место в предреволюционной Франции. Подобные интерпретации имели место в 1930-е годы, когда революция, например, усилиями С.А. Лоте [16] связывалась с экономическими между несоответствиями феодальным и капиталистическими способами производства, историческим конфликтом между ранним французским капитализмом [3] и феодальными институтами, классовыми противоречиями между феодальностью, с одной стороны, крестьянством и буржуазией, с другой, хотя еще ранее Н.И. Кареев [5 – 6]

подчеркивал, что экономика в предреволюционной Франции пребывало в состоянии «безвыходного тупика».

В новейшей российской историографии высказываются альтернативные точки зрения относительно крестьянского фактора в революции [19], генетически связанные с более ранними ревизионистскими версиями революции, предложенными французскими историками, например, Франсуа Фюре [27, с. 131], полагавшим, что крестьянство было недовольно не столько феодализмом, сколько новым феноменом «сельского капитализма». Крестьянство было центральным и системным элементом традиционного общества, основанного на аграрной экономике. Капиталистические отношения были в значительной степени чужды значительной части французских крестьян, для которых была характерна традиционная политическая и экономическая идентичность. С одной стороны, крестьянство отличалось определенным стихийным народным монархизмом; с другой – значительной и многовековой интегрированностью именно в традиционные экономические отношения. Нельзя исключать, что буржуазная идеология была непонятна для значительной части французских крестьян, которые преследовали в большей степени цели, соотносимые с традиционной, аграрной, а не капиталистической экономикой.

Основные положения концепции А.З. Манфреда, которая доминировала в советской историографии, могут быть сведены к следующему: Франция к началу революции оставалась преимущественно аграрной страной; значительную роль в экономике играли феодалы, которые были собственниками земли и эксплуатировали крестьян; параллельно шел процесс эрозии старой традиционной феодальной экономики, росла роль аренды и товарно-денежных отношений; роль торговли становилась более значимой; в условиях разложения феодализма росла роль мануфактурного производства; между традиционной и приходящей в упадок феодальной экономикой и новыми капиталистическими отношениями существовали фундаментальные противоречия, которые не могли быть решены в рамках существовавшей системы. Исходя из подобных предпосылок, значение революции советскими историками также интерпретировалось в преимущественно экономических категориях. Согласно концепции А.З. Манфреда, революция была именно буржуазной, так как привела к окончательному разрушению феодализма, «расчистив почву для капиталистического развития».

Буржуазные революции, порожденные ими национальные движения и позднее национальные государства институционализировали капитализм, сделав его единственной легитимной формой функционирования той или

иной национальной экономики. Процессы индустриализации, начавшиеся после европейских революций, привели к закреплению новых экономических статусов города и аграрных регионов. Если городам была уготована роль центров и локомотивов экономического развития и роста, то вторые постепенно трансформировались во внутренние периферии. Тезисы, высказанные выше, претендуют на роль не более чем вводных положений к нижеследующим статьям, которые рассматриваются автором в качестве проблемных, воспринимаясь как попытка выяснить специфику и особенности революционного процесса в Бразилии в контексте социальной, экономической и частично интеллектуальной истории.

Библиографический список

1. Бейдина Т.Е. О некоторых особенностях деятельности Ост-Индской компании в начале XVII века / Т.Е. Бейдина // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии / отв. ред. Е.В. Кузнецов. – Горький, 1980. – С. 97 – 100.
2. Васильев Л.С. Всеобщая история. – М., 2010. – Т. 3.
3. Далин В.М. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII века в освещении «Русской школы» / В.М. Далин // Историк-марксист. – 1929. – Т. 14. – С. 68 – 116.
4. Добб М. Очерк истории Европы (от упадка феодализма до нашего времени) / М. Добб / пер. с англ. И. Маркельса, предисл. Арк. А-на. – М., 1929.
5. Кареев Н. Две английские революции XVII века / Н. Кареев. – М., 2002.
6. Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI – XVIII веков. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» / Н.И. Кареев. – М., 2009..
7. Кириллова А.А. Организация внецехового ремесла в английских городах XVI в. / А.А. Кириллова // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и Средние века / ред. А.А. Кириллова, Н.Ф. Мурыгина, И.А. Дворецкая. – М., 1975. – С. 67 – 97.
8. Кириллова А.А. Социально-психологические характеристики английского купечества в XV – XVI вв. / А.А. Кириллова // Генезис капитализма в позднее Средневековье в Англии и Германии / отв. ред. А.А. Кириллова. – М., 1979. – С. 3 – 30.
9. Кондратьев С.В. Английская Революция XVII века / С.В. Кондратьев. – М., 2010.
10. Кулагин В.И. Структура английского внецехового ремесла XV – XVI вв. / В.И. Кулагин // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и Средние века / ред. А.А. Кириллова, Н.Ф. Мурыгина, И.А. Дворецкая. – М., 1975. – С. 204 – 239.
11. Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы Английской буржуазной революции 40-х годов XVII века / В.М. Лавровский, М.А. Барг. – М., 1958.
12. Левицкий Я.А. Английский город в XI веке / Я.А. Левицкий // Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии / Я.А. Левицкий / отв. ред. Е.В. Гутнова. – М., 1987. – С. 25 – 147.
13. Левицкий Я.А. Английский средневековый город / Я.А. Левицкий // Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии / Я.А. Левицкий / отв. ред. Е.В. Гутнова. – М., 1987. – С. 239 – 270.

14. Левицкий Я.А. Некоторые проблемы истории западноевропейского города периода развитого феодализма / Я.А. Левицкий // Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии / Я.А. Левицкий / отв. ред. Е.В. Гутнова. – М., 1987. – С. 177 – 194.
15. Левицкий Я.А. Проблема взаимоотношений города и деревни в средневековой Англии (XI – XIII вв.) и историко-экономическое направление в английской историографии / Я.А. Левицкий // Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии / Я.А. Левицкий / отв. ред. Е.В. Гутнова. – М., 1987. – С. 195 – 218.
16. Лотте С.А. Великая Французская революция / С.А. Лотте. – М. – Л., 1933.
17. Манфред А.З. Великая Французская революция / А.З. Манфред / отв. ред. В.М. Далин. – М., 1983.
18. Мещерякова Н.М. Методы эксплуатации и борьба наемных рабочих в промышленности Англии первой половины XVII в. / Н.М. Мещерякова // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. Сборник статей / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1968. – С. 11 – 32.
19. Мягкова Е.М. «Необъяснима Вандея»: сельский мир на западе Франции XVII – XVIII веках / Е.М. Мягкова. – М., 2006.
20. Осокин М.Г. Торговля Англии с Левантом и развитие английской промышленности в первой половине XVII века / М.Г. Осокин // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии / отв. ред. Е.В. Кузнецов. – Горький, 1980. – С. 51 – 69.
21. Павлова Т.А. Вторая Английская Республика (1659 – 1660) / Т.А. Павлова. – М., 1974.
22. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи / пер. с англ. А.А. Васильева и др., под общ. ред. С.Е. Федорова. – СПб., 2002. – С. 294.
23. Попов-Ленский И. Лильберн и левеллеры (социальное движение и классовая борьба в эпоху Английской революции XVII века) / И. Попов-Ленский. – М. – Л., 1928.
24. Савин А.Н. Лекции по Английской революции / А.Н. Савин. – М., 2000.
25. Семенов В.Ф. Раннее капиталистическое фермерство в Англии в XVI – первой половине XVII века (по материалам маноров юго-западной Англии) / В.Ф. Семенов // Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. К восьмидесятилетию академика Н.М. Дружинина / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1965. – С. 52 – 84.
26. Туган-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма / М.И. Туган-Барановский // Туган-Барановский М.И. Экономические очерки / М.И. Туган-Барановский / предисл., сост., ред. Г.Н. Сорвиной. коммент., ред. С.Е. Хорзова. предисл. В.В. Перской. коммент. О.И. Меликовой, Е.В. Черниковой и др. – М., 1998.
27. Фюре Фр. Постигание Французской революции / Фр. Фюре / пер. с франц. Д.В. Соловьева, науч. ред. Л.А. Пименова. – М., 1998.
28. Хилл К. Английская революция / К. Хилл / пер. с англ. Ш.А. Богоиной. ред., предисл. В.Ф. Семенова. – М., 1947.
29. Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVII века) / М.М. Яброва / под ред. С.М. Стама. – Саратов, 1983.

**Класс, нация, раса:
многообразие революционного опыта в бразильской
интеллектуальной традиции XX века**

Концепт «revolução» являлся одним из центральных и системных в бразильском историческом воображении 20 века. Революция воображалась и анализировалась бразильскими историками в контексте экономической и политической истории. Попытки описания революции как части истории идей, социальной и культурной истории, интеллектуальной истории также были чрезвычайно важны. Изучение революции в бразильской историографии имело междисциплинарный характер. Бразильские историки анализировали роль политических противоречий и классовой борьбы, полагая, что расовые и культурные факторы относились к числу не менее важных.

Ключевые слова: revolução, историография, социальная история, междисциплинарность

The «revolução» concept was one of the central and system in Brazilian historical imagination of the 20th century. Revolution was imagined and analyzed by Brazilian historians in the context of economic and political history. The attempts to describe the revolution as part of the history of ideas, social and cultural history, intellectual history were also extremely important. Revolution studies in Brazilian historiography were interdisciplinary. Brazilian historians analyzed the role of political contradictions and class struggle, presuming that racial and cultural factors were also among the important and influential.

Keywords: revolução, historiography, social history, interdisciplinary

Концепту «revolução» в бразильской социальной, экономической и интеллектуальной истории 20 века принадлежит совершенно особое и уникальное место. Многие бразильские интеллектуалы не избежали увлечения этим концептом в его различных формах и измерения, а революционная риторика и тематика превалировала и доминировала не только в собственно политической, но и порой в культурной, интеллектуальной и литературной сферах. Некоторые знаковые фигуры в бразильской культурной и интеллектуальной истории 20 века, среди которых, пребывающие на диаметрально противоположных политических полюсах Жоржи Амаду и Плиниу Салгаду, не смогли избежать мощного влияния этого революционного стимула: если один стал певцом революции социальной, почти – коммунистической, то второй сыграл одну из ведущих ролей в консервативной, национальной революции. Политики в Бразилии тоже, подобно интеллектуалам, людям искусства и представителям культурной богемы, тоже пребывали в состоянии некой зависимости от революционной риторики и самой идеи революции, которая в бразильском политическом и интеллектуальном дискурсе 20 века обрела характеристики универсальности и почти неизбежности. Практически все политики, в той или иной степени, связанные с политическими потрясениями и

переворотами, норовили и стремились объявить свой переворот революцией, и, наделив его революционным статусом, добиться, таким образом, легитимации, признания и одобрения своих действий.

Концепт «revolução» привлекал и значительное внимание со стороны представителей бразильского интеллектуального, научного, академического сообщества. Именно попытки интеллектуалов осмыслить суть и формы революции в бразильском преломлении будут в центре авторского внимания в данной статье.

Особое внимание интеллектуалами уделялось проблемам генезиса революционных изменений в Бразилии. Одна из центральных тем в научном наследии Жилберту Фрейри, основателя современной бразильской социологии и начинателя культурно-экономического анализа, распад традиционности и формирование новых отношений в Бразилии «в тени больших амазонских лесов» и в контексте существования значительных региональных диспропорций [2; 3; 7]. В 1920 – 1930-е годы, названные позднее «временем, имеющим решающее значение для развития» [19], Ж. Фрейри (как бразильский националист) негативно оценивал проникновение американского капитала в «аграрно-патриархальное общество» [13], позитивно воспринимая попытки бразильских политических элит сделать экономику страны более национальной на фоне постепенного распада традиционализма. Этот процесс определялся Ж. Фрейри как одновременная «дезорганизация и реорганизация общества» [14].

В середине 1930-х годов Ж. Фрейри прилагал значительные усилия, направленные на формирование нового образа революционной Бразилии – не только страны высокой культуры, но и государства со значительными возможностями для развития экономики. По мнению Жилберту Фрейри, трансформационные и адаптационные способности Бразилии были огромны, о чем, например, свидетельствовало то, что бразильская политическая, социальная и экономическая культура аккумулировала «европейский монархизм, африканский ислам, растворившийся в иберийском католицизме» [17, 18]. Ж. Фрейри подчеркивал, что процесс развития Бразилии и бразильской экономики был в значительной степени подвержен регионализации, что стало результатом португальской колонизации, активного ввоза черных рабов, которые через межрасовые связи постепенно ассимилировались [20], а позднее немецкой и итальянской иммиграции, которая способствовала формированию региональных особенностей в развитии бразильской экономики, наложив существенный отпечаток на процесс урбанизации Бразилии.

Позднее Бразилия стала привлекательной страной для польских, сирийских и японских иммигрантов [12], которые разделили судьбу своих предшественников, постепенно ассимилируясь и интегрируясь в систему экономических и социальных отношений. Комментируя процесс расового смешения и формирования политической нации в Бразилии, Ж. Фрейри подчеркивал особенности революционных изменений в культурной и социальной сферах, полагая, что «победившие в военном отношении европейцы были вынуждены пойти на генетические и социальные контакты с чернокожим населением... нехватка белых женщин привела к росту связей между белыми и черными, между хозяевами и рабами... смешение рас несколько уменьшило социальную дистанцию» [15], способствуя демократизации общества в Бразилии [28].

Революционные скачки и склонность элит к столь радикальным формам решения проблем в ряде случаев приводили не к позитивным результатам. Проявлением, например, регионализации следует признать и появление феномена «экономики кофе», которая, согласно Ж. Фрейри, привела к пересмотру социальных и гендерных ролей, что выразилось в «процессе девальвации мужчины» [16], который постепенно перестал быть центральной фигурой в системе экономических и социальных отношений на микроуровне. По мнению Жилберту Фрейри, кофе в Бразилии стал монокультурой, которая оказала значительное влияние на развитие экономики: «в Бразилии, отношения между белыми и цветными расами были обусловлены системой экономического производства... и нехваткой белых женщин... монокультура требовала огромной массы рабов» [15].

Поэтому в Бразилии на протяжении «социального времени» [14] возникло несколько культур гибридного типа, которые сочетали элементы лузо-португальской традиции, а также культурных традиций принесенных черными африканскими рабами и привезенных позднейшими итальянскими и немецкими иммигрантами. В концепции, предложенной бразильским интеллектуалом, и «старые» и «новые» бразильцы изначально являлись носителями традиционной культуры, которая не выдержала конкуренции с набирающим силу бразильским вариантом капитализма. Комментируя особенности экономической и социальной истории Бразилии, Ж. Фрейри подчеркивал, что «сельские жители стали жертвами прогресса, сахарной и кофейной промышленности» [16] в период «социальной неопределенности и социальных колебаний» [14].

Экономическую динамику Ж. Фрейри связывал с политическими процессами, полагая, что развитие кофейной промышленности стало одним из факторов, способствовавших падению Империи. «Кофе стал основой республиканского строя в нашей стране» [16], – подчеркивал

бразильский исследователь. Жилберту Фрейри полагал, что синтез различных культур и традиций [29] на территории Бразилии вместе с новейшими техническими достижениями может создать условия для экономического и политического прорыва. По мнению бразильского интеллектуала, этот прорыв возможен при участии государства исключительно в рамках капиталистической модели развития, основанной на принципах индивидуализма и свободного рынка.

По мнению Ж. Фрейри, в Бразилии не сложились национальные предпосылки для реализации левой радикальной революционной альтернативы. Согласно концепции предложенной Жилберту Фрейри в своей классической работе «Casa-grande e senzala» [15] даже бразильские индейцы были в большей степени склонны к индивидуализму, нежели к коллективизму [13]. Ж. Фрейри полагал, что, несмотря на некую изначальную традиционность, домодерное общество в Бразилии быстро пришло в упадок, что было связано со своеобразной социальной локализацией социальных и экономических отношений на микроуровне – на уровне casa-grande – одновременно «патриархальной твердыни, часовни, школы, мастерской, святого дома, гарема и женского монастыря».

Акцентируя внимание на экономической и культурной значимости этого института, Ж. Фрейри подчеркивал, что «социальная история “большого дома” является неотъемлемой частью семейных историй многих бразильцев» [15]. Именно этот «большой дом» представлял систему социальных, политических и экономических связей, актуализированных в таких формах межгендерной и одновременно (или часто) межрасовой и межклассовой коммуникации как экономика на локальном уровне (кофе, сахар, табак), труд (работа белых и рабство черных), религия (католицизм белых, католицизм части негров и мулатов, традиционных культуры черных рабов), семья и секс (фактическая полигамия с широким спектром социальных возможностей для детей, родившихся в результате связи белого и негритянки, негра и белой).

По Ж. Фрейри, революция, таким образом, была одновременно процессом и институтом, играя роль той матрицы, в рамках которой сосуществовали как архаичные, так и относительно новые, современные институты. Именно Ж. Фрейри стал тем автором, который заложил методологические и теоретические основания для интереса последующих поколений бразильских интеллектуалов к комплексному анализу социальных и экономических трансформаций, которые могли протекать в рамках как традиционных и архаичных структур, так и развиваться в контексте качественно других отношений.

По мнению другого бразильского интеллектуала Нестора Дуарти, значительное влияние на генезис оснований бразильской революционной традиции и на формирование бразильской модели экономического развития оказал колониальный период, когда были заложены основы «социальной организации» бразильского общества [9]. Нестор Дуарти полагал, что бразильское общество формировалось на протяжении длительного времени через синтез лузо-бразильских (португальских) и африканских элементов. Значительную роль сыграло то, что территория будущей Бразилии была колонизирована именно португальцами, которые принесли в колонию социальные отношения и экономические институты, характерные для Португалии [9].

Поэтому на раннем этапе колониальной истории бразильское общество можно интерпретировать как попытку трансплантации португальской модели социально-экономического развития, представленного в различных формах «культуры и социальной активности португальского народа», которые были тесным образом связаны с «общинным духом нации и религиозными чувствами». На протяжении колониального периода важнейшими акторами экономической жизни были Католическая Церковь и семья, а роль государства, представленного колониальной администрацией, была не столь значительной, хотя именно в период пребывания Бразилии в составе Португалии были заложены основы такого типа экономического и политического управления, который Нестор Дуарти определял как «корпоративный» [9].

Семейные отношения оказали существенное влияние на развитие бразильской экономической модели, заложив принципы патернализма и патерналистского отношения со стороны сильных в отношении слабых. Анализируя фактор семьи в ранней бразильской истории, Нестор Дуарти предполагал, что в Бразилии сложился феномен особого «семейного феодализма» – системы социально-экономических отношений, в рамках которой центральным элементом политических и экономических связей была семья. Постепенно функции семьи вышли за пределы элементарного воспроизводства новых членов колониального общества: семья начала играть политические и экономические роли.

Подобные процессы привели к возникновению феномена *casa grande*, о котором писал, в том числе и Ж. Фрейри, вылившегося в закрепление неполноправного статуса женщины, определяемого Н. Дуарти как «социальная неполноценность». Эта «неполноценность» проявлялась и в том, что на микроуровне белые девушки были вынуждены конкурировать с молодыми черными рабынями. Эта конкуренция не остановила процесс расового смешения в Бразилии, что наложило существенный отпечаток на

экономические и социальные отношения аграрного микроуровня бразильского общества. Нестор Дуарти, признавая авторитет Ж. Фрейри в изучении «большого дома», подчеркивал, что именно *casa grande* представляет собой «самый высокий уровень социальной организации за пределами государства» [9].

Значение колониального периода, как полагал Н. Дуарти, состояло в формировании «стабильного и устойчивого общества», что фактически стало эпохой генезиса последующих, более поздних, революционных трансформаций и изменений. С феноменом *casa grande* в Бразилии был связан и институт рабства [21]. Белые португальские мужчины в отношении своих рабов были вынуждены играть патерналистские роли. Ситуация «распущенности семейных отношений» [9], как полагает Нестор Дуарти, привела к тому, что социальное существование рабынь протекало между постелью господина и кухней. В подобной ситуации черные не вызывали отторжения у белых португальцев. Чувство расовой терпимости распространялось и на мулатов. Эта своеобразная «роль отца» как правило, исполнялась экономически, но в ряде случаев – и фактически. Институт рабства [8] в Бразилии оказался тесно связан с институтом семьи: рабство не имело значения вне пределов локального сообщества, что свидетельствует о силе социальной взаимосвязи между господами и рабами [4, 5, 25, 26].

Особую роль в экономической трансформации Бразилии как португальской колонии, согласно Н. Дуарти, сыграло то, что именно португальцы принесли в регион институты частной собственности. Анализируя колониальный этап в бразильской истории Н. Дуарти, предположил, что тогда были заложены основы своеобразного антиурбанизма, что создало условия для развития «преимущественного аграрной модели общества» [9]. Именно этот преимущественно аграрный характер Бразилии привел к установлению экономики монокультур. Первой монокультурой, которая оказала значительное влияние на развитие Бразилии, был сахар.

Экспорт сахара привел не столько к экономическому росту колонии, сколько оказал влияние на ее урбанизацию и усложнение социальной и экономической структуры колониального общества, что в дальнейшем определило особенности и специфику революционного процесса в Бразилии. Это усложнение было связано с вынужденным завозом негров [6, 23, 24, 22, 27], которые использовались в качестве рабов при обработке сахарного тростника, а позднее – и кофе. Если на раннем этапе колонизации ее основными участниками были белые португальцы-католики, то спустя сто лет после появления европейцев социальная

картина в Бразилии выглядела более сложно: кроме сводного белого населения, составлявшего основу «экономического класса», и черных рабов существовали и новые социальные группы – метисы и мулаты.

С другой стороны, освоение бразильцами новых культур, кофе и какао, имело в определенной степени революционное значение, так как позволило начать более активную внутреннюю колонизацию, что привело к существенному расширению экономического пространства. Внутренняя колонизация Бразилии протекала в условиях «отсутствия белых женщин». В этом контексте Н. Дуарти солидарен с Ж. Фрейри, который полагал, что расовое смешение «в пределах обширной географической среды» [9] оказало значительное влияние на развитие социальных и экономических отношений в Бразилии. Характерной чертой экономической динамики колониальной Бразилии была демографически-финансовая диспропорция: в регионе было много белых и черных мужчин, черных женщин, но крайне не первым крайне не хватало белых женщин и денег.

Это создало условия для возникновения революционной ситуации в бразильской версии, что проявилось в расовой миксации и возникновения плантационного хозяйства, для постепенного политического и экономического отдаления южноамериканских колоний от Португалии. Негативную роль сыграли и территориальные размеры колонии, которые способствовали формированию ее экономической самостоятельности. Отделение Бразилии от Португалии поставило перед бразильскими элитами новые задачи, важнейшие из которых были связаны с преодолением экономической отсталости и формированием политической нации. Попытка форсированной интеграции и консолидации нации была предпринята в рамках авторитарной модернизационной стратегии, в пользу которой в 1930-е годы сделал выбор Жетулиу Варгас.

Нельсон Вернек Содре, другой бразильский интеллектуал, который не избежал увлечения революционной проблематикой, указывал на то, что по причине устойчивости традиционных отношений в Бразилии движение за независимость не переросло в буржуазную революцию: «...участие буржуазии в освободительном движении, ее включение в это движение вовсе не означает того, что процесс завоевания независимости является буржуазной революцией...» [34]. Нельсон Вернек Содре писал, что «... господствующий класс Бразилии добился независимости с минимумом внутренних изменений, в стране сохранилась унаследованная от прошлого колониальная структура...» [35].

По мнению Оливейруша Феррейры, интеллектуала активность которого началась в 1960-е годы, наиболее важным этапом в становлении экономической и политической системы Бразилии являются события

Революции 1930 года, которые привели к установлению диктатуры Жетулиу Варгаса. Формирование «институциональных связей между различными социальными группами» [10] О. Феррейра связывал именно с авторитарным режимом Ж. Варгаса, который привел Бразилию к экономическому прорыву в виде «индустриальной революции» [11] – направляемой государством индустриализации, сопровождавшейся попытками национализации отдельных отраслей промышленности. По мнению О. Феррейры, в начале 1960-х годов центральным вопросом в развитии бразильской экономики был не только вопрос доминирования государственного или частного сектора, но формирование политической нации, которая в условиях «технологической революции», могла бы стать гарантом «национального экономического развития» [11]. Анализируя экономические и политические процессы в Бразилии О. Феррейра предполагал, что во внимание следует принимать фактор масс. Согласно О. Феррейре, массы не всегда настроены революционно и антисистемно. По его мнению, массы могут отличаться и консервативным характером. Другим немаловажным фактором являются политические институты, которые могут отражать «политические симпатии различных социальных групп, отличающиеся от их экономической артикуляции». По мере экономического развития, состоящего, как полагает О. Феррейра, не только в экономическом росте и концентрации производства, но и в резком усилении СМИ происходит постепенный процесс размывания политической власти, которая оказывается не в состоянии направлять развитие экономики [10].

Симон Шварцман проблемы революции связывал с вопросами развития. По мнению С. Шварцмана, именно развитие было наилучшим способом борьбы против социальных проблем, таких как бедность, голод, эпидемии. Симон Шварцман подчеркивал, что в политике борьбы против отсталости следует применять политику «рационального планирования» [32]. С другой стороны, Симон Шварцман считал, что капиталистические страны столкнулись с проблемой развития. С. Шварцман подчеркивал, что во второй половине процесс роста в развитых странах замедлился. Поэтому бразильский исследователь подчеркивал, что модель развитого Запада неприменима в Бразилии [31], которая нуждается в решении своих проблем революционно, а не эволюционно. Шварцман полагал, что «процесс экономического развития отсталых стран отличается от процесса развития развитых стран в темпах роста и организационной структуре промышленности» [33].

Специфика бразильского экономического, социального и политического развития, в отличие от Европы, состояла в особой роли

государства. Именно поэтому в Бразилии сложился бюрократический тип политической системы. Бюрократы-технократы играли особую роль и в Империи (в период правления Педру II) и в республиканский период, например – в рамках «нового государства» Жетулиу Варгаса. Процессы экономической модернизации в Бразилии были отягощены социально-региональными противоречиями. Попытки форсированной модернизации в рамках авторитарной модели в период правления Ж. Варгаса привели к значительной политизации рабочего класса. Жетулиу Варгас, стремившейся в минимальной степени включить рабочих в процесс перераспределения национального богатства, почти не уделял внимания аграрным проблемам [1]. Подобная политика оценивается С. Шварцманом как яркое проявление «консервативной модернизации» [33].

Подводя итоги, статьи во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с развитием, функционированием и использованием концепта «*revolução*» в бразильском интеллектуальном дискурсе XX века. В рамках бразильского интеллектуального сообщества в лице тех его представителей, о которых речь шла выше, не сложилось только и исключительно социальное, политическое или экономическое восприятие революции. Большинство интеллектуалов, анализируя революционный процесс, конечно, уделяло особое внимание социальным и экономическим проблемам, противоречиям экономического развития и роста, зависимости, социальным и классовым противоречиям, рабочему другим политическим движениям.

Вместе с тем, анализируя революции как исторические явления, бразильские авторы особое внимание сосредотачивали на роли культурных и расовых факторов, что придавало их работам междисциплинарный характер и направленность. В подобной ситуации в изучении феноменов революции в бразильской историографической традиции сложилась уникальная ситуация: явно не принадлежа к числу интеллектуальных и историографических лидеров 20 века, бразильские гуманитарии оказались в состоянии сформировать, выработать и предложить чрезвычайно оригинальную версию революции как процесса. Бразильская историография революции стала одновременно не только национальной, но и в значительной степени вписанной, органически интегрированной в международный историографический контекст.

Кроме этого, контекст, о котором идет речь, имеет важное качество и измерение междисциплинарности. В такой ситуации история революции могла писаться и конструироваться, воображаться и интерпретироваться не только и не просто как история социальная и экономическая или политическая история, история классовой борьбы, социальных и

экономических отношений и институтов, но и как история интеллектуальная, культурная, история идей, гендерная история или микроистория. В наибольшей степени эти пионерские направления гуманитарного знания в 1960-е годы были актуализированы в рамках социальной истории революции, что в дальнейшем содействовало общему прогрессу социальной истории как междисциплинарного направления в бразильской историографии.

Поэтому, в рамках бразильской исторической и экономической науки, социологической и политической мысли сложилась не просто марксистская или неомарксистская историография революции. Вместо этого усилиями целого ряда ярких представителей бразильского интеллектуального сообщества было предложено качественно иное восприятие революции. Его инаковость основана на теоретических и методологических основаниях, которые позволили бразильским интеллектуалам институционализировать в рамках своего сообщества социально-экономическую антропологию революции, культурный анализ революции, интеллектуальную историю революции, хотя все эти весьма условные дефиниции и определения не охватывают того широкого диапазона интерпретаций и трактовок революции, которые встречаются в бразильской историографии.

Библиографический список

1. A formação dos assentamentos rurais no Brasil: processos sociais e políticas públicas / org. L.S. Medeiros e S. Leite. – Porto Alegre, 1999.
2. Almeida J.M. Regionalismo e modernismo: as duas faces da renovação cultural dos anos 20 / J.M. Almeida // Gilberto Freyre em quatro tempos / org. E.V. Kosminsky, C. Lépine, F.A. Peixoto. – Bauru, 2003.
3. Arruda M.A. A temática regional: considerações historiográficas” / M.A. Arruda // Anais do Museu Paulista. – 1986. – T. XXXV. – P. 156 – 166.
4. Bivar Marquese R. de, Diáspora africana, escravidão e a paisagem da cafeicultura no Vale do Paraíba oitocentista / R. de Bivar Marquese // Almanack Braziliense. – 2008. – No 7. – (http://www.almanack.usp.br/PDFS/7/07_Artigos-05.pdf)
5. Bivar Marquese R. de, O poder da escravidão: um comentário aos “Senhores sem escravos” / R. de Bivar Marquese // Almanack Braziliense. – 2007. – No 6 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.almanack.usp.br/PDFS/6/06_forum-02.pdf
6. Blackburn R. A construção do escravismo colonial / R. Blackburn. – Rio de Janeiro – São Paulo, 2003.
7. Calazans R. Ambivalências: o Nordeste nas obras de Gilberto Freyre e Celso Furtado / R. Calazans // Revista Brasileira de Ciências Sociais. – 2007. – Vol. 22. – No. 64.
8. Cardoso F.H. Capitalismo e escravidão no Brasil meridional – o negro na sociedade escravocrata do Rio Grande do Sul / F.H. Cardoso. – Rio de Janeiro, 1977.

9. Duarte N. A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira) / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939. – (<http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/duarte.html>)
10. Ferreira O.S. A Teoria da "Coisa Nossa" ou a Visão do Público como Negócio Particular seguido de O Estado e a Oligarquia, e o Sistema / O.S. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1964 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/coisanossa.html>
11. Ferreira O.S. As Forças Armadas e o Desafio da Revolução / O.S. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1964 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/desafior.html>
12. Freyre G. A necessidade do pluralismo sociológico / G. Freyre // Folha de São Paulo. – 1942. – Maio 18.
13. Freyre G. A Propósito de um livro em 3ª edição "Casa grande e senzala" / G. Freyre // Revista do Brasil. – 1938. – Vol. 1. – No 1. – P. 33 – 40.
14. Freyre G. Atualidade da sociologia / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1941. – Outubro 8.
15. Freyre G. Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.
16. Freyre G. O homem e as paisagens rurais / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1939. – Julho 5.
17. Freyre G. Os interesses do Brasil / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1938. – Novembro 10.
18. Freyre G. Estudos afro-americanos / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1942. – Março 21.
19. Freyre G. Regionalismo Brasileiro / G. Freyre // Folha de São Paulo. – 1978. – Setembro 6.
20. Freyre G. Um escravo velho / G. Freyre // Diário de Pernambuco. – 1942. – Julho 2.
21. Garcia A. A Sociologia Rural no Brasil: entre escravos do passado e parceiros do futuro / A. Garcia // Estudos Sociedade e Agricultura. – 2002. – No 19. – Outubro. – P. 40 – 71.
22. Genovese E.D. O mundo dos senhores de escravos / E.D. Genovese. – Rio de Janeiro, 1979.
23. Gorender J. O Escravismo Colonial / J. Gorender. – São Paulo, 1978.
24. Goulart M. A Escravidão Africana no Brasil / M. Goulart. – São Paulo, 1975.
25. Grinberg K. Senhores sem escravos: a propósito das ações de escravidão no Brasil Imperial / K. Grinberg // Almanack Braziliense. – 2007. – No 6 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.almanack.usp.br/PDFS/6/06_forum-01.pdf
26. Kelmer Mathias C.L. Preço e estrutura da posse de escravos no termo de Vila do Carmo (Minas Gerais), 1713 – 1756 / C.L. Kelmer Mathias // Almanack Braziliense. – 2007. – No 6 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.almanack.usp.br/PDFS/6/06_artigo-03.pdf
27. Lovejoy P.E. A Escravidão na África: uma história de suas transformações / P.E. Lovejoy. – Rio de Janeiro, 2002.
28. Przeworski A., Cheibub J.A., Limongi F. Democracia e cultura: uma visão não culturalista / A. Przeworski, J.A. Cheibub, F. Limongi // Lua Nova. – 2003. – No 58. – P. 9 – 36.
29. Rangel I. A história da dualidade brasileira / I. Rangel // Revista de Economia Política. – 1981. – Vol. 1. – No 4. – P. 5 – 34.
30. Schwartzman S. A Filosofia do Subdesenvolvimento de Álvaro Vieira Pinto / S. Schwartzman [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.schwartzman.org.br/simon/vieira.htm>
31. Schwartzman S. Bases do autoritarismo brasileiro / S. Schwartzman. – Rio de Janeiro, 1988 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.schwartzman.org.br/simon/bases.htm>

32. Schwartzman S. Desenvolvimento e Abertura Política / S. Schwartzman [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.schwartzman.org.br/simon/abertura.htm>
33. Schwartzman S. Para um conceito sociológico de alienação política / S. Schwartzman [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.schwartzman.org.br/simon/aliena.htm>
34. Werneck Sodré N. Formação histórica do Brasil / N. Werneck Sodre. – São Paulo, 1971.
35. Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития» / Н. Вернек Содре. – М., 1976.

Буржуазная революция в Бразилии: проблемы классических социальных и экономических интерпретаций

Концепт «revolução» являлся одним из центральных и системных в бразильском историческом воображении 20 века. Революция воображалась и анализировалась бразильскими историками в контексте экономической и политической истории. Попытки описания революции как части истории идей, социальной и культурной истории, интеллектуальной истории также были чрезвычайно важны. Революция в бразильском историографическом воображении воспринималась в контексте замедленного социального и экономического развития и теорий зависимости, зависимого развития и периферийного капитализма. Изучение революции в бразильской историографии имело междисциплинарный характер. Буржуазная революция изучалась в контексте истории идей, интеллектуальной истории, процессов формирования и развития идентичностей. Бразильские историки, пребывая под влиянием марксистской историографической традиции, анализировали роль политических противоречий и классово-борьбы, полагая, что расовые и культурные факторы относились к числу не менее важных.

Ключевые слова: revolução, историография, социальная история, междисциплинарность

The «revolução» concept was one of the central and system in Brazilian historical imagination of the 20th century. Revolution was imagined and analyzed by Brazilian historians in the context of economic and political history. Revolution in Brazilian historiographical imagination was analyzed in the context of slow social and economic development, dependency theory, dependent development and peripheral capitalism. The attempts to describe the revolution as part of the history of ideas, social and cultural history, intellectual history were also extremely important. Revolution studies in Brazilian historiography were interdisciplinary. The bourgeois revolution was studied in the context of a history of ideas, intellectual history, formation and development of identities. Brazilian historians, being under influence of Marxist historiographical tradition, analyzed the role of political contradictions and class struggle, presuming that racial and cultural factors were also among the important and influential.

Keywords: revolução, historiography, social history, interdisciplinary

Социальный, политический, экономический, частично – культурный и, в значительной степени, интеллектуальный облик современного Запада, если под таковым понимать Европу, Северную и Южную Америки, сложился почти случайно, не эволюционно, а преимущественно революционно, вследствие серии буржуазных революций, которые привели к столь значительным политическим и социально-экономическим переменам и изменениям в Европе, вполне определяемым как мутации, которые на последующие столетия определили траектории развития современного мира. На протяжении длительного времени в историографии, как отечественной, так и зарубежной, как марксистской и неомарксистской,

так и традиционно классической буржуазной исторической науке в отношении революций – буржуазных, а тем более и «социалистических» идут непрекращающиеся споры, дискуссии и дебаты. Часть историков склонна революции именно историзировать, наделять их пролонгированными и продолжительными истоками, искать и находить их предшественников, а сами революции воспринимаются как явления почти исключительно европейские.

Именно европоцентризм доминировал в большинстве работ, которые составили историографический корпус вводной теоретической статьи данного раздела. В рамках подобного восприятия буржуазная революция – не случайность, а вполне закономерное следствие социальных и экономических процессов, трансформаций, сословных или даже классовых противоречий. Другие историки, наоборот, весьма скептически относятся к самому концепту «революция», воспринимая его как изобретенный конструкт, коллективное место социальной, исторической и политической памяти. Для них концепт «революция» в значительной степени дискредитирован активным использованием этого термина: если можно смириться с фактами английской или французской революции без определения их как «буржуазных», если можно принять бесспорно прогрессивное значение неолитической революции, если следует дискутировать в отношении восточных революций, облаченных в большей степени в религиозные, а не политические одеяния, то чрезвычайно активное применение термина «революция» для событий, которые охватили Европу с конца 1980-х годов, представляется, если не сомнительным, но очень спорным и дискуссионным.

Отношение к революции и тем более революции буржуазной в бразильской историографии 20 века, как было показано выше, отличалось значительным разнообразием, но в предыдущей статье данного раздела, речь о революции шла в широком контексте, как о воображаемом конструкте или о революции как одном из «идеальных типов». Само восприятие буржуазной революции в качестве идеального типа в бразильской историографии [21] возникло относительно поздно и имеет не сколько историографические и академические, сколько политические основания. В 1964 году в Бразилии произошел военный переворот, разумеется, объявленный его организаторами и идеологами «революцией», а в 1974 году выходит книга Флорестана Фернандеса «A revolução burguesa no Brasil» [11; 12], которая, с одной стороны, продолжила более ранние попытки осмысления феномена, периодически предпринимавшиеся Жилберту Фрейри в 1933 [19], Сержиу Буарки ди Оланда, в 1936 [5; 26], Раймунду Фаору в 1958 [9], а, с другой, стала началом новой

историографической традиции, основанной на принципах междисциплинарности и сочетавшей в себе не только элементы традиционной истории, но и истории социальной, социального анализа, истории идей и литературной истории.

Склонность к подобному синтезу характерна для большинства из упомянутых выше авторов, но совершенно отчетливо она просматривается в исследованиях Сержиу Буарки и Оланды, который, по мнению Рикарду Муссе [22], лавировал между призванием историка и литературного критика. Сержиу Буарки и Оланда [28], автор исследований «*Caminhos e fronteiras*» [3] и «*História geral da civilização brasileira*» [4], выполненных на стыке различных историографических канонов, и как историки, в значительной степени подошедший к синтетической истории, почти порвавший с традициями нормативного позитивистского описания, в большей степени известен как исследователь генезиса социальных и экономических перемен в Бразилии, которые содействовали формированию и развитию ее буржуазности.

Основная роль в развитии концепта «буржуазная революция» в бразильской историографии принадлежит Флорестану Фернандесу [2; 8], известному как один из основателей социальной теории в Бразилии, которая нашла отражение в его работах, посвящены проблемам генезиса буржуазных отношений, истории капитализма и буржуазной революции в Бразилии. В бразильской историографии доминирует мнение, что именно Фл. Фернандес стал одним из первых историков [29], который обратил внимание на роль социальных классов и рас [10; 18] в процессе модернизации [24]. Начиная с 1930-х годов, бразильские интеллектуалы активно содействовали тому, что концепт «*revolução burguesa*» постепенно превратился в один из идеальных историографических типов, а сама революция получала почти исключительно социально-экономические объяснения и интерпретации, соотносясь и изучаясь параллельно или вовсе в контексте таких понятий как «капитализм» [6] или «социальные классы» [7].

Концепт «буржуазная революция» в бразильской интеллектуальной и историографической ситуации оказался чрезвычайно удобным и достаточно эластичным, чтобы использовать его для объяснения, почему бразильский капитализм развивался отлично от классического европейского и от чего буржуазная революция в Бразилии не очень похожа на аналогичные европейские исторические явления. Современный бразильский историк Паулу Роберту ди Алмейда [1] полагает, что идея «буржуазной революции» в Бразилии была связана с развитием марксизма, хотя, начиная с 1990-х годов, ее методологическое влияние в

определенной степени снизилось. Понятие «буржуазная революция» воспринималось Фл. Фернандесом широко, хотя он был склонен к ее интерпретации в контексте преимущественно социальной истории [11; 12], особое внимание уделяя фактору изменений и социальной трансформаций [15] (в том числе, и их переосмыслению [14] в контексте разного рода культурных практик), вместе с тем, понимая всю спорность и дискуссионность [11] подобного подхода. Поэтому он писал, что буржуазная революция представляла собой «структурное явление, в рамках которого могли возникать режимы склонные к относительным переменам» [25].

Фл. Фернандес явление буржуазной революции в Бразилии описывал как в контексте социальной и экономической истории [13 – 17], так и в контексте выяснения, почему в середине 1960-х годов в стране был установлен авторитарный режим. Анализируя феномен развития буржуазной революции Фл. Фернандес полагал, что этот процесс в Бразилии оказался чрезвычайно пролонгированным, политические, экономические и социальные трансформации могли протекать в разное время или одновременно, но чаще всего они не совпадали. Подобное несовпадение, вероятно, имело не самое позитивное влияние на социальную историю Бразилии, но положительно отразилось на развитии бразильской историографии, став стимулом для появления междисциплинарных исследований [23], сфокусированных на выяснении роли капиталистических, буржуазных институций в социальной и идеологической трансформации бразильского общества.

В этом контексте само современное национальное государство в Бразилии, бразильская политическая нация и идентичность в бразильской историографии [27] могли восприниматься как продукты и последствия развития именно капитализма, буржуазных отношений или формального пребывания экономики в рамках не менее формальной капиталистической или буржуазной модели развития, но для динамичного развития капитализма была необходима буржуазия [20], формирование которой в Бразилии протекало со значительными особенностями. Именно поэтому бразильские интеллектуалы столь интересовались поисками ответа на вопрос относительно причин развития капитализма в Бразилии (пусть и со значительными национальными особенностями после революции), но одновременной и параллельной неудачи установления национального и демократического государства. Ответ на этот вопрос, равно как и сам вопрос, к середине 1970-х годов отличался немалой актуальностью, так как Бразилия в условиях авторитарного режима испытывала явный дефицит демократии. В подобной ситуации интерес бразильских интеллектуалов к, казалось бы, сугубо исторической проблеме – к буржуазным революциям

как части истории нового времени и был мотивирован и в значительной степени политически.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. В независимости от наших методологических и теоретических предпочтений, принятия или отторжения самого концепта «революции» и, тем более, «буржуазные революции», анализируя революционные процессы в Бразилии в исторической перспективе, следует констатировать взаимосвязь и взаимозависимость между революционной компонентой в бразильской истории и ее другими составляющими, а именно – с модернизацией и национализмом. Революция в Бразилии стала важным фактором как экономической, так и политической модернизации.

Если революция 1822 года может восприниматься как «буржуазная» условно, то она была революцией преимущественно национальной и националистической, создав, тем самым, условия для проведения в Бразильской Империи мероприятий, направленных в той или иной мере на модернизацию страны. В этом отношении революция 1822 года была преимущественно национальной и только во вторую очередь буржуазной, то есть социальная и экономическая компонента в 1820-е годы была актуализирована в гораздо меньшей степени, чем национальная. Что касается революции 1889 года, которая привела к падению Бразильской Империи, то и она не может быть определена, а ее история описана и проинтерпретирована исключительно и только в социально-экономической системе координат.

Свержение Империи можно воспринимать как национальную революцию, так как республика актуализировала качественно иные и другие формы национализма, политических и гражданских идентичностей, но революция 1889 года стала в большей степени социальной и экономической, так как последующие годы привели к актуализации именно буржуазной линии в развитии бразильской экономики. В этом контексте к революции 1889 года в большей степени применимы социально и экономически маркированные дефиниции «буржуазной революции». Анализируя феномен революции в бразильском контексте, во внимание следует принять и влияние революций 1822 и 1889 годов на социальные и экономические процессы и институты, структуру населения.

Конечно, можно утверждать, что революции, если они и были буржуазными, произошли в неподготовленной к ним стране, где доминировали архаичные отношения, а значительную роль играли неформальные институты. Вероятно, сохранение института рабства было важнейшей формой бразильской социальной и экономической архаики в 19 веке. Отмена рабства и связанная с ней революция 1889 года, казалось бы,

должны были эту проблемы, хотя бы на формальном уровне, разрешить, но социальные отношения и связанные с ними экономические институты в Бразилии продолжали и в последующие десятилетия развиваться при сохранении значительной специфики.

Важной особенностью формально революционных процессов в Бразилии в 19 столетии была именно их формальность, которая проявлялась в следующем: в движении 1822 года приняли участие, как известно, широкие слои населения, в том числе – и молодая бразильская буржуазия, но, несмотря на это, революция 1822 года подлинно буржуазной так и не стала. Аналогичным образом развивались и политические процессы в рамках революции 1889 года. В подобной ситуации бразильские революции 19 века были формальными революциями, которые решали преимущественно актуальные политические задачи.

Поэтому, революционные силы достаточно быстро оказывались на периферии политического и экономического процесса в то время, как локомотивами политического и экономического развития, вероятного роста и возможных перемен становились другие, совсем и отнюдь, не самые революционные группы, связанные с теми течениями и стратами в политическом классе, которые оказывались в состоянии решать те или иные задачи. При этом решение подобных задач нередко могло осуществляться вне рамок формальных политических и экономических институтов. В этом контексте актуализируется и другая особенность бразильских буржуазных революций, которые формально создавали в наибольшей степени благоприятные условия для развития рынка и капитализма, но это было только формальным условием от того, что фактическая монополия на осуществление и реализацию политической и экономической власти могла осуществляться различными, не всегда совпадающими, группами, имевшими различные – региональные, социальные, экономические, политические – основания.

Автор настоящей статьи полагает, что буржуазные революции в Бразилии в 19 веке были осуществлены в условиях почти полного отсутствия, слабости, социальной, политической и экономической невидимости буржуазии и пролетариата, которые на арене бразильской истории появятся спустя несколько десятилетий. Вдохновителями и творцами подобных «буржуазных» революций могли быть «высокие» политические классы или военные круги, формально не столь заинтересованные в широких и массовых социальных и экономических трансформациях, которые в большей степени соотносятся как с интересами, так и политическими задачами буржуазии и пролетариата.

Библиографический список

1. Almeida P.F. de, Florestan Fernandes e a idéia de revolução burguesa no pensamento marxista brasileiro / P.F. de Almeida // Revista Espaço Acadêmico. – 2005. – No 52 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.espacoacademico.com.br/052/52ff_almeida.htm
2. Arruda M.A. do N. Arremate de uma reflexão: A revolução burguesa no Brasil de Florestan Fernandes / M.A. do N. Arruda // Revista USP. – 1996. – Vol. 29. – Março – Maio. – P. 56 – 65.
3. Buarque de Holanda S. Caminhos e fronteiras / S. Buarque de Holanda. – São Paulo, 1994.
4. Buarque de Holanda S. História geral da civilização brasileira / S. Buarque de Holanda. – São Paulo – Rio de Janeiro, 1977.
5. Buarque de Holanda S. Raízes do Brasil / S. Buarque de Holanda. – Rio de Janeiro, 1936.
6. Cardoso F.H. Capitalismo e Escravidão no Brasil Meridional / F.H. Cardoso. – São Paulo, 1962.
7. Cardoso F.H. Classes Sociais e História: Considerações Metodológicas / F.H. Cardoso // Autoritarismo e Democratização. – Rio de Janeiro, 1975
8. Carminati F. As antinomias da transformação social: Florestan Fernandes e a construção do Brasil / F. Carminati [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.humanas.ufpr.br/site/evento/SociologiaPolitica/antinomias-FabioCarmati.pdf>
9. Faoro R. Os donos do poder / R. Faoro. – Rio de Janeiro, 1958.
10. Fernandes F. A Integração do Negro na Sociedade de Classe / F. Fernandesю – São Paulo: Dominus-USP, 1965.
11. Fernandes F. A Revolução Burguesa no Brasil em Questão / F. Fernandes // Contexto. – 1977. – No 4. – P. 141 – 148.
12. Fernandes F. A Revolução Burguesa no Brasil: ensaio de interpretação sociológica / F. Fernandes. – Rio de Janeiro: Zahar, 1974
13. Fernandes F. Capitalismo Dependente e Classes Sociais na América Latina / F. Fernandes. – Rio de Janeiro: Zahar, 1973.
14. Fernandes F. Folclore e Mudança Social na Cidade de São Paulo / F. Fernandes. – São Paulo: Anhambi, 1961
15. Fernandes F. Mudanças Sociais no Brasil / F. Fernandes. – São Paulo: Difusão Européia do Livro, 1960
16. Fernandes F. Sociedade de Classes e Subdesenvolvimento / F. Fernandes. – Rio de Janeiro: Zahar, 1968.
17. Fernandes F. A Sociologia numa Era de Revolução Social / F. Fernandes. – São Paulo: Companhia Editora Nacional, 1963.
18. Fernandes F. O Negro no Mundo dos Brancos / F. Fernandes. – São Paulo: Difusão Européia do Livro, 1972.
19. Freyre G. Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.
20. Gorender J. A Burguesia Brasileira / J. Gorender. – São Paulo: Brasiliense, 1981.
21. Musse R. A revolução burguesa no Brasil / R. Musse [Электронный ресурс]. – URL: <http://blogdaboitempo.com.br/2014/03/28/a-revolucao-burguesa-no-brasil/>

22. Musse R. Entre a história e a crítica literária / R. Musse [Электронный ресурс]. – URL: <http://blogdaboitempo.com.br/2013/04/05/entre-a-historia-e-a-critica-literaria/>
23. Navarro Toledo C. ISEB: Fábrica de Ideologia / C. Navarro Toledo. – São Paulo, 1977.
24. Perondi E. A revolução burguesa no Brasil / E. Perondi // Em Debate. – 2007. – No 3. – P. 135 – 147 [Электронный ресурс]. – URL: <https://periodicos.ufsc.br/index.php/emdebate/article/view/21321/19505>
25. Polichetti A.A. Florestan Fernandes – A revolução burguesa no Brasil / A.A. Polichetti [Электронный ресурс]. – URL: <http://discuthistoria.blogspot.ru/2010/07/revolucao-burguesa-no-brasil.html>
26. Ridenti M. Sérgio Buarque de Holanda / M. Ridenti // Intérpretes do Brasil. Clássicos, rebeldes e renegados / orgs. L. Secco e L.B. Pericás. – Rio de Janeiro, 2014.
27. Saes D. A Formação do Estado Burguês no Brasil: 1888 – 1891 / D. Saes. – Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1985.
28. Sérgio Buarque de Holanda / org. R. Martins. – Rio de Janeiro, 2009.
29. Souza Martins J. de, O Professor Florestan Fernandes e Nós / J. de Souza Martins // Tempo Social. – 1995. – Vol. 7. – No 1 – 2.

КРИТИКА

М.В. Курчанов

Бразиловедение в кривых зеркалах московской латиноамериканистики

Бразиловедение принадлежит к числу динамично развивающихся междисциплинарных направлений в современном гуманитарном знании. Бразильские штудии активно развивались в СССР, их развитие продолжилось в постсоветской России. Автор обзора критически анализирует бразильский раздел книги московского историка А.А. Токарева. Автор полагает, что обзор литературы по бразиловедению в книге А.А. Токарева является неполным и предвзятым. Методологически книга А.А. Токарева не может быть определена как историографическая, так как ее текст представляет аннотированную библиографию.

Ключевые слова: историография, бразиловедение, А.А. Токарев

Brazilian Studies are among the dynamically developing areas in the contemporary interdisciplinary Humanities. Brazilian Studies actively developed in the Soviet Union, their development also continued in the post-Soviet Russia. The review critically analyzes Brazilian chapter of Moscow historian Andrei Aleksandrovich Tokarev book. The author believes that the review of literature in the analyzed book is incomplete and biased. Methodologically book of A.A. Tokarev could not be defined as historiographical because its text is closer to annotated bibliography.

Keywords: historiography, Brazilian Studies, A.A. Tokarev

На протяжении нескольких десятилетий бразиловедческие исследования активно проводились в СССР, а российская латиноамериканистика может рассматриваться как продолжательница традиций и достижений советского бразиловедения. Общая библиография работ, посвященных истории, литературе, культуре, политике и экономики Бразилии на сегодняшний момент является значительной, что стимулирует российских исследователей к осмыслению опыта, достижения и проблем развития отечественного бразиловедения.

Попыткой подобного осмысления может показаться книга московского автора А.А. Токарева «Португалистика в СССР и России», вышедшая в 2014 году в издательстве «Весь мир». А.А. Токарев является не первым российским историком, который пытается систематизировать и обобщить достижения отечественной историографии, например – в области изучения истории Бразилии [7; 8]. Издателями книга позиционируется как «глубокое исследование, содержащее очерки по истории отечественной португалистики, изучения Бразилии, Португалии и ее бывших владений в Африке и Азии» [9; с. 4]. Одна из рецензентов книги, профессор МГИМО(У)

Л.С. Окунева, полагает, что книга А.А. Токарева представляет собой «подробный анализ практически всех книг, сборников, монографий», имеющих отношение к изучению португалоязычных стран, о чем и сообщено на четвертой странице обложки. Вероятно, подобное утверждение имеет отношение к Португалии, но изучение Бразилии в представленной книге отражено крайне неполно и, более того, односторонне.

Поэтому, нас в данном обзоре будет интересовать исключительно то, как в этой новой книге отражено развитие изучения и исследований Бразилии. Панорама развития бразиловедческих исследований, созданная А.А. Токаревым, является далеко неполной, а его интерпретации и вовсе можно воспринимать как односторонние. Конечно, можно предположить, что книга была написана давно и, поэтому, автор не мог рассмотреть издания, посвященные Бразилии, 2000 – 2010-х годов, но, по словам самого А.А. Токарева, им учтены издания и публикации по состоянию на декабрь 2013 года. Тем не менее, это не может служить оправданием того, почему российские бразиловедческие штудии в этой книге отражены и описаны столь односторонне.

Проблемы изучения Бразилии в книге А.А. Токарева не занимают центрального места, им посвящена только одна глава, которую сложно назвать аналитическим исследованием и «подробным анализом», так как ее текст в большей степени представляет комментированный библиографический обзор, который является неполным. Глава, посвященная изучению Бразилии, представляет не более чем обзор некоторых публикаций по бразильской тематике, представленных А.А. Токаревым в хронологическом порядке [9, с. 50 – 57]. Что касается развития изучения Бразилии в постсоветской России, то картина, созданная А.А. Токаревым, является не только неполной, но и односторонней. Например, некоторые весьма спорные работы Л.С. Окуновой объявлены однозначно «фундаментальными» [9, с. 58], несмотря на наличие критических отзывов [5], полностью игнорируемых московской латиноамериканистикой. Кроме этого, список периодических изданий, в которых публикуются материалы, посвященные Бразилии, приведенный А.А. Токаревым так же вызывает многочисленные вопросы, так как в него вошли только и исключительно... московские издания («Латинская Америка», «Iberoamerica», «Аналитические тетради» и «Саммит») [9, с. 61].

Подводя итоги обзора, во внимание следует принимать ряд факторов.

Книга А.А. Токарева выдержана в традициях нормативной и преимущественно описательной историографии. В этом отношении название книги практически не соотносится с ее содержанием, так как автор попытался проанализировать исключительно московскую (и частично

– петербургскую) историографию. В подобной ситуации А.А. Токаревым полностью игнорирует региональную историографию Бразилии, в частности – работы воронежских историков. Если даже исключить тексты, изданные после декабря 2013 года, то А.А. Токарев полностью не замечает исследования, посвященные Бразильской Империи, интеллектуальной истории Бразилии, процессам политической модернизации [1; 2; 3; 4; 6].

Каковы причины подобной ситуации? Автор обзора не знает истинных причин игнорирования работ воронежских историков со стороны московских коллег. Конечно, все можно списать на мизерные тиражи воронежских изданий или сложность нахождения этих книг в Москве, но всё это возражения исключительно формального плана.

Они были бы частично уместны, если воронежские издания по Бразилии существовали только и исключительно на бумажном носителе, но большинство этих книг представлены в открытом доступе на сайте Факультета международных отношений Воронежского государственного университета (<http://www.ir.vsu.ru/resources/library/latin.html>). Это же замечание уместно и в отношении периодических изданий, которые в России публикуют статьи, посвященные Бразилии. Воронежский журнал «Политические исследования в Латинской Америке», одной из приоритетных задач которого является изучение именно Бразилии, бразильской истории, экономики и политики, так же, видимо, неизвестен А.А. Токареву, хотя его материалы, в отличие от московской «Латинской Америке», представлены в полнотекстовом формате в открытом доступе (http://www.ir.vsu.ru/periodicals/latin_politics.html).

Кроме этого, автору рассматриваемой книги, вероятно, полностью неизвестен такой ресурс как РИНЦ (<http://elibrary.ru/>), который только (по состоянию на 10 июня 2015 года) по поисковому запросу «Бразилия» выдает 2873 результата.

В методологическом и теоретическом плане раздел книги А.А. Токарева, посвященный Бразилии, является откровенно беспомощным. Вызывает непонимание, почему автор не систематизировал «анализируемые» им тексты. Поэтому, в разделе, посвященном изучению Бразилии, без всякой типологии и попытки на классификацию представлены как оригинальные исследования советских историков и экономистов, так и переводные работы, которые к советской историографии имеют весьма опосредованное отношение и в лучшем случае могут восприниматься как интеллектуальные стимулы для изучения тех или иных проблем и вопросов, имеющих отношение к Бразилии.

Поэтому, формально среди советских историков (если верить названию и воспринимать книгу, как посвященную изучению

португалоязычных стран, в том числе и Бразилии, в СССР и России) оказались бразильский писатель Жоржи Амаду, а также зарубежные авторы (Роша Помбу, А. Моура, А. Аленкастре и др.). Рассматривая проблемы изучения Бразилии в СССР, автор не разделяет проводившиеся исследования на исторические, экономические и географические, ограничиваясь простым перечислением изданных работ в хронологическом порядке.

В целом, текст книги А.А. Токарева в условно содержательной части, посвященной проблемам изучения португалоязычных стран, в том числе – и Бразилии, не может быть определен даже в качестве историографического обзора, представляя собой аннотированную библиографию, которая является не только далеко неполной, но и односторонней, основанной на изучении московских исследований при полном игнорировании региональных направлений в изучении Бразилии.

Библиографический список

1. Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 155 с.
2. Кирчанов М.В. Ordem e Progresso. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – 205 с.
3. Кирчанов М.В. Империя и нация: проблемы интеллектуальной истории Бразильской Империи / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2013. – 295 с.
4. Кирчанов М.В. Национализм, этатизм, модернизация: интеллектуальная история Бразилии XX – начала XXI века / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – 346 с.
5. Кирчанов М.В. Российское бразиловедение: между консервативной стабильностью, методологическим кризисом и маргинализацией / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 6. – С. 84 – 94.
6. Кирчанов М.В. Руритания vs Мегаломания: политический национализм и националистическое воображение в Бразилии в XX веке (литература и идентичность в социальных трансформациях и модернизациях) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2009. – 179 с.
7. Кирчанов М. Советское бразиловедение в 1960-1970-е гг. и проблемы «большого» нарратива / М. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 34 – 54.
8. Кирчанов М.В. Советское бразиловедение в 1980-е годы: запоздалый расцвет бразильских исследований в СССР / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. – 2013. – № 13. – С. 60 – 78.
9. Токарев А.А. Португалистика в СССР и России. О португалистике и португалистах / А.А. Токарев. – М.: Весь мир, 2014.

ISSN 2219-1976

2015 / 1 (17)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

LATIN AMERICAN POLITICAL TRANSFORMATIONS

2015 / 1 (17)

ISSN 2219-1976